

Роберт Шекли

Джордж и коробки

<http://book.zehinli.info>

Да, забавно получилось с Джорджем и коробками. А ведь раньше он их никогда не замечал. Но потом какая-то мелочь привлекла к ним его внимание - что-то очень пустяковое, тонкое и ускользающее, о чем он даже не мог точно вспомнить - и мне, наверное, следует извиниться за непростительный ход этой фразы, которая, выражаясь фигурально, так и машет хвостиком в воздухе - благо, что все можно изменить.

Позже Джордж много думал о подобных явлениях. Или, по крайней мере, он хотел как следует подумать об этом. Но разве вспомнишь сейчас о том, какие мысли посещали его в момент, когда, не имея еще определенных доказательств, возникших гораздо позже, если только не к настоящему времени, он открыл глаза и предстал, так сказать, лицом к лицу с коварными коробками.

Сначала он увидел лишь несколько штук, но коробки были разбросаны повсюду. А Джордж знал, что такие места, как повсюду, бывают очень интересными, особенно когда они не навевают скуку. Впрочем, это уже вопрос настроения, и даже если нас трое, давайте не будем кивать на луну.

Комната, в которой валялись коробки, с виду и сама походила на короб, однако на стенах, примерно на средней высоте, имелось несколько своеобразных черт - хотя Джордж не стал бы утверждать этого наверняка, поскольку его глаза были прикованы к коробкам, и ему не хватало сил поднять их на среднюю высоту.

Тем не менее, заметив коробки, Джордж какое-то время не знал, что ему делать с таким наблюдением, или, вернее, знал, но не хотел показывать свою осведомленность. Да вы и сами понимаете, как это бывает, когда после сытного обеда вам хочется прилечь и вздремнуть; когда жизнь бежит из года в год по спокойному руслу, а вам уютно и немного стыдно за свою лень; и, конечно же, вы лучше поваляете еще одного дурака, чем займетесь какими-то коробками.

- Прости, старик, за вопрос, но где здесь дорога в городок Под Мухой? - спросил здоровый желтый кабачок, вышедший из первой коробки на крохотных ножках - и здесь, наверное, следует добавить, что крохотные ножки принадлежали ему, а не коробке.

Джордж немного удивился словам кабачка, однако в самой глубине своего сердца он был разочарован. Нет, он, конечно, понимал, насколько необычно

звучала кабацкая речь, но вы ведь и сами знаете, что в некоторых религиях коренных американцев кабачок занимал довольно обычное, хотя иногда и забавное место. Неужели вы не помните всех этих историй о веселых шутниках, которые встречались среди кабачков?

Джордж решил посмотреть, повторит ли кабачок свой вопрос. Тот не повторял, и, следовательно, к его словам не стоило относиться серьезно. То есть при желании вы можете считать серьезным все, что угодно. Однако вам никогда не удастся угадать того точного набора правил, по которым будет разворачиваться событие. Хотя в самом начале у вас есть кое-какой выбор - вы можете отступить в сторону и послать ситуацию ко всем чертям в самый задний, так сказать, проход своей жизни. Но бессмысленно предугадывать события. Это все равно что стоять на берегу и махать рукой пролетающим чайкам времени. А ведь мы говорим о моменте, когда история лишь начиналась, о том кратком мгновении затишья перед тем, как Джорджу вновь предстояло опутать себя нелепыми узами, из которых сплеталась его жизнь. И, возможно, в тот миг еще не существовало никаких коробок.

Ладно, подумал Джордж, допустим, они все-таки существовали. Но в принципе их там могло бы и не быть.

Эта мысль послужила началом следующего этапа, поскольку все, что разворачивается в последовательность событий, уже само по себе может считаться ситуацией.

Интересно отметить, что во всех этих коробках сквозил оттенок какой-то фальши. Коробки с правильными углами выглядели вполне нормально, но вот остальные имели выступы и углубления, пилоны и полусферы, контрфорсы и балюстрады разных видов и форм. Джордж, конечно, слышал о неправильных геометрических телах, но в данном случае их порочность заходила слишком уж далеко. Тем более что для такого разгула декораций не было никаких рациональных причин. Если только здесь вообще уместно слово «декорация» и если только под ее видом не скрывалась какая-то чудовищная и многомерная структура.

Но стоило ли тревожить себя по таким пустякам? Джордж решил, что ему плевать на то, какие формы принимали эти коробки - и даже на то, что в них находилось. При встрече с усеченными конусами подобная невинная грубость стала бы причиной серьезных последствий. Однако такая встреча могла произойти лишь позже, если только вообще могла произойти.

И тут Джордж подумал о том, как красиво плавать в залитом солнцем океане, где маленькие волны покачиваются в медленном танце, а коробки кружатся и делают друг другу причудливые реверансы. Хотя на самом деле все было не так, и Джордж просто придумал это, чтобы немного поразвлечься. Иногда он позволял себе такую вольность. А вы, наверное, знаете, как приятно плавать на закате в теплом море, мечтая и выдумывая всякие вещи, без мирских тревог и забот о неумолимом времени.

То были чудесные мгновения, и Джордж наслаждался ими от всей души. Что может сравниться с подобным переживанием? Понятное дело, ничто. Так бывает, когда парню хочется чего-нибудь нового и другого; когда он нарочно считает это что-нибудь не тем, а чем-то другим; когда он, черт возьми, воображает себе это что-то другое. Понять такое может не каждый. Но Джордж понимал, иначе он

тратил бы свою энергию на то, чтобы считать комнату комнатой, а не настоящим океаном. Как будто имелась какая-то причина поступать наоборот. И все же стоило Джорджу подумать об этом, как океан и комната стали одинаково возможными и уместными.

Да, сияющее под солнцем море казалось прекрасным, однако так не могло продолжаться вечно. То есть оно, конечно, могло продолжаться сколько угодно. Но даже если бы здесь прошла тысяча лет, память сохранила бы это как один эпизод. Увидев одну волну, вы можете считать, что видели их все. И пусть искривившиеся бликами воды были просто великолепны, тем не менее, посмотрев на них достаточно долго, вы начинали тосковать о плеле. Хорошее всегда остается хорошим, но иногда вам приходится немного погрести, чтобы уцепиться за одну из коробок.

Джордж не имел каких-то особых критериев для выбора той или иной коробки. Просто ему пришла мысль уцепиться за одну из них, и он нашел это довольно забавным. И к какой коробке, вы думаете, он поплыл? Конечно, к той, что находилась ближе всех - к большой и голубой в светло-желтую полосу, с крыльями и длинным клювом. То есть, конечно, не с настоящими крыльями и клювом: мы же говорим о коробке, о чем-то таком, что просто выглядело, как крылья и клюв. А надо сказать, что Джордж в этом отношении соблюдал строжайшую пунктуальность. Первая коробка показалась ему немного подозрительной, и он быстро проплыл мимо нее - не очень, знаете ли, приятно, когда коробка пытается выглядеть чем-то еще. Да и в любом случае ему не составило труда подгрести к следующей коробочке, с более современной внешностью и приятной раскраской. Вернее, это только так ему казалось, пока он не положил на нее руку и не развернул немного к себе. Джордж знал, что надо заглядывать в суть вещей. Чтобы раскрыть подноготную коробочки, он ковырнул ее ногтем, но, к его великому сожалению, эта подноготная ничего хорошего собой не представляла.

Вы можете спросить, что же ему там так не понравилось? А разве могло обрадовать глаз такое нелепое нагромождение трубчатых форм? Или странные перекладки, которые связывали вместе все эти стальные конструкции разных размеров? Неужели вы когда-нибудь слышали о трубчатых конструкциях в маленькой раскрашенной коробке? Да я даже представить себе не могу всю эту систему канализации.

И тогда Джордж решил проигнорировать подноготную коробки, сделав вид, что ничего не понимает. Джордж знал, что некоторые вещи лучше всего вообще не понимать, так как их все понимали неверно. А неверное понимание меняло взгляд на вещи и создавало множество проблем, которых следовало избегать ради мира и спокойствия души.

Кроме того, с какой стати мы должны менять свои взгляды, если кто-то посчитал их неверными? Разве наш комфорт и покой ничего не стоят? И почему это мы должны потеть и лопатить веслами, если нам там ничего не светит...

Простите, но нас несло немного в сторону - прямо как Джорджа от коробки.

Внутри ее, то есть внутри коробки, все оказалось немного другим, чем он себе представлял. Забавно, правда? Вам кажется, вы знаете, что должно быть внутри коробки. Однако вы открываете ее и находите, что там все по-другому. Возможно, не совсем чтобы очень, и всегда могут найтись какие-то сходные позиции; но я

надеюсь, мы не будем топтаться вокруг да около, а спокойно и трезво одолеем ту путаницу коробок, которая тормозит наш прогресс к желанной цели, чье точное определение нам пришлось бы опустить, даже если бы мы его и знали. К счастью, наше незнание является еще одной гарантией того, что говорить мы на эту тему не будем.

К тому времени Джордж обнаружил, что к нему иногда обращались как к Эндикотту. Обращение казалось довольно простым и удобным, но оно несло оттенок неопределенности, поскольку Эндикотт могло быть и именем и фамилией. Чтобы не зарываться слишком глубоко - так как у каждого из нас хватает и других своих проблем, - я скажу, что в нашем обычном понимании вещей, даже в таком вот месте, как это, слово «Эндикотт» может восприниматься двояко. Между прочим, то же самое обнаружили и древние христиане, когда их загнали на арену со львами. Или это обнаружил император? Во всяком случае, что-то между ними там произошло. Джордж знал об этом по слабому отпечатку метафоры, который остался в его уме. Время стерло остальные следы, сохранив лишь мрачное ощущение подавленности, которое несла в себе эта тяжелая и громоздкая фигура речи.

Джорджу не хватало тех важных жизненных качеств, благодаря которым можно было закончить рисунок, связать движения в танец или спеть сольную партию в ангельском хоре. Тем не менее он довольно нормально обходился с тем, что попадало ему в руки, будь то, например, клочок бумаги в местах общего пользования или разрушенный храм на склоне горы. А ведь такие вещи не заботились о том, куда им попасть. Одним словом, Джордж решил проигнорировать данный вопрос, хотя на самом деле вопросов-то ему никто и не давал. Кроме того, у него почти не оставалось выбора, потому что в этот момент, в этот самый, так сказать, кульбит времени, произошло событие, которое Джордж посчитал бы беспрецедентным, если бы узнал о нем заранее.

Такие события случаются время от времени, но мы проходим мимо них, занятые мыслями о хлебе насущном и насущном масле. И поэтому не было ничего удивительного в том, что океан, сиявший бликами заката и казавшийся еще мгновение назад незыблемым атрибутом реальности, вдруг оказался на грани ужасного беспредметного прошлого, в котором он чуть позже и сгинул. Его тихую гибель скрыло за собой то новое, что только едва начинало прорастать.

Какое-то время Джордж размышлял о смысле происходивших с ним явлений. А это не такое уж и бессмысленное занятие, верно? Вам бы тоже не помешала лишняя минутка, если бы вас завертело в круговороте каких-то событий. Кроме того, следует учесть, что даже такая мимолетная фраза, как «мгновенная расплата», требует на свое осмысление не меньше минуты - вернее, не сама фраза, а то, на что она ссылается в метафорическом, так сказать, смысле слова. Джордж еще не мог разобраться, впервые он подумал об этом или нет. Но как Эндикотт он позволил себе немного посомневаться. И раз они платили ему за такую работу, то почему он должен этого стыдиться? Что естественно, то не безобразно, как любил он говаривать своим корешкам, потягивая виски в баре. Прошу прощения, мадам, но я не говорил, что у Джорджа росли из тела какие-то там корешки. Я имел в виду его закадычных приятелей, и они, надо сказать, выглядели почти так же, как он. Ну разве что более коренастыми. А какими еще могут быть корешки?

Сам же Эндикотт был долговязым и худым. Они даже называли его Струей. Джек Струя - не слишком мило, правда? Но вы же знаете, какими грубыми становятся люди, попадая под газовую атаку.

Говоря по правде, мы и сами повидали многое на своем веку. Особенно теми вечерами, когда, добравшись до берега моря, пытались снять на время несколько коробок - сначала тех, где живут, а потом тех, с кем живут. И на морском берегу всегда хватало того и другого. Очевидно, они как-то связаны друг с другом. Хотя лично я не уверен, что одни коробки порождают другие. Природа более тонка, и ее пути неисповедимы.

В то время вопрос надвигавшейся истории еще не вставал так остро и грозно. Люди наслаждались своими маленькими радостями, но то была настоящая и респектабельная жизнь. Как жаль, что мы больше не увидим ничего подобного.

А разве можно забыть эти прекрасные прогулки по морскому берегу, когда мы присматривались то к одним коробкам, то к другим; разве можно забыть ту магическую игру слов, которая возникала в беседах между мужчиной и женщиной? Пикники запоминались сложными салатами - салатами из встреч и чудесных дней!

Впрочем, и тогда возникали проблемы. Но в то время мы еще не знали, что считать проблемами, а что - промежутками между ними.

Джек Струя. Представляете, каково быть таким человеком? Или Джеком Мокрое Пятно? Хуже не придумаешь, верно? Да, молодежь грубеет с каждым днем, и особенно здесь, в этой стране первопроходцев и пионеров, где люди без галстуков считаются либо зелеными сопляками, либо древними и ветхими старцами. И жизнь здесь, конечно, не сахар.

Тем вечером Эндикотта одолевало смутное и тревожное предчувствие. Он вышел на узкую полоску пляжа и уселся перед своей лачугой - довольно стандартным домиком с обычным набором кухонных приспособлений. В те дни еще не изобрели всяких там кухонных комбайнов и микроволновых сеялок, поэтому все женщины работали вручную. Во всяком случае, Эндикотт принимал их тогда за женщин.

А потом начались первые неприятности. Они всегда приходят к нам тихо и незаметно, и мы не думаем о них вплоть до того момента, пока вдруг не случается настоящая беда. Впрочем, вы лучше меня понимаете эзотерический смысл усеченных конусов, которые тоже влились в нашу жизнь незаметно и тихо.

Сначала нас беспокоили только их немного вульгарные черты - да-да, вульгарность и кривые подлые рты. Каждый из них носил с собой гитару, но мы никогда не слышали, чтобы они играли. И еще нам тогда казалось, что их отговорки слишком глубоки для нашего понимания.

- Куда вы идете?

- Вон туда, чтобы посмотреть на усеченные конусы. Хотите пойти вместе со мной?

- Мне бы очень хотелось, но сейчас я занят. Не могли бы вы передать им эту корзиночку с диалогом?

- А-а! Это та штука, которую вы собираете в словесных дебрях? С виду ничего особенного. Но я бы не стал кормить такой пищей своих детей. Ничего хорошего из этого не получится. Вы понимаете, что я хочу сказать?

С каждой его новой фразой я становился все более и более подозрительным. Да и с какой стати он так разговорился, если еще минуту назад ему и смотреть-то на меня не хотелось?

- Послушайте, - сказал я, - может быть, вы пойдете себе дальше?

- Меня зовут Джордж, - ответил он.

Где-то под кипой желтых страниц моего разума завывала тревожная сирена. Я же ни о чем его не спрашивал! Тем более что мы никогда с ним до этого не встречались - да и до того тоже. Тогда почему он назвал мне свое имя? То самое, которое я терпеть не могу. Неужели втирается в доверие, чтобы остаться здесь или оставить мне свой пухлый мешок с диалогом?

- Как мне не хочется таскать его с собой! Он такой липкий.

- А ну, кончайте это! - закричал я, торопливо закрывая мешок.

Если и есть на свете вещь, которая вам абсолютно не нужна, так это диалог из болтливового мешка. И не только потому...

- Но помимо этого и по многим другим причинам.

- Хватит, я вам сказал!

Однако мешочек протекал, и диалог сочился из него тонкой струйкой. Я изо всех сил старался не слушать тот бред, который вытекал из лопнувшего шва.

- В ту пору сирены Франции носили длинные платья, которые придавали им довольно унылый вид, и поэтому, собравшись с духом, я сказал ему...

Вы и сами знаете, насколько утомительным может казаться чужой диалог. Но диалог внутри диалога - это вообще невыносимо. Мы можем выглядеть немного наивными и не искушенными в ваших городских штучках, но нам прекрасно виден нескончаемый регресс, который уже встает над горизонтом культуры. И, оглядываясь назад, я замечаю теперь что-то безошибочно поддельное во всем том, что предшествовало настоящему времени.

Этот Джордж, назвав свое имя, тем не менее не торопился узнать мое. Возможно, он думал, что я представляюсь сам, но это шло вразрез всему оформлению ситуации, ее моральному орнаменту и формам приличия.

- Скорее я поцелую раздавленного таракана, чем представлю себя.

Прозвучавшую реплику мне явно навязали. Конечно, я бы так не сказал. Упаси меня боже! Эта фраза вытекла из мешочка с диалогом.

И только тут до меня дошло, что этот парень принес мешочек в коробке. А значит, он был тем самым знаменитым Джорджем, который прославился своими вездесущими коробками. И я должен признать, что это меняло многое.

Чем больше я думал о Джордже, тем меньше он мне нравился. Не то чтобы знал его лично или действительно тратил свое драгоценное время на какие-то размышления о нем. Конечно же, нет. Все прошло гораздо быстрее. Вы же знаете, как это происходит внутри. Вот вы взглянули на кого-нибудь - и вот у вас уже свое личное мнение. Проблема в том, что между этими двумя событиями больше ничего нет, и такой поворот дела приводит нас в замешательство. Мы знаем правила игры. По этим правилам там должно что-то быть.

- Чтобы избежать субъективного идеализма?

- Вот именно.

Иногда случайные слова из мешочка с диалогом могут до жути подходить к описанию событий и придавать им особый жуткий смысл.

А я тем временем, если вы помните, прогуливался по пляжу, и из пухлого мешочка, который Джордж попросил меня передать усеченным конусам, по-прежнему вытекали слова.

Тем не менее что-то внутри меня протестовало - это, конечно, фигура речи, и вы можете найти ее не только внутри меня, но и где угодно.

- Зачем нам нужны все эти конусы?

- Неужели ты не понимаешь, что суть вопроса не в них? Они даже не достигли той точки, где их можно назвать хотя бы условно существующими. А ты должен знать, что обычно происходит, когда кто-то берется за дело на предварительной стадии. Поверь мне на слово, он получает что-то очень слабое и неубедительное!

- Проблема с этим Джорджем, по всей вероятности, состояла в том, что он принимал решения, которые, на мой взгляд, было бы лучше отложить на какое-то время. И фактически на довольно долгое время.

- Фактически, практически!

Я зашагал быстрее. Шов в мешочке расходился все больше и больше.

- А-а! Так ты боишься чепухи? Но ведь все ее боятся, верно? Вот почему они называют ее чепухой. И вот почему она так часто появляется в величии своей непосредственности и непреложности ко всему прочему; я бы даже сказал, что она возникает во всем великолепии своей восхитительной доказуемости, хотя эти качества постигаются людьми гораздо позже - после того как создается механизм восприятия.

Они объяснили мне это очень подробно: сначала мы имеем объем перцепции, который всегда появляется первым и может принимать любую форму и образ - свертка, бумеранга, трех апельсинов или хорошего юмора у друзей. А поскольку таким объектом может оказаться все, что угодно, мне бы не хотелось быть исчерпывающим в этом вопросе. Главное, что объект перцепции возникает первым.

Потом, когда восприятие зависает на какой-то миллиметр наносекунды, чтобы проявить себя вполне определенной гранью сознания, что-то в нас приходит в готовность и улавливает это зависящее восприятие. Некоторые даже говорят, что перцепция сама по себе расщепляется на две противоположные части - объект перцепции и того, кто этот объект воспринимает, то есть сам, по-научному, перцептор.

- В этом перцепторе есть что-то римское, правда?

Я не обращал внимания на болтовню мешка, и мне больше не хотелось смотреть на усеченные конусы. Даже без встречи с ними я знал, что между нами не может быть ничего общего. В тот миг мне грезилось что-то похожее на пухлое, набитое ватой кресло. Я осмотрелся в поисках мягкой и удобной концепции, желательно с полосками и прочным остовом, чтобы она подольше стояла на своих маленьких ножках и не опрокидывалась слишком быстро.

А ведь то, о чем они говорят, действительно происходит: сначала возникает перцепция, потом она делится на объект и субъект восприятия, а затем на земле появляются цветы, или мы присутствуем при рождении блюза. Нет, вы можете хихикать, если хотите, но уверяю вас, тут совсем не до смеха. Давайте рассмотрим этот вопрос дальше. Допустим, мои глаза сейчас закрыты, потому что я ничего не вижу - соответственно ни одна из этих вещей не появляется. А потом они внезапно вспыхивают, и мне приходится вертеться как белке в колесе, чтобы запретить и

сдержать их бег. Но что я могу поделаться с алюминиевым патронташем, или бронированной самоходкой, или этой яйцеобразной волной, которая набегает спереди? Такие вещи всегда возникают неожиданно, поскольку перцепции редко приходят поодиночке: они смешиваются друг с другом и создают многоуровневые перцепторы, то есть вас, меня и ее.

На этом разговор, конечно, не закончился, но я был им сыт по горло. Фактически у меня появилась такая перцепция, что я и так уже слишком много знаю и что мне пора понемногу о чем-то забывать. Для начала мне захотелось забыть о Джордже, но я не учел его коробок - этих отвратительных вещей, которые рьябили своими полосками и протуберанцами, то ускользя, то появляясь у нас перед глазами; они были до странности неуловимыми и в чем-то даже волнообразными, и их неумолимое возникновение намекало на то ужасное и фатальное, что скрывалось за ними впереди. Ну вот, еще одна фраза уплыла, вытягивая во все стороны свои маленькие щупальца и стараясь зацепиться за любое слово, которое могло бы вернуть ее в безопасную гавань. По крайней мере, она пыталась стать идеей, идеей о коробках - этих всевозможных контейнерах для материальных вещей и вместительных невыразимого и непознанного.

Хотя, насколько я знаю, коробки еще не породили ни одной материальной вещи. И мне кажется, мы можем этому только радоваться.

- Совершенно верно. Диалог из мешка с диалогом - это довольно скверно.

Из мешочка текло все сильнее.

- Ты чертовски прав. Течь становится все больше, и я должен сказать тебе, что ты глух как пробка, если не слышишь фальши в том хоре, который поет сейчас в твои уши.

Мне удалось завязать узелок в уголке мешка и тем самым остановить на какое-то время этот нарастающий поток слов. Хуже всего было то, что в них имелся какой-то здравый смысл. А что может быть хуже слов, которые, как нам кажется, содержат здравый смысл, верно? Ладно, мы все знаем ответ на этот вопрос, но каждый из нас обычно уклоняется от него в сторону, поскольку это не требует почти никаких усилий.

Да, конечно, у меня есть свои слабости и недостатки, но я действительно не ожидал, что дойду до ручки. Поэтому я выражаю огромную благодарность доктору и всем работникам нашей клиники. Вы сделали меня более чем спокойным. Я знаю, вам потребовалось войти в мою галлюцинацию, чтобы обезвредить ее для меня. И теперь, благодаря вашей дружеской поддержке, я могу вынести любую тарбарщину о коробках, конусах и море в лучах багрового заката.

Мне сказали, что один из ваших сотрудников называет это пусканием слюней. Или, возможно, он только подразумевает это. Должен признать, что подобная терминология не вызывает большого восторга, но вы и сами понимаете, что я имею в виду.

Помнится, еще до того, как меня сюда привезли, я жил в совершенно другом месте. Там было много хороших людей - Задница, Макс и дядя Гарри <Имеются в виду персонажи какого-то фильма. Я его видел, но забыл название (что-то похожее на «Шанхайскую лилию»)>. Главную роль исполняла Мэй Уэст. Чуть позже наш псих к ней вернется.>. Приятно вспомнить их милые лица. Я ведь до сих пор скучаю по неуловимой и двусмысленной улыбке дяди Гарри, когда он думал, что я на него не смотрю. И еще мне нравились его ботинки. Память возвращала все это

кусок за куском. И даже старину Эрика. Я думаю, он удивился не меньше нас, когда понял, что пистолет оказался заряженным. Конечно, в тот момент он немного вышел из себя, и тут его, как назло, подхватила волна яванской революции. А незадолго до этого его бросила Лил, которая улетела в Шанхай, чтобы открыть Красного Петуха.

В те дни они плавали на старинных парусных судах. Да вы и сами, наверное, помните - их еще называли подкладными суднами. Типичный пример помрачения некоторых белых людей. Мне кажется, они даже не слышали о мешочках с диалогом. Хотя в этих людях было что-то серьезное и трогательное - какой-то, знаете, тонкий намек на сомнение. Впрочем, не думаю, что вам понятен смысл моих последних слов, потому что я и сам ничего не понял. Прямо как свист во тьме. Ах, если бы я мог разорвать все это в клочья! Выдрать из уст свой красный, так сказать, кровоточащий язык. Может быть, кто-то хочет что-нибудь добавить?

Усеченные конусы появились здесь задолго до коробок. Хотя, на мой взгляд, мы можем подвергнуть это утверждение большому сомнению. Где-то же мы должны начать сомневаться, верно? Обычно мы начинаем это в невинном возрасте, когда усеченные конусы еще не знают своих настоящих имен и считают нормальным явлением, что их всех раскрашивают в синий цвет. Наверное, вам кажется, что я вожу эту тему по кругу, но вы бы тоже так поступали, если бы обстоятельства вашей жизни издавались в такую чуждую эпоху, как моя.

- Кто-то здесь начинает терять над собой контроль. Это лилось из шва в мешке с диалогом.

- Заткнись. Мы пытаемся пройти дальше. Мимо этих усеченных конусов. Поэтому лучше не создавай нам лишних трудностей.

Фраза потеряла равновесие, склонилась вправо, и рычаг весов качнулся вниз, словно в самом страшном кошмаре Эйфеля. Да-да, я знаю. Я обещал больше не упоминать об Эйфеле, а сам снова принимаюсь за старое. Но что уж тут сделаешь: мы простые обычные люди, верно?

В конце концов Джорджу удалось вернуть коробки в комнату. Это потребовало напряженных усилий и толчков, потому что некоторые из коробок оказались более крупными, чем он их помнил. Сначала ему подумалось, что они подросли за время его отсутствия, но потом Джордж понял всю абсурдность подобного предположения. Конечно, их мог подменить кто-то другой, однако и эта догадка прошла мимо цели, поскольку тут не было никого, кроме Джорджа и его воспоминаний о безымянном рассказчике, который пытался сделать с ним что-то ужасное. К сожалению, Джордж не помнил, что именно хотел сделать рассказчик, потому что здесь всегда происходили какие-то новые катастрофы, заставлявшие нас забывать о прошлых бедах и несчастьях. Прямо как сейчас.

Не успел Джордж втащить все коробки в комнату, как вернулся тот мужчина, который называл себя Мандрагорой.

- Все втащил?

- Да, Мандрагора.

- Я так думаю, что с некоторыми пришлось повозиться, верно?

- Да, Мандрагора.

- Но ты снова справился с этим?

- Да, Мандрагора.

Этот Мандрагора выглядел высоким, сильным и местами гладко выбритым человеком. Сохраняя уникальность, он вполне соответствовал своему образу.

С этими новыми людьми всегда происходит одно и то же: в первую минуту вы считаете их просто непостижимыми, а уже в следующий момент вам кажется, что они всегда были рядом. То же самое случилось и с Мандрагорой. Хотя на самом деле его звали по-другому. Однако мы не можем использовать здесь настоящего имени Мандрагоры, поскольку он прибыл к нам из провинции Запой того самого государства, которое граничит с другими странами. Давайте назовем это государство буквой Y, хотя вы, конечно, понимаете, какую страну я имею в виду. Но на всякий случай, запомните, ее название не начинается с Y. Это послужит вам хорошей подсказкой.

Если говорить о жизни ВY- или в L, как эту страну называли ее обитатели, - то она шла тихо и спокойно. Провинция Запой находилась у черта на куличках, то есть дальше всех от Бога и Парижа. Между прочим, ее всегда не принимали в расчет, вплоть до самого окончательного упадка.

Это была настоящая провинциальная глубинка. В некоторых деревнях там все еще носили хвостовые перчики и полосатые гетры. Мужчины по-прежнему охотились с самострелами, а одежды деревенских музыкантов играли оттенками подпаленной туалетной бумаги. Но вы и не могли ожидать от такого места каких-то тонкостей и причуд большого города.

И, конечно же, поэт Дж. их не ожидал. Еще он не ожидал окончания дождя. Он знал, что дождь иногда кончается, но зачем же этого ждать, скажите мне на милость? Поэт наслаждался завтраком в кругу семьи своих хозяев. В этот мертвый сезон он оказался единственным жильцом в отеле «Га фон Ович», поскольку другие туристы разъехались в места, где для них нашлись сезоны поживее. Вы хотите знать, куда именно? Ну хотя бы за границу в Лысоккрикию, чтобы покататься на лыжах по горам бумаг, или на юг в Грандсливию, где наряду с яблочными пирогами наблюдался разгар рогового пения.

Такое положение дел вполне устраивало Дж., потому что он искал покой и уединение - конечно, не в буквальном смысле слова, но так, чтобы сделать из этого историю. Плотно позавтракав, поэт вышел на небольшую террасу, которая возвышалась над крокетным двором и фронтоном карцера. Он посасывал кофе аля-дуй-надуй и слушал болтовню попугаев - вернее, тех больших многоцветных птиц в крохотных галошах, которых Дж. принимал за попугаев. Во всяком случае, обувь на них была местного производства.

Мне кажется, я уже упоминал о том, что деревня располагалась на пунктирной линии между секторами. Это обычно никому не приносило вреда, но иногда природа вела себя неприлично и откалывала всякие фортели. Вы могли случайно наткнуться на блуждавший легион римской пехоты, и, если вам в тот день нечем было заняться, вас просили отвести их обратно к границе. На такие вещи тут никто не обращал внимания. И вообще, потрясение - это красивая одежда, под которой вы скрываете безысходность. Извините меня, но доктор говорит, что пора принимать таблетки. Этот секвестр мы закончим в следующий раз, и тогда, Джордж, я кое-чем тебя удивлю.

Джордж сел на краешек стула. Это потребовало невероятных усилий, потому что ему попался не тот краешек. Он закрыл коробку и отложил ее в сторону.

Его взгляд перешел на дверь, и Джордж отметил, что на ней не было никаких ручек. Более того, эта дверь не открывалась. Он снова сел на стул, осмотрелся вокруг и только теперь заметил женщину, которая сидела напротив него. Ей было не больше пятидесяти - то есть двадцать, тридцать или сорок лет; и в соответствии с возрастом ее волосы можно было назвать белокурыми или седыми.

Джордж напрасно пытался успокоить себя этими наблюдениями. Он знал, что скоро наступит его очередь. Ему захотелось еще раз потолкать дверь, но он сдержался, понимая, что за такой короткий срок больших изменений в этом направлении не произойдет.

Женщина больше походила на девушку, чем на пожилую даму, и поэтому Джордж нашел ее присутствие уместным. Она не сводила глаз с другой двери - той самой двери, через которую вышел полицейский. Джордж вспомнил, что, когда тот резко захлопнул ее за собой, он явственно услышал тихий щелчок замка.

И снова две двери: одна, через которую вошел Джордж, и другая, за которой стоял полицейский. Как много в этом было смысла и определенности. Джордж задумчиво опустил голову и внезапно заметил коробку, которую он держал на своих коленях.

А ведь ему казалось, что он избавился от них. Скорее всего эта коробка осталась у него случайно. Видимо, он прихватил ее с собой по старой привычке, а остальные у него купил какой-то толстяк в тяжелых галошах или в десантных сапогах, как они их еще называли. Хотя нет, коробки у него забрал кто-то другой. Джордж решил, что ему лучше пока об этом не думать. Он совсем запутался, но не потому, что все так случилось. Наоборот, все, что случилось, казалось достаточно простым и ясным. Его сбили с толку два предыдущих дня, события которых открыли ему вид на более спокойные времена.

К утру сон начинает растворяться. Вы уходите из мира сновидений, который лишь миг назад считался вашей законной территорией, и реальность снов расползается в стороны от проблесков другого, более жесткого мира. Вы начинаете понимать, хотя и не совсем уверенно, что есть более чем одна реальность. А сон угасает, и с первыми мыслями, чувствами и желаниями к вам приходит осознание того, что от вас забирают эту милую и уютную страну чудесных грез.

А что вы получаете вместо нее? Перед тем как вам вспомнится ваша реальная ситуация, существует мгновение, в которое вы всматриваетесь как постороннее лицо - как тот, кто никогда раньше ни о чем подобном не слышал.

В этот миг вы рассматриваете свою жизнь как что-то далекое и невыразимо чуждое. Но потом на вас обрушивается полноводный поток сознания, вы пробуждаетесь и вновь находите себя тем, кем вы были вчера и, возможно, много дней назад. Да, это ваша личная жизнь, но она почему-то не кажется лично вашей. В ней есть оттенок чего-то временного и экспериментального. А затем вас накрывает какая-то пленчатая звериная кожа, вы становитесь живым и дышащим существом, и уже перед самым пробуждением вам дается крохотное мгновение свободы, в котором вы еще не тот, но уже и не этот. И тогда вам приходится брать под контроль свою жизнь, которая мчится, как скорый поезд, по бесчисленным рельсам огромной сортировочной станции. Вы несетесь вперед в самом первом вагоне, и порою вам хочется остановиться, отъехать назад, но у вас нет выбора, потому что рельсы возникают перед вами слишком быстро; и нет времени подумать о том, как перебраться на другой путь по соседним стрелкам.

Однако там, в неуловимо тонкий момент пробуждения, у вас есть возможность изменить эту метафору и разобраться с клубком, в который сплелись мириады жизненных нитей.

Люди тратят годы, пытаясь уловить этот миг. Но большую часть времени они не помнят того, что искали. Вы чувствуете, что какой-то выход есть; вы знаете, что он в вас самих; и вы снова делаете попытку за попыткой.

Такие усилия почти не связаны с ясностью сознания. Если появляется ясность, значит, все уже погрязло во тьме. Силы драматургии не позволяют вам уловить тех интриг, в которые вы вовлечены. Вам не дано заглядывать вперед, и вы хотите этого только потому, что под вашим носом не возникает никаких осмысленных действий.

Вот о чем думал Джордж, когда в замке раздался скрип ключа и он услышал веселый голос надзирателя Тома:

- Проснись и вставай, сияя пред ликом нового дня!

Том действительно был хорошим человеком - веселым и даже, можно сказать, ироничным. Зная о его тонком и остром уме, оставалось лишь удивляться игре природы, которая наделила этого парня обычным черепом, а не маленькой коробочкой для иголок. Открыв дверь камеры, Том вошел внутрь, и Джордж еще раз отметил, что кобура на поясе надзирателя была пуста. Поговаривали, будто внутренней охране специально запрещали носить оружие, чтобы оно не попало ненароком в руки какого-нибудь обезумевшего заключенного.

Впрочем, Джордж и не думал нападать на Тома. Сама мысль об этом казалась ему абсурдной и недостойной обсуждения. Большой и мощный Том мог бы стать образцом для любого атлета, в то время как Джордж зачах и поник под бременем тюремного срока. Да, миазмы заключения проявляются не сразу, но, отсидев в камере несколько лет, вы в конце концов начинаете чувствовать их тлетворное влияние.

- Как мы тут сегодня себя ведем? - спросил Том, приступая к этапам ежедневной проверки.

Он проворно обошел комнату и достал из большого кармана рапортничку, к которой на истертом шнурке крепился маленький карандаш. В рапортничке лежало несколько отпечатанных листков, где после записей и таблиц виднелись плоские коробочки печатей. Как-то раз Джордж ухитрился заглянуть в бумаги Тома, но ему не удалось прочитать там ни строчки, так как текст был написан на странном и незнакомом языке. Буквы казались абсолютно теми же, однако Джордж никогда не слышал таких слов, как мяене-мвен нейарк, поэтому он до сих пор не знал о том, что же искал в его камере Том.

Тем не менее он мог беспрепятственно наблюдать за тем, что делал надзиратель. Тот прошелся по комнате, простучал в нескольких местах стены, проверил тумбочку, повертел в руках стул, а потом зачем-то подергал остов кровати. Подойдя к раковине, Том тщательно исследовал водопроводный кран и поковырял пальцем краску на сливной трубе. После каждого из этих действий он ставил в рапортничке галочки.

Когда надзиратель закончил осмотр, Джордж сделал свой первый вывод - первый за этот день.

Доходя до конца списка, Том начинал действовать медленно, с какой-то скрытой неохотой, и Джордж чувствовал, что Том не хотел этого конца, не хотел

перехода к следующей стадии, которую он, возможно, не одобрял и считал негуманной. Хотя в равной степени возможно, что он одобрял ее целиком и его притворное нежелание имело целью вытянуть из заключенного изменнические заявления. Они еще и не на такое были способны, эти черти-надзиратели.

- Так, место, кажется, в порядке, - произнес Том. - Теперь давай возьмемся за тебя. Этого Джордж и боялся.

- За меня? - спросил он, поднимая брови и разыгрывая наивную неосведомленность, хотя никто не поверил бы, будто он не знал ни о чем подобном, на что, казалось бы, намекало его удивленное выражение лица, подчеркнутое едва заметным пожатием плеч и слегка озадаченным изгибом рта.

- Однажды мы уже имели тут проблемы с Вентиллем, - ответил Том. - Но теперь это в прошлом. Сейчас нас интересует только одно - как долго ты еще будешь здесь оставаться?

- Мне это и самому интересно, - скромно произнес Джордж, хотя на самом деле его не интересовали такие вещи.

- Ладно, мы оставляем это на твое усмотрение, - сказал Том. - Я полагаю, ты знаешь, что мы имеем в виду.

- Да, конечно, - ответил Джордж.

Он знал, что Том лжет. Срок заключения в таких местах абсолютно не зависел от желания узников. Эти ловкачи лишь притворялись, что вопрос о выходе из тюрьмы оставлен на усмотрение Джорджа. Возлагая на заключенных груз подобного решения, они тем самым получали возможность еще на один оборот завинтить колпачок, еще на дюйм провернуть свое сверло, надавить, размазать и расплющить. «Что же вы тут сидите, ребята? О вас давно позаботился розовый фламинго!»

Конечно, Джордж не стал говорить этого вслух. У него еще остались кое-какие ресурсы - несколько мест, куда не могли добраться надзиратели и попечители; несколько убежищ, о которых никто не подозревал.

- Вот смотри, - сказал Том.

Он вытащил из кармана ключи и бросил их к ногам Джорджа.

- Теперь все зависит от тебя.

Том повернулся и вышел, оставив дверь камеры открытой. Какая беспечность!

Или это так только казалось? Маленькое шоу в наивное доверие могло оказаться одним из их возмутительных трюков. Да, они оставили дверь открытой. Но что произойдет, если вы переступите через порог? Джордж не имел ни малейшего намерения выяснять ответ на этот вопрос.

Он знал лишь то, что полагалось знать заключенному: тюрьма - это маленькое государство, доступное даже для французов; здесь имелось почти все, хотя и в неявной форме. Власть вела себя как и везде, то есть скрывала, запрещала и разобщала. Ни один узник никогда не видел других заключенных, и каждому из них внушалась остроумная идея, что огромная тюрьма, с большим штатом тюремщиков и непрерывным шумом круглосуточной деятельности, была создана только для него одного. Тем не менее в такую откровенную ложь не верил ни-кто, даже Джордж - наивный, нормальный и здравомыслящий человек.

Ему показалось, что наступил вечер. Тюремные камеры имели скрытую систему освещения, которая воспроизводила день и ночь, а также множество таких тонких и эмоциональных оттенков, как сумерки, заря или вечерняя песня. Власти

бесстыдно манипулировали освещением, иногда по несколько суток оставляя включенным дневной свет или, наоборот, меняя день и ночь через получасовые интервалы. Они намеренно вводили узников в заблуждение, и, как вы сами понимаете, этот хаос приводил к другим, более серьезным последствиям. Джорджа немного тревожило, что, уходя, надзиратель не сказал ему, какому распорядку надлежало следовать - дневному или ночному. Поговаривали, что некоторые надзиратели тоже были заключенными и что именно их наказывали этой капризной сменой дней и ночей, хотя, конечно, доставалось и официальным узникам, которые спали в камерах. К сожалению, проверить подобные сведения не представлялось возможным, потому что они предусмотрели все - те, кто стоял за руководством тюрьмы.

Уже за одно это их можно было бы презирать, но день за днем и год за годом вам внушали мысль, что они ничего не знают. А небольшая путаница - это очень опасная вещь. Хотя порой она позволяет избегать еще более опасных ситуаций.

Тут я, конечно, должен описать вам контору по распределению участков. Она находилась в небольшом сборном домике из гофрированного железа - в одном из тех неказистых строений, дюжина которых или около того была разбросана по голой и унылой равнине. Вдали, почти у самого горизонта, долину со всех сторон окружали горы. Однако они выглядели такими же низкими и неинтересными, как тот дом, к которому привела меня Майра.

- Ты действительно считаешь, что это хорошая идея? - спросила она, сжимая мою ладонь.

Мне даже не хотелось отвечать. В тот момент это казалось само собой разумеющимся. Я взглянул на нее и сказал:

- Мы должны уехать отсюда, уехать в другое место. Быть может, попав на новое место, мы тоже станем новыми, понимаешь?

Что-то мне тут уже не нравится. И вообще, земельная контора может подождать. Все, что нам сейчас надо, так это немного выпить. Нет, даже не так. Нам надо выпить, чтобы придать нашей ситуации более гуманный вид и тем самым ее огуmanoидить, то есть, я хотел сказать, очеловечить. По крайней мере, приятно знать, что эта внепланетная авантюра была лишь пробным шаром, и мы всегда можем вернуться назад, на старую добрую Землю.

Хотя сначала надо придумать пароль. Допустим, **ВНЕПЛАНЕТНЫЙ КОСЯК**. Итак, мы подходим, заглядываем в открытую дверь...

- Эй, заходите, ребята, - раздался изнутри веселый голос.

Майра и я обменялись взглядами. Тем не менее мы вошли - она первая, а я за ней следом. Мы даже не знали, чего ожидать. Да и откуда нам это было знать, если мы прилетели на Антиопу только пару часов назад? А эта планета, между прочим, здорово отличалась от того, что нам показывали на афишах, брошюрах и мимеографических позиционных картах. Она даже не походила на документальный фильм, отснятый Внепланетными Производителями.

Бармен оказался большим и дородным мужчиной. Некоторые из его дородностей уже подходили к стадии родов, и оставалось надеяться, что этот процесс не затянется на всю жизнь, как у многих других представителей мужского пола. Облик завершали тонкие губы, плоский нос, отдавленный катком, и красная тенниска с эмблемой Внепланетных Застройщиков. Что касается бара, то он

выглядел нормально - по крайней мере футов на пятнадцать в длину, а возможно, и больше. Мы там были единственными людьми. Пока, как вы сами понимаете.

- Зовите меня Томом, - сказал бармен. - Я отставной моряк; до этого выступал с животными в цирке. В жизни мне пришлось заниматься многим, но теперь я работаю барменом в колонии номер один. Что-нибудь хотите заказать?

Каждый из нас заказал пиво - самого простого, без особенностей и прикрас. Мы уже давно ушли на Земле от всяких там вывертов и деликатесов. И мы гордились тем, что не засоряли себе умы дюжиной марок и сортов пива. Наверное, Том понял наше стремление к простоте. Он взял два бокала, сполоснул их и наполнил из неприметного безымянного крана. Поставив пиво прямо перед нами, он подмигнул мне и тихо спросил:

- Только что прилетели, верно?

- Да, - ответила Майра. - Мы прилетели на корабле «Судья Джефферсон». Решили, знаете ли, присмотреться к вашей планете.

- О! У нас тут прекрасный маленький мир, - сказал Том. - Жаль, что к нам еще не импортируют тайны. Представляете, как сюда повалит народ, когда они у нас появятся.

- Какие тайны? - спросил я его.

Том растерянно взглянул на меня, взял в руки швабру и начал яростно натирать стойку, на которой, между прочим, не было ни одного пятна.

- Скоро вы и сами об этом узнаете, - ответил он. - Вам уже нашли кроватные места?

- На корабле нам сказали, что для нас бронированы номера в гостинице.

- Наверное, немного преувеличили, - ответил Том. - Гостиницы у нас еще не построили, А броню мы используем только для танков.

- Где же нам тогда остановиться?

- Тут неподалеку есть флигель для гостей, - сказал бармен. - На дальнем конце посадочной площадки. Не бойтесь, вы его ни с чем не спутаете. Там вам дадут еду, белье и таблетки. Или вы хотите пообедать здесь? Я вам сделаю такие гамбургеры с кетчупом, что вы пальчики оближете.

- Прямо домашняя еда! - восторженно воскликнула Майра.

- Да, так оно и есть, - скромно отозвался Том. - Значит, делаете заказ?

- Не сейчас, - сказал я. - Как думаешь, Майра?

- Думаю, нам лучше вернуться на корабль, - ответила она.

- Как? Уже пора возвращаться?

Я взглянул на Майру, и на ее лице появилось то самое выражение. Вздернутый подбородок стал ответом на мой вопрос.

И тогда я решил написать заявление о переходе в другую палату.

Однако сейчас не время для всего этого диалога. Мешочек протекает; охранник Том только того и ждет, чтобы поймать меня при попытке к бегству. Помните, как сказал Беккет - они платят мне за это, и потому приходят сюда каждый день, чтобы забирать страницы. Да, слова продолжали приходить каждый день. Я почти уже не сомневаюсь в том, что порождаю их своим воображением. Но зачем? Я даже не прошу вас об уточнении; это просто любопытство. А что зачем? Все вокруг замерло, ожидая благодати уточнения. Ибо в ней обреталась соль знания - соль и перцепция. И оркестр наигрывал вальс.

Тихий поток. Под взмахами дюжины весел гордый корабль викингов мчался вперед. Полумесяц корпуса; щиты, висевшие по бокам; и один большой парус. А что там нацарапано внизу? «Здесь был Эрик».

Да, добро пожаловать на новую планету. Мы хотим, чтобы она стала вашим домом, и от всей души заверяем вас, что вскоре этот кусок бесплодной земли наполнится яркими воспоминаниями, которые будут иметь для вас особое значение. Но сначала давайте зайдём в земельную контору и обсудим наши дела.

А в это время тюрьма переживала стадию переименования, поскольку прежнее название оказалось мертворожденным. Ужасная неразбериха со сменами дней и ночей служила явным доказательством тех травм, с которых сдернули покрывало. Мы насчитали двадцать одну пулеметную турель, но где-то за ними могли скрываться и другие очаги поражения.

Когда Джорджа вывели во двор, ему выкрутили руки за спину и надели наручники. Один из охранников нес словесный мешок, который в протоколах допроса значился как предательский мешочек.

Этот охранник был сравнительно молод, и, судя по его виду, ему не очень нравилась такая работа. Если кто-то тогда и подумал, что невозможно представить себе молодого охранника с частично надутым словесным мешком на кожаной подушечке, то они об этом ничего не сказали. По крайней мере в тот раз. И поверьте, это не ускользнуло бы от внимания мыслительной полиции, которая несла свое обычное, но пристальное наблюдение за непроизвольным выделением мыслей. Вполне возможно, что кожаная подушечка предназначалась для того, чтобы молодой надзиратель не держал словесный мешочек в руках.

Описатель сути почти не смывается с одежды. Во всяком случае, Джордж нашел это невозможным. Его тунику, когда-то белую, как снег, теперь покрывали пятна прилагательных. Позорных прилагательных. От одежды шел резкий запах описателя. И в тот момент он был бессилён что-либо сделать. Расщепители запаха по-прежнему находились на складе в столице. И никто бы не стал тащить их сюда - в городишко О провинции Б де ла Лея, где располагалась тюрьма.

- Скажите, эта тюрьма какого типа? - спросил Джордж у одного из охранников.

- Это образцово-показательная тюрьма, - ответил тот.

Джордж и виду не подал, что расслышал его слова. В то время он практиковался в глухоте - вернее, во внутренней глухоте или, лучше сказать, невосприимчивости. Он намеренно отключал определенную часть себя - ту самую, которая боялась нищеты, тяжелых испытаний, скуки и плохих фильмов. Но сейчас, когда эта часть подогнула от страха большие пальцы на ногах, Джордж сказал себе: «О Боже, только не образцово-показательная тюрьма. Не знаю, вынесу ли я это...».

А потом они вошли в здание, и его худшие предположения оправдались. Здесь в большом зале за толстым стеклом он увидел макет геройского форта Тикондерога. На верхних этажах стояли и лежали маленькие оловянные солдаты с крохотными мушкетами. Ниже располагались английские солдаты, а рядом висели репродукции с батальными сценами американской революции.

- Вот наши образцы, которые мы показываем в тюрьме, - сказал охранник.

Джордж кивнул.

- Вам понравилось?

- Нормально, - ответил Джордж невыразительным тоном.

- Что вы сказали?

- Я сказал, что все нормально, - повторил Джордж, добавив новые полутона и гармоника.

- Возможно, вам захочется построить несколько образцов самому, - произнес охранник. - Сидеть-то придется долго.

На первый взгляд он говорил безобидные слова, но в его голосе чувствовалась неуместная настойчивость и полусексуальная дрожь, изобличавшая непристойные помыслы.

- Я подумаю над этим, - ответил Джордж. Он старался не сердить надзирателя и специально придерживался дипломатического тона, надеясь, что молодой охранник не заметит лжи в его словах. Джордж уже решил, что пусть его лучше отнесут в ад в ручной корзинке, чем он сделает какую-нибудь модель.

- Вот-вот, подумайте. Хорошо подумайте! - произнес охранник. - А теперь взгляните на этот макет.

То была экспозиция последнего штурма Трои. Внутри классического древнего города располагались деревянные домики, уменьшенные до одной двадцатой части от реальных размеров.

На переднем плане сражались Гектор, Ахиллес, Одиссей, Приам и Гекуба. В углу, обратив свои слепые очи к небу, стоял сам Гомер.

- Как прекрасно, - уныло произнес Джордж.

Неужели это издевательство никогда не кончится? Он осмотрел тюремные стены, и внезапно его пронзила навывлет ужасная мысль.

- А эта тюрьма? Она тоже уменьшена по размерам?

- В масштабе девять к десяти, - гордо ответил охранник. - Простая техническая формальность. Хотя благодаря этому наше учреждение и квалифицируется как образцово-показательная тюрьма.

- То есть вам приходится создавать образцы всех заключенных? - с ужасом спросил Джордж.

Надзиратель перестал улыбаться, и Джордж уловил за его блестящими контактными линзами что-то чужеродное и малопривлекательное. Охранник тут же отвел взгляд, и они, свернув за угол, прошли под опускной решеткой во внутренний дворик.

- Кажется, я уже видел этот дворик во сне, - сказал Джордж.

В такие тяжелые моменты легкомыслие - это все. И даже если не совсем все, то очень многое.

- Перед тем как поспать, я журчу на кровать, - запел словесный мешок.

Слова снова потекли из порванного шва, и эту течь не могли заклеить даже самые опытные из охранников, к чьим рукам прилипало все, вплоть до последних рубашек заключенных. Шов не сжимался, напоминая одну из тех постоянно кровоточащих ран, которые называются смоделированными учебными пособиями.

- Потерпи, парень, - сказал охранник. - Мы почти пришли.

Неужели на его крупном продолговатом лице промелькнула жалость? Впрочем, даже худшие из людей иногда могли чувствовать... что-то другое. Теперь они шли по главному проходу мимо камер с их цепями, узниками и темными углами, где пряталось все, что только вызывало отвращение. Джордж вспомнил, что похожая история случилась с ним несколько лет назад. В то время его дядя Шеп был еще жив - дядя Шеп, с серой раздвоенной бородой и в старой морской фуражке, Шеп, который, казалось, везде нес с собою свет вплоть до того рокового вечера в июне,

когда Эстер, признанная всеми погибшей вот уже пять лет, внезапно открыла дверь своей спальни, и...

- Вот твоя камера, - сказал охранник, оборвав те краткие воспоминания, которые я, между прочим, и не собирался вспоминать.

Джордж осмотрелся, оценивая каждую деталь, а затем произвел стопроцентную уценку, поскольку камера выглядела так, будто он отсидел здесь целую вечность. Да и какой смысл ему было привыкать к каким-то деталям?

Охранник осторожно положил словесный мешочек на пол. Хотя нет, к чему нам разводить кисельные реки? Он брезгливо швырнул мешок на пыльный пол, а следом за ним и кожаную подушку, поскольку она, судя по выражению его лица, тоже пострадала от описателя сути. И верно, кожаная подушечка стала теперь выглядеть более ярко и живописно. На ней появился причудливый узор, расплзшийся по поверхности загадочными изгибами. Возле полосатых татуировок, наколотых иглой, появились желтоватые разводы, которые напоминали о вечных ценностях, воздержании и терпении. Кроме того, от подушки исходил сладкий запах бальзама, которого прежде, насколько помнится, не было.

- Ладно, спасибо вам за заботу, - сказал Джордж, потому что все охранники, собравшись у двери, уставились на него с теми гнусными ухмылочками, от которых моему ботинку хочется заехать в ваше лицо, хе-хе-хе.

Не бойтесь, господа, это я шучу. А где мы с вами остановились? Ах да! Они стояли там, словно ожидая финала - возможно, признания в преступлении, которое привело его в тюрьму. Впрочем, они могли ожидать и чего-нибудь другого. Трудно судить о чем-то конкретном по выражению лиц - тем более если имеешь дело с такими невыразительными людьми, как надзиратели.

И тут в город въехала бронированная автоколонна. Джордж, прилетевший сюда накануне, стоял на широком крыльце из буробетона и смотрел на подъезжавший свинцовый седан, в котором везли именитого пришельца. Судя по маленькой голове, заостренным ушам и большим светящимся глазам, альфонц был мужской особью. Он дружески болтал с пожилым человеком, который сидел рядом с ним на заднем сиденье и время от времени поправлял на голове высокий цилиндр. Такие цилиндры вошли в моду среди политиков почти одновременно с появлением первых альфонцев. Хотя нет, их начали носить уже после того, как альфонцы высадились на Землю и оповестили людей о своем существовании.

Впереди бронированной автоколонны на собственной машине с полицейским эскортом ехал агитатор - человек, выбивавший из публики правильный отклик. В своем кашемировом камзоле и яркой шелковой накидке он выглядел преуспевающим и вполне довольным собой. Простой народ из принципа ненавидел тех, кто работал на альфонских тварей. Но агитаторов обычно уважали. Горожане знали, что человек, сделавший себе в эти дни состояние, через какое-то время получит большие права. И ссориться с такими людьми никому не хотелось.

- Ладно, ребята, - закричал агитатор, - когда седан альфонца поравняется с вами, вы должны изобразить восторг и большую радость. Следите за моим сигналом, и чтобы никаких фокусов.

- А что мы за это будем иметь? - спросил его из толпы суровый крутоплечий мужчина, которому можно было дать и двадцать и пятьдесят лет.

- Деньги, - ответил агитатор. - За каждым из вас будут следить мои помощники, и те, кто будут радоваться с большим энтузиазмом, получают неплохую награду.

Толпа выглядела угрюмой и необузданной. Агитатор смело прошелся среди людей, осматривая лица. Его яркий плащ хлестал на ветру о кашемировый камзол; фигура и особенно лицо были чуть больше настоящего размера, а кожа казалась слишком уж загорелой.

- Не надо так морщиться, ребята, - закричал агитатор. - Вам не хуже меня известно, что альфонцы наши друзья. Что бы мы без них делали?

- Занимались бы своими делами, - отозвался голос из толпы.

- И какими же такими делами? У нас не осталось почти никаких природных ресурсов. Если бы не появление альфонцев, мы бы исчерпали бизнес, обнищали и подошли с голода. Может быть, среди вас есть такие, кто хочет немного поголодать?

Он осмотрел толпу, бросая вызов любому возможному оппоненту. Под напором его взгляда люди отступали на шаг. Они знали, что агитатор является простым городским чиновником, но в его поведении чувствовалась какая-то дикость, какое-то беззаконие. По крайней мере, в тот момент он пас толпу, как стадо овец.

Джордж стоял на крыльце и безучастно следил за ходом событий. Он увидел, как свинцовый «лимуз» подъехал к толпе. Агитатор махнул рукой, и толпа разразилась жидкими аплодисментами. Альфонец либо ничего не заметил, либо не подал виду, что его задело подобное пренебрежение к своей персоне. «Лимуз» быстро скрылся из виду; агитатор и его помощники наградили тех, кто проявил казенный восторг; а затем их группа вернулась в машину, и они умчались, оставив за собой эту бесполезную теперь толпу, которая все еще не хотела расходиться.

- Вы видели этого альфонца? - спросила Джорджа довольно полная женщина.

Джордж кивнул. Его лицо ничего не выражало. Казалось, он один в этом городе не находился под впечатлением от увиденного.

- Какой позор, что они позволяют этим чужакам разъезжать вокруг, как им хочется, - сказала женщина. - Я слышала, они похищают наших людей в свои большие космические корабли. Почему мы не можем потребовать их обратно?

- Это выше моего понимания, - ответил Джордж, пожимая плечами.

Разве он мог объяснить ей то, что происходило на самом деле? Даже правительство не было готово открыть людям правду. Но Джордж знал все - он и несколько других отважных смельчаков. Остальные только догадывались. Хотя догадаться об этом было нетрудно.

- Вы не могли бы помочь мне найти улицу Ашуна? - спросил он у женщины.

- Пройдите два квартала вперед, а затем сверните направо. Хотя, на мой взгляд, они зря называют наши улицы их гадкими именами.

- Это акт дружбы, - ответил Джордж. - Я слышал, что чужаки в обмен на такую любезность назвали один из своих проспектов авеню Милки Вей.

- Милки Вей? Вы имеете в виду Млечный Путь? А какое это имеет к нам отношение?

- Так называют нашу Галактику. И они говорят, что это очень приятное и вкусное название.

- Меня тошнит от всего, что делают чужаки, - возмущенно произнесла женщина. - И я вам скажу без обиняков, мне они не нравятся!

- Вы в этом не единственная, - тихо ответил Джордж и тут же пожалел о сказанных словах.

Поговаривали, что Санитер обладало прослушивающими устройствами потрясающей чувствительности, которые применялись при больших скоплениях людей и улавливали каждое разумное слово. За последний месяц они изобличили уже пятерых человек, якобы замышлявших сжечь альфонский флаг. Но хуже всего было то, что к этим людям применили прямое сенситивное сканирование. Они, видите ли, хотели сжечь флаг, поскольку он являлся символом всего того хорошего, что дали Земле чужаки. Мол, для таких людей вообще нет ничего святого. А что же тогда говорить о Санитере, чьи агенты проверяли ваши мозги, когда им только того хотелось?

Джордж помнил эти неприятные мгновения с неуютным и мерзким ощущением в голове, будто в вашем мозгу копалась какая-то интеллектуальная крыса. Чтобы ускользнуть от такого просмотра мыслей, требовался исключительный психический контроль. Лучшее, что вы могли сделать в тот миг, так это смириться и ждать, пока крыса не уйдет сама, закончив глотать ваши помыслы и чувства. Любое сопротивление было бесполезным, так как Санитер начинал проявлять повышенный интерес к любому, кто пытался ему противостоять. Чтобы бороться с их зондами и телепатическими уколами, вы должны были стать прозрачными, как воздух. Джордж научился этой технике давно - в особом тренировочном лагере.

Да, существовала горстка людей, которые, как и Джордж, понимали, что на Земле творится что-то неладное. По правде сказать. Земля потерпела поражение.

Но что они могли еще экспортировать, кроме своего туристического очарования?

В то время везде проходили митинги и встречи, на которых все, кто хотел, обсуждали вопрос сотрудничества с пришельцами. Главы крупнейших мировых держав проводили совещание за совещанием. К тому моменту их армии уже довели мир до истощения, и проблема состояла в том, что же делать дальше.

В конце концов они решили приостановить все, что только можно, или по крайней мере замедлить какой-либо прогресс до тонкой струйки. Люди превратились в пролетариев, то есть тех, кто всегда пролетал мимо. Отсутствие местных продуктов привело к концу благосостояния.

А ведь старые земляне привыкли бороться до конца. Они вырубали последние деревья, взорвали пахотные земли и выпустили реки из клеток плотин. Когда ледяные шапки на полюсах начали таять, в океанах поднялся уровень воды. Из-за дыр в озоновом слое людей косила радиация, а запасы ядов, собранные за последние столетия, все чаще и чаще попадали в трубы водоснабжения. Пищевые ресурсы были урезаны до минимума. Подобным же образом исчезало и замедлялось все остальное. Неизменным осталось только неравенство, ибо богатство и бедность - понятия вечные, даже если они измеряются парой кокосов и дохлой овцой.

Мы планомерно и обстоятельно уничтожали величие своего мира. А что же нам еще оставалось делать? Основной приоритет заняли космические полеты и визиты пришельцев.

Как бы это смешно ни выглядело, но все началось с того, что нам захотелось изменить наш мир чужими руками. А для перемен необходимо что-то мощное и насильственное. Нашествие варваров. Печатный станок. Церковь и государство. Страна духовного братства. И нас охватила озабоченность.

Я так понимаю, что в будущем все будет зависеть от туризма. Однако лишь некоторые страны считают туристический бизнес абсолютно необходимым для сохранения своей платежеспособности. Как правило, они не могут конкурировать с другими державами в производстве вещей, и им остается лишь строить новые Канкунсы и Акапулыси. Вы хотите спросить, что с ними будет, если иссякнут орды гринго с их толстыми кошельками? Не будет гринго, так будут какие-нибудь азиаты.

Власти же решили, что нам позарез нужны инопланетяне, которые скупили бы все наше добро и кустарные поделки.

Давайте рассмотрим этот вопрос в более мелком масштабе. Один город. Нет, лучше одна деревня. Как им заманить к себе первых пришельцев? Они рассылают приглашения и красивые буклеты. Они даже тратят деньги, чтобы придать своим местам необходимый шарм. А некоторые из них выдумывают целые исторические "драмы и рекламируют себя едва ли не колыбелью нашей цивилизации.

Возникает конкуренция. Чьи места для отдыха лучше? Что хотят чужаки? Вы только скажите, и мы вам это дадим.

- Алло, это агентство, которое специализируется на вкусах чужаков?

- Да-да. Они любят классические скульптуры - но не слишком голые. И еще им нравятся фиговые листочки.

И вот мы начинаем ждать прибытия чужаков. Местные лавочки выпускают дешевые сувениры, которые могут принести кое-какой доход, если их предлагать достаточно долго. Любая безделушка, которая провалялась на прилавке сотню лет, в конце концов становится сокровищем.

2297 год. Земля, которая стала домом Джорджа. Беды и несчастья случались так часто, что их праздновали как великие победы. Леса вырубали пару десятилетий назад, и теперь о них уже никто не вспоминал. Люди никогда не видели деревьев, и, следовательно, у них не было причин для тоски по цветущим садам. Вы же не скучаете по динозаврам, а они, между прочим, тоже выглядели большими и красивыми. Как бы там ни было, планета превращалась в голую пустыню. Этого требовала необходимость, и люди стойко переносили лишения, хотя население стран заметно сокращалось, так как не все могли позволить себе кислородные маски и баллоны с обогащенной смесью. Тем не менее людей пока хватало. Жаль только, что кончились минералы и ископаемые, необходимые для производства горючего. Да, черт возьми, мы здорово ошиблись, думая, что им не будет конца. Зато теперь у нас были туристы. Пришельцы из других миров. И никто уже не помнил, когда они прилетели.

Этот вздор о летающих тарелках переливали из года в год. Потом появились интервью с людьми, которые на них побывали. Мы увидели фотографии и узнали, что Президент провел с пришельцами уже несколько встреч. Оказалось, что с ними встречались и другие президенты нашей страны, но нам об этом не говорили, потому что мы в то время еще не были готовы к такому откровению. Вы хотите спросить, почему мы стали готовы теперь? Не ломайте над этим голову, как сказал нам Президент. Пришельцы - наши друзья: вы только посмотрите, какие у них милые усики.

Однако пришельцы оказались не просто друзьями. Они контактировали с людьми в течение нескольких сотен лет. И вот теперь они наконец официально заявили о своем существовании. А почему именно теперь? Мы медленно

принимаем решения, говорили они. Нам потребовалось много времени, чтобы просчитать возможные последствия. Но теперь, когда такое решение принято, мы от него уже никогда не откажемся.

Пришельцы взяли под контроль почти каждый аспект земной жизни. И нам оставалось только благодарить их за это, поскольку к тому времени даже крупные державы напоминали то, что прежде называлось странами третьего мира. Индустрия и сельское хозяйство канули в Лету. Многие люди улетали с планеты на освоение космических колоний, но они не находили там счастья, потому что новые фильмы попадали к ним с задержкой в несколько лет. Какое-то время рок-группам нравилось играть на космических станциях, но вскоре эта мода угасла.

Чужаки восторгались земной культурой и обожали наше прошлое.

- Как же вы на нас не похожи, - говорили они. - Как восхитительна ваша нерациональность. А вот мы действительно рассудительные существа. И прежде чем действовать, мы обычно думаем.

- Тогда почему вы прилетели к нам?

- Нам хочется узнать, каких бед мы миновали, не став такими глупыми и жадными, как вы. Земля - это огромное наглядное пособие. А ваши войны! Уму непостижимо! До встречи с вами мы вообще не знали, что такое война. Пока вы полностью подходите под случай Тримкина, хотя там на самом деле все было по-другому.

Пришельцы поощряли фольклор, и город за городом наряжался в местные национальные костюмы. Если же такая одежда отсутствовала или казалась слишком тусклой и непривлекательной, чужаки нанимали стилистов и модельеров, которые тут же заполняли вакуум.

В каждой деревеньке появились хореографы для постановки народных танцев. Художники работали над диорамами знаменитых исторических моментов. Писатели и поэты в трагической манере, но с учетом классических форм описывали гибель былого величия.

Некоторые города полностью перепрофилировались на сотрудничество с чужаками. К примеру, Портленд, штат Орегон, предложил провести референдум по вопросу о переводе всей страны на туристический бизнес. Здесь, по обеим сторонам Вилламетт, отстраивались красочные кофейные клубы. В моду входил колоритный водный транспорт, который делали на нескольких чудом уцелевших заводах.

Джордж шагал по длинной и узкой улице. В ее сужающейся перспективе черные полосы перекрестков напоминали огромную паутину. Благодаря этой стилизации улиц Паучий Город был недавно внесен в список наиболее забавных аттракционов Земли. Впрочем, Джорджа не интересовал паучий вид города, какая-то там стилизация и прочая дурь. Ему требовалось выпить. Хотя на самом деле все было не так драматично. Ему хотелось выпить, и он с радостью выдул бы рюмочку или две. Но говорить, что это ему требовалось... А кто его знает - может быть, и требовалось.

В общем-то, он не относился к любителям выпивки. Однако недавние события, словно жучки-подельники, подточили его достойную воспевания стойкость, и она в конце концов превратилась в третьесортный товар, от которого у настоящих американцев пучит животы. А надо сказать, что все это происходило во время

кулинарных уличных битв, когда за любое неординарное поведение смельчакам давали ордена и красные ленты.

Заметив небольшой полуоткрытый и полужакрытый экипаж, Джордж шагнул в эту черную мрачную повозку, и она понесла его вперед, скользя единственным колесом по монорельсу, который располагался в центре длинной паутинки-улицы.

- Могу поспорить, что они вложили большие деньги в этот маленький номер, - сказал себе Джордж.

Ему не понравился транспорт Паучьего Города. Джордж нашел его несколько опухлевающим, каким-то, знаете ли, искроглазным и клякстебнутым. Конечно, он не стал бы использовать такие прилагательные публично, но они довольно неплохо выражали гамму его чувств.

Внезапно взгляд Джорджа зацепился за пылавшую неоновую вывеску. Ладно, ладно, успокойтесь! Взгляд остановился; вывеска не пылала, а горела; да и неоновые трубки были, так сказать, не оными. В наше время хорошие вещи можно увидеть только в музее. А Джорджу достался лишь хвостик люминесцентного угря. На такой жаре угорь уже начинал попахивать и разлагаться, но в нем еще угадывался аромат пристойного света. Конечно, до софитов и прожекторов ему было далеко, однако он упорно продолжал освещать себя, цепляя тем самым взгляды прохожих. Вот я и сказал, что взгляд Джорджа зацепился.

Угреоновые буквы читались только по слогам - «Горячие гроги Грогана».

Да уж, сказал себе Джордж. Звучит нормально.

Если бы жизнь пырнула вас таким большим шприцем, как Джорджа, вы бы тоже принимали решения с чувством юмора и иронии - той самой иронии, которую у нас вызывают парадоксы абсолютно непостижимых причин. Ничего не поделаешь, жизнь - это борьба за условия декорации.

Переступив порог бара, Джордж остановился. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы глаза привыкли к новой композиции света и теней. Эти последние здесь были или слишком яркими, или слишком темными. Их сложная игра и взаимосвязь создавали смутную картину зала с низким потолком, обшитым кровельной жестью, и множеством деревянных столиков, стоявших на усыпанном опилками полу. За большинством столиков сидели мужчины различных примет, но их серую мрачную группу объединяла общая тенденция к чему-то грубому и развращенному. Судя по бессвязной речи некоторых из них, связываться с этими людьми не стоило. Во всяком случае, Джордж сделал себе в уме пометку не связываться с ними. После этого он приступил к более серьезным делам, поскольку, как я уже говорил, ему требовалось выпить. Именно теперь у него появилась надежда выполнить тот смелый и отчаянный план, который он задумал на липких улицах Паучьего Города. Хотя, конечно, Джордж понимал, что так поступил бы не каждый.

Он нерешительно приблизился к стойке. Бармен пригладил свою белую ковбойскую рубашку и приступил к допросу.

- Что будешь пить?

Джордж заказал двойную порцию барбадосского рома. Это напомнило ему старые дни - те самые незаконнорожденные денечки, о которых и стыдно, и грешно вспоминать. «Да-да, мы обязательно встретимся еще раз. Конечно, милая! При звездах!» Или это лишь воображение? Но ведь был же ром и бамбук, его нежные зеленые ростки, похожие на веки Будды, и все остальное вплоть до манго,

медных гонгов, узких улиц, заполненных юркими велосипедистами, и солдат, которые возвращались с полигона домой.

Джордж подтянул ром к себе, стараясь не расплескать драгоценную жидкость. Он осторожно поднял бокал и выпил его до дна. Теплый зной в желудке подтвердил, что это действительно был ром. Джордж сделал неясное движение рукой, которое, видимо, означало:

«А теперь еще рюмочку, пока не пришел бешеный Билл». Впрочем, вы, наверное, знаете эту печальную историю.

Появилась новая порция. Вернее, двойная порция в двухзарядном бокале. К счастью, этого никто не увидел. Да и кому из посетителей бара было интересно знать, что какой-то человек у стойки ударил по рому двойным зарядом? Во всяком случае, следить за Джорджем им не было смысла. И все же они следили. Старое жулье с прищуренными глазами, от которых не могла скрыться ни одна мелочь. Опухшие подозрительные лица с их неизменными глумливыми усмешками.

По правде говоря, Джордж не был готов к такому вниманию. Посетители бара смотрели на него и притворялись, что не смотрят. Несколько человек, допив пиво, вытерли рты и нарочито вышли из заведения, пытаясь усыпить подозрительность Джорджа.

- Еще одну, - сказал он, имея в виду двойную порцию, и бармен понял этот тонкий намек.

Да, Джордж решил идти до конца. Внезапно все стало очень важным, и аура безотлагательно окутала его, словно жесткий кокон. Он знал, что жаловаться бесполезно; таков был его расклад, кто бы ни сдавал ему эти карты.

- Что-то я тебя, милоч, здесь раньше не видела. Слова исходили от небольшой женщины в вечернем платье из черного шелка, с тонкими черными завязками на ослепительно белых плечах. Чуть ниже ослепительно белых плеч находились верхние полушария лун ее ослепительно белой груди.

Она подошла к нему под аккомпанемент печальных труб, которые наигрывали из музыкального автомата. Вряд ли это было подстроено заранее - она буквально излучала аромат случайного знакомства. Рот, как дрожащий красный квадрат; глаза ускользающего цвета, обведенные черным ободком. И ее присутствие - такое двусмысленное, манящее и опасное.

- Я тут первый раз, - ответил Джордж.

- Значит, новенький?

- Да, можно сказать и так, - смущенно отозвался Джордж.

Он решил перевести беседу в более чувственный канал и затронул тему пищи.

- Здесь можно перекусить?

- Тут тебе подадут лишь отравленные помои, - тихо прошептала женщина. - Идем со мной. Я знаю местечко, от которого ты будешь в восторге.

Джордж заметил в своей руке двойную порцию рома - тот же самый надежный и проверенный бокал, но наполненный заново. Очевидно, кто-то - скорее всего бармен - налил туда рома, пока Джордж не смотрел в его сторону. Приятно знать, что хоть кто-то может о тебе позаботиться.

- А там дают польские колбаски? - спросил Джордж, поскольку этот вопрос стал для него необычайно важным.

- Тебе там очень понравится, - сказала она. - Вставай же. Идем!

Она потянула его за руку, и Джордж неохотно поднялся на ноги.

Да, он позволил какой-то личности вести его черт знает куда. Но к тому времени Джордж изрядно окосел, и ему не хотелось наткаться на углы и путаться в частоколе двух столбов. Он с наслаждением вышел в ночь - в настоящую темную ночь, с расставленными знаками препинания и тысячью точек синтаксиса, каждая из которых во много раз превосходила по размерам нашу Солнечную систему. Вот такую же ночь много лет назад описал Теокрыт, когда, пробудившись от сна вавилонского величия, он увидел себя сицилийским крестьянином, задремавшим на склоне горы. Странно, как все это точно совпадает!

- Куда ты меня ведешь?

- Сначала подальше отсюда, милок. А потом в одно прекрасное местечко, которое я решила тебе показать. Самое подходящее место для такого парня, как ты. А ты ведь настоящий парень, верно?

Джорджу показалось, что она хихикнула. Но он не мог утверждать этого наверняка, потому что ветер из пустыни окутал его облаком нелогичности и смешал караван разумных мыслей. Джордж вновь оказался на перепутье между целью, к которой вел его сюжет, и укрощенным голодом, все более терявшим чувство собственного достоинства.

Улица стала широкой, как море, и перестала напоминать черную паутинку. Да вам просто не найти такой паутины, которая походила бы на эту улицу. Тем более если учесть зажиточный вид ее кварталов. На фоне остальной части города она казалась самодовольным бургером в черных лакированных ботинках. И еще эта улица выглядела тихой и спокойной, с полицейскими будками через каждые пятьдесят ярдов, с ярким освещением на тротуарах и с большими удобными автобусами, которые ездили на дюжине пузатых колес идиосинкразического производства. Вблизи перекрестков на высоких опорах реяли светофоры, и, чтобы разобраться в их знаках, людям приходилось вытягивать шеи. А светофоры струились цветными огнями, помигивали стрелками и квадратными скобками. Но, поскольку указания давались на языке пришельцев, к каждому обозначению прилагали длинный список пояснений, поправок и исключений.

- Приготовься, - воскликнула женщина, озабоченно рассматривая знаки. - На табло сказано, что в предыдущем направлении намечается пауза, а раз эта пауза по закону средних величин намечена заранее, то общее правило, которое связывает все повторения, аннулируется. Я не слишком хорошо разбираюсь в этих премудростях, но, кажется, сейчас... Быстрее! Идем!

Схватив его за руку, она выбежала на улицу. Джордж, следуя за рукой, а следовательно, и за ней, побежал по пятам. Носы его клоунских башмаков нелепо пощелкивали по асфальту, хотя нет, пощелкивали не носы, а подошвы, потому что именно там у него было несколько щелок. И вот, рванувшись через широкую и залитую ярким светом улицу или, вернее, бульвар, как то выяснилось позже, Джордж вдруг услышал голодный рев обезумевших машин. Тот исходил из нутра грузовиков, автобусов и детских колясок - всей той армады колесного транспорта, которая только и ожидала случая, чтобы наброситься на него. К счастью, в связи с объявлением паузы их одолевали в тот миг небольшие сомнения.

Едва они добежали до середины улицы, где о возвращении на тротуар уже и не стоило думать, как война за обладание бульваром вспыхнула с новой силой. До сих пор воюющие стороны только шутили, но теперь они решили действовать всерьез - стремительно и со всей жестокостью. Впрочем, это зрелище напоминало кошмар и

без всякой жестокости. Кто не помнит этих лихих городских бригад, которые, обгоняя друг друга, сражаются со всеми и каждым без исключения? Кто может забыть этих изгнанных ханаанцев, которые, вырвавшись из боковой улочки истории, выплескиваются на главную магистраль в плотной группе из тридцати тысяч человек? Конечно, для армии это маловато, но вполне хватает, чтобы где-то что-то изменить, особенно в наше беспокойное время.

Джордж и не подозревал, что пересечение улицы может вызвать такую пропасть проблем. Он смело заглянул в эту пропасть, и его тут же стошнило. Женщина дернула его за рукав; тот развернулся, как пожарный шланг, и случилось непоправимое. В связи с внезапным ростом облачного покрова потемневшие небеса излились дождем, и Джордж испытал то, о чем он до сих пор слышал лишь от своих товарищей. Он обмочился с ног до головы. Хотя давайте не будем преувеличивать и остановимся только на ногах.

С одной стороны, в этом ничего такого и не было. Но, с другой стороны, уже начинало появляться пятно.

Теперь вы знаете, каково было Джорджу стоять посреди улицы на буксире у женщины, которая буквально взрывалась от нетерпения шепнуть ему свое имя и намекнуть на то, что ей хотелось, когда вокруг ревели и неслись тридцать тысяч ханаанцев, многим из которых, не считая, конечно, блондинов, нравится Виктор Сладенький с кудрявой бородой, и когда над ним слетались, то есть сплетались факторы, векторы и корректоры, мелькавшие с такой быстротой, что у него даже не оставалось времени пронумеровать их по порядку, более или менее придерживаясь соответствующих форм информационного сравнения. Короче, он попал в цейтнот. Джордж отчаянно взмахнул руками, вытащил ногу из цейтнота, но вытереть ее было нечем. Огромной силой воли Джордж протолкался через улицу, зная, что, как только она кончится, он получит свою синюю птицу, своего верного друга, свою любимую звезду - одним словом, то, что он сможет съесть.

Однако женщина тоже оказалась себе на уме. Она пообещала ему еду, а сама, как теперь стало ясно, и не думала кормить голодного Джорджа. К тому времени он уже понял, что пищи в ее повестке дня не значилось. Женщина подвела его к маленькой деревянной двери, которая располагалась в дальнем углу высокой каменной стены. Джордж переступил через порог и полез было в карман за удачной шуткой, но, осмотревшись и увидев, куда он попал, парень решил придержать свои остроты. Еще бы! Он опять промахнулся мимо кармана.

Прямо впереди на небольшой возвышенности раскинулся старый монастырь. На ближайших полях трудились монахи. Их капюшоны были отброшены назад, а сутаны подтянуты вверх, что не только демонстрировало великолепную игру их сильных мышц, но и позволяло им передвигаться в этой невообразимой грязи. Чуть дальше виднелись фруктовые деревья, рассаженные в приятном беспорядке. В очаровательной смеси хаоса и красоты чувствовалась либо рука мастера, либо нога его ученика. Внезапно Джордж заметил подошедшего к ним человека, чья респектабельная тучность, большие выбритые щеки и двойной подбородок выдавали в нем брата-управляющего, а возможно, даже и дядю-преподобие.

- Приветствую вас и кланяюсь вам, дорогие гости, - сказал аббат, выполняя все, о чем он говорил.

- Смиренно припадаю к ногам вашей милости, - ответил Джордж, понимая, что вежливость и грубая лесть никогда не выходят из моды.

- Ладно, заваливайте и пойдете жрать, - произнес аббат.

Джордж удивленно поднял брови - все до одной, сколько у него было.

- Довольно крепко сказано, отче.

- Прямая речь без всяких притязаний - это торговая марка нашего дзэн, - ответил аббат.

- Так это дзэн-буддистский монастырь?

- Я этого не говорил, - сказал аббат. - Но все равно заходите.

Уже внутри Джордж встретил Вольтера и Чингисхана, еще одного Вольтера и Ларрап Садри. Все они носили сутаны монахов. Между прочим, монахов здесь было много, и некоторых он знал. Джордж уже где-то видел этих людей, хотя и не помнил точно имен.

Монахи чинно прогуливались по аллеям. Джордж и аббат присоединились к их длинной колонне. Женщина, которая привела его сюда, потерялась при чистке кадров. Такое часто случается внутри нелояльных партий, и просто уму непостижимо, как быстро может пачкаться всякая мелочь. Они прошли мимо цветочных клумб, каждая из которых наводила на мудрые и немного наивные мысли. Аббат задумчиво улыбался. А вокруг догорал один из тех кротких дней, которые напоминают нам, что нет ничего невозможного. В момент прозрения Джордж увидел впереди высокую арку каменного портала. И пошел он к нему стопами босыми и стал тем, кто вел, а остальные, и аббат иже с ними, стали теми, кто следовал ему.

- Если увидите бардак, не обращайтесь внимания, - сказал аббат. - Тут у нас трапезная. Пора перекусить и принять таблетки.

И вновь эта фраза напомнила Джорджу о других временах и былых событиях. Преодолев тревогу, он вошел в огромный зал.

Помещение было заполнено монахами, некоторые из них, в ответ на ожившее в них глубинное желание, нацепили оленьи рога. А ведь именно об этом и писалось в священных книгах. Более того, многие из них носили маски. Они маскировались под капуцинов из поселкового аббатства и представляли собой ту особую породу людей, которая нам кажется несколько неприличной. Среди них не меньше дюжины носили накладные ресницы и подкрашивали глаза.

- Будьте любезны занять это место, - сказал аббат.

- Прямо вот это? - спросил Джордж.

- Да. Думаю, эта луза вам подойдет.

- Тогда я в нее и западаю, - ответил Джордж. Ответствовав так, сел он на краешек стула и сим замкнул собой длинную цепь монахов, собравшихся здесь.

В зале витал аромат овощей. Пар из кухни возносился к высоким стропилам трапезной, на которых висели помятые синие береты, навек отыгравшие в своих отважных и отчаянных битвах. А собрались они тут не зря. Сегодня, как и в каждый из постных дней, здесь подавали постное мясо. В непостные дни они ели сало, жир и грудинку, но в постные - только окорока и ребрышки, хотя и довольно много. Так было от начала времени и быть сему до самого конца света.

Заметив гостя - а это произошло между супом и орехами, - капуцины затянули хором песню, которой они приветствовали всех посетителей. «Когда морда кирпичом, тут молитвы ни при чем», - тянули они в ликсианской манере, чье многоголосье ласкало слух и несло в себе нотки тонкой иронии.

Его угостили коричневым соусом с посеревшими кусочками бекона. Они посерели из-за лошадиной гнили - паучьего лишайника, который в этом царстве встречался где угодно. Хотя, конечно, монастырь не мог считаться частью царства, ибо здесь служили другому Царю, но бекон, вернее, лишайник глумился даже над такой святыней.

После соуса принесли бисквиты. По размерам и форме они выглядели как трехфунтовые ядра. Монахи в шутку называли их пушечным хлебом, и дюжие слуги, шатаясь от двойных порций, вносили печенье на особых носилках. Группа прислуживающих девственниц разливала напитки - по бокалам, по полу и стенам. Им помогало несколько ручных обезьян - больших надувных игрушек, которые они прятали в своих кельях рядом с вибромассажерами и другими ручными приспособлениями. А почему бы и нет, раз никто не жаловался?

После соуса и бисквитов над головой послышался шелест крыльев. Джордж взглянул вверх и у самых стропил увидел странное зрелище. Там, наверху, где атмосфера казалась более возвышенной и чистой, чем спертый воздух, наполнявший нижнюю часть, парило два крылатых существа. За ними, откуда-то выше и левее, доносился чарующий щебет, напоминавший ссору в стае маленьких приматов.

Аббат улыбнулся и спросил, обращаясь к Джорджу:

- Как вам понравилось наше скромное бытие? Его толстые пальцы ловко проковыривали дыры в пушечных ядрах печенья.

- Все очень мило, - ответил Джордж. - Признаться, и не помню, сколько я не был уже где-нибудь еще в какое-то другое время.

- Это хорошо, что вы не помните, - сказал аббат. - Тем не менее мне бы хотелось пояснить вам некоторые вещи. В том числе и возможный вопрос о двух крылатых существах. Видите ли, одним из правил нашего братства является отрицание всего того, что нам не нравится.

Джордж молча кивнул. Он тоже жил по такому правилу. Рука Джорджа потянулась за соусом, и он даже глазом не моргнул, когда на подлете, у самого рта, ложка дрогнула, легла на правое крыло, и часть груза, сорвавшись с такелажных ремней, опустилась прямо на его галстук. А он предчувствовал, что впереди его ждет настоящая игра, и по такому случаю надел свой лучший костюм.

Внезапно трапеза прервалась. Дверь со скрипом отворилась, и в зал вошли несколько марьяжей, бренчавших на своих гитарах и сверкавших белозубыми улыбками из-под широких сомбреро. Джорджа удивило, что на пять марьяжей приходилась только одна дама. Она была среднего роста, но тонкие высокие каблучки делали ее более выдающейся особой. Губная помада карминного цвета тонко оттеняла ее черную масть. Дама топнула ногой и заплясала под мелодию марьяжей - совсем немелодичную мелодию, которую подхватили два трубача, пришедших позже. Однако в женщине чувствовался какой-то изъян - что-то странное, зловещее и необычное. Ах да, у нее не хватало левой кисти. Ампутированная конечность была завернута в дорожную вельветовую ткань, сверху донизу расшитую золотыми нитками.

Эта деталь не понравилась монахам. Они зашумели, и аббат сердито вскочил на ноги.

- Чем вызвано ваше вторжение? - закричал он. - Почему бы вам не пойти куда-нибудь еще с этими своими, так сказать, мелодиями?

- Мы пришли туда, куда позвало нас сердце, - ответила женщина. - И где же нам еще быть, как не в лучах прожекторов на этой сцене? Только здесь нет боли и слез! Только здесь свободная душа обретает надежду!

Монахи снова тревожно зашептались. Они уже слышали подобные доктрины, и эта ересь исходила из мира, который двигался, пульсировал и прорастал за стенами, окружавшими их фруктовые сады.

- Боюсь, мы не можем принять вас прямо сейчас, - сказал аббат. - Поэтому выбирайте: или отсюда уходим мы, или уходит эта калека!

- Ты еще не видел, на что я гожусь, - с усмешкой ответила женщина.

Она сделала властный жест, и двое марьяжей, положив на пол гитары, подбежали к ней с большой плетеной корзиной. Они открыли крышку и отступили назад.

Все замерли в молчании. Да, иногда такие моменты случаются.

Женщина склонилась над корзиной и, ловко согнув культю, вытащила оттуда ребенка. Она подняла его вверх под гром аплодисментов, а затем вернула малыша обратно в корзину. Все были потрясены до глубины души. Оркестр грянул туш.

Джордж почувствовал легкий укол тревоги. Они делали все это нарочно - с какой-то им одной известной целью. Каждый из них знал что-то такое, чего не знал он. Но Джордж решил не поддаваться. Он вспомнил разговор с инструктором базы, где их готовили для подобных экстремальных случаев. «Присматривайся ко всему непрошеному, парень». Жаль, что он не расспросил тогда о таких конструкциях. Сказать по правде, он их никогда не понимал.

Что-то должно было произойти - возможно, то самое, чего так боялся Джордж. Кто эта женщина? Она буквально ампутировала его своей ампутированной рукой. Он решил, что с него достаточно. И прежде всего с него достаточно этого соуса.

Он встал и пошел к двери. Оркестр грянул зажигательную польку. Стены монастыря тут же охватило пламенем, и аббат, заметив опасность, схватился за свое кадило. Но он опоздал. На потолке зазмеились трещины, два крылатых создания упорхнули прочь, ребенок заплакал, а полька, выбросив спички, трусливо сбежала с места преступления. Джордж захотел уйти не прощаясь. Да и зачем ему было с кем-то прощаться?

Внезапно пламя погасло. Когда дым рассеялся, аббат и монастырь исчезли. Рядом с Джорджем стояли женщина, марьяжный оркестр и ребенок. Хотя нет, ребенок лежал в корзине, а вместо монастырских стен вокруг них чернели зубчатые горы. Небольшую равнину покрывала желтая, зачахшая трава, на которой то тут, то там белели бычьи черепа. Свист ветра казался горькой и жалобной песней. А потом земля содрогнулась, потому что на холмы упала ночь.

Позже, когда Джордж немного отдохнул, к нему в палату пришел аббат. Толстый и елейный, но с тонким намеком на озабоченность, он осторожно втиснул живот в дверной проем, а затем вошел сам, поддерживая ниспадавшие кружева своих круглых боков.

- Я заполнил их огнеупорным материалом, - объяснил он. - А как ваши дела? Во время обеда вы показались мне немного вялым.

- Теперь уже все хорошо, - успокоил его Джордж. - Где мы сейчас находимся?

- Чуть в стороне от того места, где были раньше, - ответил аббат.

- А что случилось с той женщиной, которая привела меня к вам? И с теми марьяжными игроками?

- У них оказалось несколько срочных дел, которые им потребовалось исполнить. А может быть, они просто не захотели приветствовать героя.

- Что? О ком вы говорите?

- О вас! - ответил аббат. - Вставайте! Нам пора уходить! Вы должны стать известным человеком! О вас должны узнать люди!

- Видите ли, я очень подозрительный, - начал возражать Джордж. - Людям это, конечно, понравится, но вот как быть со мной? Я не хочу становиться героем.

- Вы будете героем поневоле! - воскликнул аббат.

- Но я и этого не хочу.

- Неужели вы так и будете болтаться без дела? - настаивал аббат. - Вам, между прочим, давно пора определиться!

- А можно я стану Сторонним Наблюдателем? - спросил Джордж.

- Боюсь, что эта роль больше никому не доступна. Мир делается скучным и, чтобы оживить его, требуется участие каждого человека.

- А какой герой вам нужен? - спросил Джордж.

- К сожалению, мы этого пока не знаем, - ответил аббат. - Но нам может пригодиться ваше мастерство в обращении с оружием.

- Мое мастерство? Вы, наверное, меня с кем-то спутали.

- Соглашайтесь, - тихо шепнул аббат. - Мы обедаем вам минимальное наказание. - Я вас не понимаю.

- Извините. Это старая песенка, которую мы обычно пели в семинарии. Не обращайте внимание. Беседа сама собой подошла к концу, оставив на душе осадок неудовлетворенности. Аббат сказал, что ему пора возвращаться на поля. Страда поджимала - наступало время вязать узлы на пшенице, и он не мог доверить такое важное дело кому-нибудь другому.

Джордж немного вздремнул, а затем отправился на Прогулку.

Как он и ожидал, марьяжный табор никуда не делся. Фактически они прятались за небольшой разрушенной стеной. И женщина с культей тоже была вместе с ними.

- Вот мы и снова встретились, - сказала она. - Меня зовут Эсмеральда. Я должна многое рассказать тебе, прежде чем найдется что-нибудь другое, а потом мы начнем с конца, который станет началом чего-то нового.

- Должен признаться, - признался Джордж, - что мне нравится прогуливаться в этих местах и делиться с вами неуловимыми окольными местами. Как жаль, что меня отзывают отсюда! Я должен получить новое назначение. А теперь, милая дама, позвольте откланяться.

Он начал кланяться, но тут один из марьяжей сунул руку в гитару, вытащил оттуда три шара и принялся ими жонглировать. Вращение шаров захватило внимание Джорджа. Они были зеркальными, и поэтому, глядя в них, он видел себя то взлетающим в воздух, то падающим вниз. А потом они показали ему и другие вещи. Высокие накренившиеся башни. Городские улицы без единого человека. Далекие огни маяков и дорожные знаки на незнакомых языках. Меню, написанное рунами.

Трудно сказать, как далеко это могло бы зайти, если бы вновь не появился аббат. Схватив Джорджа за руку, он выдернул его из транса.

- Эти люди опасны, - сказал аббат авторитетным тоном.

- Тогда почему с ними ничего не делают?

- Потому что они находятся под защитой Серого Ордена.

- Какого еще Серого Ордена?

- Вот о нем мы сейчас и поговорим, - сказал аббат. - Мне кажется, вам многое о нем известно.

- Нет, - возразил Джордж. - Я о нем вообще впервые слышу.

- То есть вы хотите сказать, что ничего не знаете о Сером Ордене?

- Конечно, ничего. Это вы о нем заговорили.

- Да, но только для того, чтобы увлечь ваше воображение и заставить вас рассказать нам что-нибудь интересное.

Странно, как быстро темнело вокруг. Живот аббата едва мерцал во мгле, а сам он оставался почти невидимым. Джордж почувствовал зов далеких стран. Он понял, что ему пора уходить. Однако Джордж знал, к каким фатальным последствиям могла привести поспешность. Он замер на месте, стараясь не закрывать глаза, так как эту людскую слабость часто использовали для обмана. Переведя дух, он тихо отступил в сторону, и в тот же миг на его ладонь легла чья-то рука. Когтистая лапа критика - именно то, чего он так боялся.

- Что вам от меня надо? - спросил Джордж.

- Не разыгрывай из себя невинного.

- Нет, вы только посмотрите, куда нас заводят все эти глупые вопросы!

Скажите, а я не могу ненадолго выйти?

- Сначала посмотри сюда, - рявкнул голос, и по его властному тону Джордж понял, что он нежданно-негаданно встретился с одним из членов Серого Ордена.

Тем вечером Джордж как следует вымылся, побрился и спустился к ужину. За столом собралась пристойная публика - незнакомые друзья и забытые знакомые. Беседа велась приглушенными голосами, и никто не упоминал о том, где так долго носило Джорджа. В конце концов он захотел узнать о себе, но карты этого не показали. Во всяком случае, там о нем пока ничего не говорилось. Вернее - еще не говорилось.

Когда Лаура подала десерт, Джорджа охватило почти неудержимое желание совершить неторопливую и долгую прогулку вокруг квартала. Иногда именно этого и не хватает мужчине - вот так собраться, оставить ненадолго семью, в которой просто души не чаешь, и немного побродить по собственным извилистым дорожкам.

После ужина он помог Лауре убрать стол и даже вызвался вымыть посуду.

- Может быть, тебе лучше прогуляться? - спросила она.

Джордж этого не ожидал. Как мило с ее стороны, подумал он. Хотя она вела себя несколько непоследовательно. Но, возможно, Лаура тоже устала притворяться. Ведь они не были по-настоящему близки друг Другу. И, может быть, поэтому дети так спешили выйти из-за стола и взяться за работу по дому.

Решив немного расслабиться, Джордж сел в свое большое кресло, которое он почему-то считал своим, и начал читать газету двухдневной давности. Газета показалась ему суховатой и бессмысленной. Он понятия не имел, что такое грифизная продажа. А кто такой этот Гельмдилио, который вдруг пообещал выставить вон Ренстека?

- Лучше я действительно немного пройду, - сказал он Лауре.

- Ты просто обязан сделать это, - ответила она. Хорошо, что все так уладилось, подумал Джордж. Никаких забот и тревог, просто приятная прогулка вокруг квартала. Он встал, обошел пару раз комнату, потом вернулся и наконец

направился к передней двери. Однако на ней была одна из тех овальных дверных ручек, которые ему не нравились. Проворчав проклятие, Джордж повернул обратно и побрел к задней двери. Кивнув жене, он вышел во двор, перешел на усыпанную гравием дорожку, обогнул дом и в конце концов выбрался на улицу.

Улица оказалась длинной и прямой. Два ее конца, начинавшиеся от середины, почти ничем не отличались друг от друга и не оставляли никакой зацепки для правильного выбора. Джорджу вспомнились слова, произнесенные кем-то по такому поводу. «Ничего не оставляй на волю случая, даже если не знаешь, что случится потом. Каждый раз принимай свое решение, стараясь сделать лучший выбор».

Все это звучало как какая-то чепуха - то есть слишком умно и непонятно. Решив пойти куда глаза глядят, Джордж повернул налево, навстречу новым приключениям.

Эта красивая кухня выглядела очень чистой и ухоженной. Здесь имелось множество устройств, позволявших экономить силы и время. Сделанные из безупречной стали и стекла, в ореоле каких-то странных креплений и изгибов, механизмы казались воплощением тайны, которая окутывала все, что могло бы раскрыть их назначение. Джордж знал, что, если он выйдет на какое-то время из комнаты, эти приспособления изменят свою форму, и, возможно, тогда ему удастся с ними разобраться. Но сначала он должен был отдохнуть, побродить немного вокруг - подождать, когда к нему вернется память о прошлом.

- Ты же понимаешь, что дети могут прийти домой в любое время, - сказала женщина. - Я думаю, нам лучше им все рассказать.

- Ты так считаешь? Хорошо, давай попробуем, - ответил Джордж.

Женщина улыбалась, но в ее взгляде читалось ожидание.

- А что ты предлагаешь им сказать? - спросил Джордж.

Она восприняла вопрос довольно серьезно.

- Давай скажем им, что ты приехал в отпуск.

- Да, я согласен, - ответил Джордж.

- Кроме того, это может действительно оказаться правдой.

- Да, думаю, что может, - подтвердил Джордж.

- Впрочем, какая разница! Мы все равно им об этом скажем. Что же касается остальных вопросов, то постараемся разобраться с ними, когда они появятся.

- Да, полагаю, это самое лучшее решение.

Она встала со своего кресла и подошла к нему. Приложив ладони к его щекам, женщина склонилась вперед и поцеловала Джорджа. От ее поцелуя веяло холодом и безразличием. Но зачем она тогда это делала? Джордж начинал теряться в догадках. Неужели женщина была его женой? Или она приходилась женой кому-то другому? Ему хотелось спросить ее об их отношениях, но интуиция подсказывала, что такой вопрос будет не очень тактичным. В каких бы отношениях они ни состояли, Джордж о них ничего не помнил, а значит, близости между ними могло и вовсе не существовать.

- Мне надо сказать тебе одну вещь, - прошептала она.

В тот же миг передняя дверь с грохотом открылась, и дом наполнился голосами детей - мальчика и девочки. Они о чем-то весело болтали, но говорили так быстро, что Джордж не понимал ни слова.

Дети вбежали на кухню - долговязый мальчик лет двенадцати и симпатичная девочка годиков семи-восьми. Увидев неожиданного гостя, они замолчали и замерли на месте. Джордж замер в ответ, затем откашлялся и хрипло сказал:

- Привет, ребята.

- Ты пропустил мой день рождения, - сердито ответила девочка.

Мальчик что-то шепнул ей на ухо, и малышка захихикала.

- Он говорит, что ты мой папочка, - сказала она. - Разве это правда?

Джордж не знал, что ему ответить на такой вопрос. В принципе он допускал, то эти дети могли оказаться его детьми. Во всяком случае, Джорджа тут считали отцом этой девочки. И, вероятно, мальчика тоже. Хотя относительно последнего - как и всего прочего - у Джорджа имелись большие сомнения. Он не испытывал к детям никаких особых чувств, которые обычно показывали в фильмах. Более того, он даже не помнил, где ему показывали эти фильмы.

- Ступайте в ванную и помойтесь к ужину, - сказала женщина детям, после чего, повернувшись к Джорджу, тихо добавила:

- Я, между прочим, Лаура.

- Привет, Лаура. Меня зовут Джордж.

- Это я уже знаю.

Они улыбнулись друг другу, и Джордж подумал, что все будет хорошо. Он уже начинал догадываться о том, что здесь происходило. Очевидно, он и несколько других смельчаков вернулись недавно с тяжелого задания. Они сделали все, что от них требовалось, несмотря на огромные потери и невообразимую опасность. Вот почему люди считали нормальным, что Джордж ничего не помнил. Последствия шока и амнезии.

Каким-то образом ему удалось найти свой дом. Хотя это оказалось не таким уж и трудным делом. Сказать по правде, он о нем даже не вспоминал. Но ведь так оно в жизни и бывает - проходишь мимо, глаза по сторонам, и вдруг понимаешь, что это твое.

Испытав неопишуемое чувство облегчения, Джордж с восторгом осмотрелся вокруг. Боже, как славно все устроилось! Он беззаботно открыл деревянную калитку и поднялся по трем ступенькам к передней двери. Его правая рука потянулась к дверной ручке, но на полпути повисла в воздухе. Рукоятка выглядела не так, как он ее себе представлял. Она не была круглой, как большинство дверных ручек, и не имела курка, который он мог бы нажать указательным пальцем. Дверная ручка имела странную грушевидную форму с небольшой выпуклостью в средней части. В сгущавшихся сумерках ее матовая поверхность сверкала, словно подсвеченная изнутри. Более того, рукоятка явно не соответствовала его руке. Стоило Джорджу положить на нее ладонь, как он уже не знал, что ему делать дальше. Ей полагалось иметь какую-нибудь кнопку, спусковой крючок или наборную панель, если в доме использовался кодовый замок. Во всяком случае, ручка должна была иметь хоть что-то. Иначе как бы она могла функционировать? Немного подумав, Джордж понял, что тянуть ее на себя бессмысленно. Он нажал на нее пару раз, но ничего не случилось. Дверь не поддавалась. Не найдя даже скважины для ключа, Джордж раздраженно пнул дверь ногой, и у него появилось ощущение, что он упустил какую-то важную деталь.

Он спустился с крыльца и еще раз осмотрелся. В переднем дворике росло небольшое деревце, чьи крепкие ветви тянулись в стороны под прямыми углами. С

веток свисали бледно-желтые плоды, покрытые пурпурными полосками. Рядом с деревом проходила аллея. Она огибала здание, и сразу же за ней начинался высокий забор соседнего участка.

Неужели это его дом? Джордж больше не хотел никаких ошибок. Он знал, к чему обычно приводила такая внутренняя неопределенность. Он прекрасно помнил ее внезапные внешние проявления...

Джордж медленно прошел по аллее на задний двор. Забор рядом с соседским домом казался очень знакомым или, по крайней мере, напоминал что-то родное и близкое. Хотя здесь явно чего-то не хватало - возможно, колючей проволоки.

Аллея заканчивалась пятью ступеньками, которые вели к задней двери. Сквозь толстое стекло он заметил женщину, которая деловито передвигалась по кухне. Она что-то напевала, но стекло не позволяло разобрать мотива. Однако у Джорджа сложилось впечатление, что мотив был довольно веселым.

Решив постучать, он поднялся по ступеням, и в этот момент женщина обернулась. Джордж отшатнулся, увидев ее изменившееся лицо. Такой холодный и насмешливый взгляд мог означать что угодно. Однако уже через миг Джордж заметил в ее глазах искорку узнавания, и у него немного отлегло на сердце.

Тем не менее он честно признался себе в том, что абсолютно ее не помнит.

- Джордж! Почему же ты не сообщил нам, что вернулся?

Она открыла дверь, и он как следует рассмотрел эту маленькую женщину с пушистыми белокурыми волосами. Несмотря на былую красоту, ее лицо уже подернулось пеленой отцветшей молодости, и тут не могла помочь даже косметика. Схватив Джорджа за руку, она затащила его в прихожую.

- Что же ты стоишь? Это твой дом! Входи, Джордж. Входи!

Джордж прошел в гостиную. Он ненавязчиво и осторожно следил за каждым движением хозяйки, пытаясь собрать из крошева впечатлений какую-нибудь понятную и законченную картину. Он был абсолютно уверен, что пришел по месту назначения. Именно тут ему и полагалось быть. Он вернулся домой. В этом Джордж не сомневался ни секунды. Но его сердце замирало от страха и смутного предчувствия неотвратимой беды.

Он понял, что ему предстоит разговор с эмиссаром Серого Ордена. А значит, еще одно задание подходило к концу. Наладив канал связи, он выполнил свою миссию, и теперь ему следовало подумать о возвращении в Главупр. Впереди его ожидали новые опасности, дальняя дорога и казенный дом.

Приятно было вернуться в Главное управление, где посреди большого цветника и кустов роз стоял обелиск, служивший напоминанием о мучениках Девятой звездной экспедиции. В его основании под лепестками цветов угадывалась вязь иероглифов. Отдав салют погибшим героям, Джордж зашагал по усыпанной гравием дорожке, которая петляла между домов. Денек начинался, каких не бывает, но даже при всей своей нереальности он выглядел довольно неплохо. Охранник, которого Джордж встретил в центральном бассейне, направил его в первый приемный покой. Там Джорджа проводили в кабинет, и молодая женщина в униформе Звездного Братства попросила его сесть в кресло, стоявшее рядом со столом.

- Вы только что вернулись, верно?

- Да, только что, - ответил Джордж.

- Вы находились в секторе ФПК, верно?

- Так точно. Мне было поручено проникнуть в Сомнительный квартал.
- И вам это удалось?
- В какой-то мере да. Я выяснил, что состояние замешательства действительно существует. Наши догадки оказались верными.
- Это все, что вы обнаружили?
- Нет, не совсем. Мне удалось внедриться...
- Прошу вас, больше ни слова, - прервала его женщина, властно взмахнув рукой.
- Остальное меня не касается. Поберегите свою информацию для Подробного Дебрифинга.

Джордж кивнул, хотя он никогда не слышал ни о чем подобном. Но тревожиться по таким пустякам не стоило. Он снова вернулся в Главное управление - к знакомому цветнику и обелиску среди роз. Разве можно выразить словами, как приятно вернуться домой? Джордж таких слов не находил, и вообще, попав сюда, он еще раз убедился в истине, что по-настоящему хорошо только там, где нас нет. Все это время он отчаянно пытался вспомнить какие-нибудь подробности о Главном управлении, но в голову, как назло, ничего не приходило. Возможно, они вернули его назад слишком быстро: да-да, теперь он вспомнил, что подобные провалы памяти считались обычными среди тех, кто выполнял задания в секторе ФПК. Или он это просто выдумал? Трудно говорить о чем-то наверняка, когда приходится убеждать самого себя.

- На этом мы пока закончим нашу встречу, - сказала женщина в униформе. - Вы можете идти. Отдохните немного, восстановите силы. Ваши апартаменты уже готовы, и мы постарались сохранить там все в неизменном виде. О выполнении задания вы отчитаетесь на дебрифинге, который намечено провести в самое ближайшее время.

- Могу ли я узнать точную дату его проведения? - спросил Джордж.
- Мне о ней, к сожалению, ничего не известно. В данный момент мы перегружены работой. Слишком много важного случилось за последние дни.
- А что именно?
- С этим вопросом вам лучше обратиться в библиотеку. Советую прочитать отчет Службы Информации - там все написано. А теперь я должна проститься с вами. Благодарю за сотрудничество.

Джордж понял, что пора уходить. Он встал и вышел из Главного управления.

Несколько раз мимо него проходили люди, но ему почему-то не хотелось спрашивать у них дорогу в библиотеку. Джордж снова поковырялся в памяти, но, очевидно, все, что касалось Службы Информации, исчезло в одном из провалов. Более того, он не мог вспомнить, где находились его апартаменты. А ведь они где-то были, и сотрудница в униформе сказала, что там ничего не изменилось. Хорошо, что хоть погода не подвела. День выдался прекрасный - не слишком жаркий и не слишком холодный. Мягкий теплый денек, с ярким солнцем за грудой облаков и нежным ветерком, который с воем пронесся сквозь арки Главного управления, валя деревья и в без того прилегающем парке.

Джордж шагал мимо больших стволов с широкими кронами и быстро размножавшейся листвой. Интересно, что вначале у него сложилось впечатление, будто листья были зелеными - как всегда. Но потом он понял, что листва лишь казалась зеленой, а на самом деле она самодовольно и крикливо сияла оттенками голубого, оранжевого и сиреневого цветов. Наверное, они сделали какие-то особые

посадки, подумал Джордж. Однако он недоумевал, зачем им потребовалось сажать такие лицемерные и крикливые деревья.

Джордж знал, как важны для воспоминаний какие-нибудь зацепки или, говоря по-научному, якоря восприятия. К сожалению, он не знал как следует берегов этой реки и не помнил тех мест, где рыбаки оставляли якоря и лодки. Хотя о таких местах здесь ходило много сплетен и легенд, и он смутно вспоминал об этом, разгребая листву перед глазами и торопливо обшаривая берег в поисках зацепок.

Каждый раз, когда он пытался подойти к воде, рядом что-нибудь происходило. Это начинало раздражать, поскольку Джордж действительно хотел войти в воду. И тогда, впервые за долгое время, его кольнула шальная мысль. Он постарался забыть о ней, но она не уходила. Джорджу начало казаться, что им управляет какая-то сила, и именно она осматривала берег, используя его как обычную ищейку. Конечно, он понимал, что подобное невозможно. Это абсолютно не соответствовало логике и доктрине разума. Как и те цветы у реки, явно вышитые на вельвете золотыми нитками. Причем, заметьте, на измятом вельвете, который я специально для вас помял. А впереди простирался берег. И Джордж пошел туда, не сворачивая ни влево ни вправо. Прямо вперед! И действительно прямо! Он скользнул в воду, стараясь не поднимать ряби, но одна из них все же встала.

Тем не менее приходилось учитывать даже эту маленькую сонную рябь, поскольку именно с таких незначительных и изогнутых сегментов возникали огромные волны, сметавшие с лица земли зеленые леса, большие серые города и задремавшие вулканы. Конечно, для Джорджа такая рябь была простым журчанием, и она не производила на него никакого эффекта. Но на других журчание Джорджа действовало всегда и, что примечательно, всюду.

Однако теперь он мог об этом не думать. Джордж находился в воде. А вы, наверное, знаете, как это здорово плыть на спине и щуриться от отблесков солнечного света. И то был действительно прекрасный момент. Жаль только, что Джорджа в это время мучили колики в животе. Впрочем, такое бывало и не с ним одним. Поэтому он плыл на спине и ждал, когда эта неприятность пройдет сама по себе - или, точнее сказать, выйдет.

Водоем, в котором плавал Джордж, был продолжением узкого и глубокого канала. Между прочим, вода там текла несколько быстрее. Вы когда-нибудь видели, чтобы вода текла несколько быстрее? Но именно так Джордж описывал то, что могло быть выражено другими словами. Он просто не мог ничего с собой поделаться. Это рвалось из него наружу. Более того, Джордж лишь следовал той изящной линии, которую описывал сам канал. И все бы кончилось хорошо, если бы кто-то не дышал ему в затылок.

- Кто здесь?

Джордж выгнул шею, пытаясь рассмотреть существо, задавшее этот вопрос. В воде рядом с ним плыла небольшая черепаха - коробчатая черепаха обычного черепашьего вида, самая непримечательная из всех черепах, хотя наверняка нашлись бы люди, которые назвали бы ее панцирной сухопутной черепахой. Джордж выбросил все это из ума, но мысли прилипли к его пальцам, как осенняя паутина - не совсем бессмысленное легкомысленное осмысление смысла.

- Попридержи коней, приятель, - сказала черепаха. - Ты даже представить себе не можешь, на что похожи твои поганые мысли.

- Откуда вам знать, о чем я думаю? - возмутился Джордж. - И с каких это пор черепахам позволено говорить по-человечески? Здесь вам не легенда о животных и даже не аллегория!

- Забавный ты паренек, Джордж, - сказала черепаха. - Если бы не склонность к монологам, тебе бы не было цены. Неужели ты еще не разглядел наколки на моей спине?

Черепаха развернулась, показывая ему спину. Джордж увидел равносторонний треугольник, составленный из трех тонких линий. Возможно, для черепахи это что-то и означало, но Джордж не собирался принимать на веру мнение какого-то подозрительного земноводного.

- Не валяй дурака, - сказал черепахан. - Тебе от меня так просто не отделаться. Я нарочно показал наколку, чтобы привязать тебя к себе. Потому что теперь, когда ты узнал мою приметку, я не позволю тебе уйти. Я не позволю тебе описывать меня!

- А куда вы направляетесь? - спросил Джордж. Он заметил, что крутые берега как-то уж очень быстро исчезли из виду, и вода, которая минуту назад стремительно мчала его вперед, закружилась теперь в агонии неопределенности.

- Иногда я двигаюсь вперед, - ответил черепахан, - а иногда в сторону.

Поплыв рядом с ним, Джордж убедился в том, что черепахан сказал правду. Узкие протоки пересекали и перекрывали друг друга сложным запутанным узором - причем не просто по разу или по два, но по двенадцать, а то и по четырнадцать раз. Вот почему это длилось так долго. Однако солнечный свет успокаивал. Джордж пока не был готов к переменам или, по крайней мере, к тем переменам, которые набрасываются на вас, когда погода становится решающим фактором.

Между тем проблема вышла в фокус. Фокус у нее не удался - Джордж это понял сразу. Каналы оказались не такими уж и прочными. Более того, тщательный осмотр принес неутешительную оценку, которая, кроме всего прочего, могла стать еще и иллюзорной. От него требовалось только одно - следовать за ходом событий. А кому из нас не хотелось порою того же? Особенно когда рядом бубнил голос зеленой черепахи безумия, и мы предпринимали обходной маневр, отмечавший лобовую атаку проблемы. Это ужасное путешествие начинало затягиваться; ресурсы подходили к концу; рядом плавал наглый черепахан, и Джордж все чаще задумывался о жестокой судьбе, которая увела его от водоема в большом городском сквере, где он работал с сотней других людей под жарким солнцем Вавилона.

Ситуация казалась безвыходной. И даже внезапно возникший мешочек с диалогом почти ничем не помог. Наоборот, в его появлении было что-то ужасное и зловещее, поскольку он приплыл к Джорджу в яркой полосатой коробке.

По прошлому опыту, который он не собирался увековечивать, Джордж относился к коробкам очень настороженно.

- Все это туфта! - сказал мешочек с диалогом, выбираясь из коробки и стряхивая с себя капельки непристойных слов.

- Вот уж чего не знал, того не знал, - признался Джордж.

- Ты в этом уверен? - подозрительно спросил словесный мешочек.

- Я уверен только в том, что вы появились здесь слишком внезапно, - сказал Джордж. - Стоило нам подумать о решительных действиях, как тут же возникаете вы и начинаете, извините за выражение, возникать.

- Смотрите, кто заговорил о выражениях! - воскликнул словесный мешок. - Парень, тебе нужна помощь. Ты в это врубаешься или нет?

- Кстати, по поводу вашего вопроса... Что тут происходит? - спросил Джордж.

- Я рад, что ты интересуешься такими вещами, - сказал мешочек с диалогом, и его маленький рот, похожий на бутон розы, изогнулся вверх по уголкам. - Фактически это мы и должны узнать. А ну тихо, парень! Ты ничего не слышишь?

Джордж прислушался и уловил какой-то шлепающий звук, как из той метафоры, которую второпях отлит ли в кузнице лексикографа. Звук дождя. Вот же черт! В довершение всего ему опять предстояло обмочиться.

- И именно в такой момент, - добавил словесный мешок, пытаясь скрыть отвращение, которое он питал к происходившему.

Прямо перед ними возвышалось кирпичное шестиэтажное строение внушительных форм и размеров. Такой внушительной и шестиэтажной могла быть только библиотека, в этом Джордж не сомневался. Все окна на ее фасаде были заколочены фанерой - вернее, чем-то похожим на фанеру, но более низкого качества. Тем не менее этот прозрачный и хрупкий материал защищал зевак и таких случайных проплывавших, как Джордж, от летевших во все стороны булыжников и осколков породы. Там, внутри здания, выступая над крышей и выпирая с боков, располагался колоссальный остов молота, к которому тянулись стальные тросы. Подобные хитроумные приспособления обычно назывались гидравлическими - не потому, что ими двигала вода (хотя в каком-то глубоком смысле так оно и было), но потому, что из кессонов этой чудовищной машины, мерцавшей клапанами поршней и долбившей гранит науки, исходил лишь пар и запах сгоревшей смазки.

Так и не разгадав назначения молота, Джордж мысленно покачал головой. Головка массивного пробойника медленно поднималась вверх, затем стремительно опускалась вниз, скрываясь в глубинах скважины. Молодая женщина в кепке, из-под краев которой вились волосы, заплетенные в белокурые косички, сделала паузу и вознамерилась обратиться к нему.

- Эй, ты! Она все же исполнила свое намерение.

- Вы это мне? - спросил Джордж, демонстрируя тем самым первую часть многословия.

- Да, тебе. Ты не хочешь отойти отсюда на пару шагов?

- Конечно, хочу, - ответил Джордж, источая из себя уступчивость и слащавые улыбки. - Но сначала вы должны мне кое-что сказать. Зачем вам нужна эта штука, которая снует как гидравлический молот?

Блондинка с косичками и кепкой улыбнулась, уловив классически риторический и идиосинкразический намек, заложенный в предпосылку. Ее молот напрасно наносил удары, поскольку предпосылка не уступала в ловкости юркой ласке, а вы, наверное, знаете, что лаской можно добиться всего, что угодно. Но давайте не будем перебрасываться засаленными и заезженными образами - особенно там, где мы можем по-хорошему договориться и тайком связать слово за слово, если они подходят друг к другу. А если при этом еще спрятать все концы в воду и сделать вид, будто ничего не произошло... Что?

- Я сказал, заткнись! - закричал Джордж.

- Прости, я опять увлекся, - смущенно ответил словесный мешок.

- Куда подевался гидравлический молот?

- С ним, кажется, что-то случилось, - сказала блондинка в кепке.

- Лучше не начинайте этого со мной, - предупредил ее Джордж. - Всем стоять на месте, или я буду стрелять.

- Из чего? - спросила одетая в кепку леди. Ее вопрос эхом повторили словесный мешок и черепахан, который неожиданно вернулся из своего небытия.

- Нельзя остановить то, чему суждено произойти, - сказала мудрая черепаха. - И тебя не избавит от этого даже твоя борьба.

- Знаешь, я давно хотела тебе кое-что рассказать, - смущенно произнесла белокурая леди - Ты, конечно, меня не знаешь, но я о тебе достаточно наслышана.

- На самом деле? - спросил Джордж, которому эта показалась удивительным.

- Надеюсь, ты готов сделать кое-какую мелочь для всей нашей компании, - сказала она.

- Эй, подождите минуту. Я для этого не готов.

- Джордж, тебя когда-нибудь учили принимать на себя ответственность?

- Нет, черт возьми! Меня этому никогда не учили! Из-под купола посыпались полчища объяснений. Они были одеты в красное трико и ловко сплетались друг с другом. Эти гибкие эквилибристы казались уверенными и непоколебимыми, но на самом деле выглядели бледно и неубедительно.

Впрочем, ситуация зашла слишком далеко. Я даже не знаю, кто бы выдержал такое. Черт! Куда же подевался кончик этой мысли? Через какую дыру вытекал сюжет? Неужели Джордж действительно менялся, превращался и трансформировался во что-то другое? И что, в конце концов, означали его коробки?

- Полегче, приятель. Успокойся, - шептал словесный мешок.

Он поддерживал Джорджа обоими плечами. Твердо, но мягко.

- Да полегче, ты, здоровый бугай, - закричал он в конце концов. - Я тебе что - подушка?

Джордж застонал и сжал ладонями голову. Она затрещала от боли. Он подозревал, что это была голова какого-то другого человека. Во всяком случае, раньше он таких головных болей не испытывал и, надо признаться, даже не знал, может ли их испытывать вообще.

Все более испарявшееся равновесие перекошилось в сторону и грозно закачалось в предвестии дурных намерений.

- Да не склоняйся ты так! Не напирай! - кричал, задыхаясь, словесный мешок.

Джордж действительно нарушал все правила склонения на предметы сцены. Тем более что они в этом месте были особенно хрупкими и чувствительными, поскольку, по закону братьев Гримм, помрачение возникает экспоненциально исчезающей ясности. В тот же миг огромный гидравлический молот начал подниматься вверх. Из-под приборной панели послышались приглушенные взрывы маниакального смеха. Динамики дрожали и захлебывались от неотвратимого рока.

Блондинка в кепке - или, судя по ее виду, девушка - первой заметила опасность.

- Он сейчас взорвется! - закричала она. - Мне надо добраться до выпускного вентиля, который должен торчать где-то в этом месте!

И тогда воздалось ей по речам ее. И изверглись из приборной панели голубые струи молний, и женщина сия с визгом и криками пала на спину свою.

- Этот факельщик кроет факсом по всей фактории! - завопил словесный мешок, нанизывая слова в бессмысленную фразу. - Факт! Факт! Факт!

Тем временем Джордж, цепляясь за перила и пуговицы, понемногу приходил в себя. Ему удалось задержать предшествующее падение, но то ли из жалости, то ли по недомыслию он не удосужился посадить его в тюрьму. Эта оплошность тут же дала себя знать и начала истекать значительными событиями.

Бросив быстрый взгляд в сторону, Джордж увидел на своем плече черепаху. По татуировке на панцире он едва не принял ее за шустрого черепахана, но потом вдруг понял, что такой треугольник могло нацарапать себе любое земноводное. А вы думали, что он какой-то простак? Вы думали, он будет потворствовать претензиям болтливых животных и выслушивать бред словесных мешков?

Теплый дождь и холодный ветер хлестали в лицо и пытались вырвать опору из рук. Джордж вдвое усилил свою хватку. Вода начала выделять мерзкие трюки - она то низвергалась водопадом, то капала, то вновь сочилась тонкой струей. Остальные махали ему руками и кричали о каком-то конце.

- Конец! - вопили они. - Держи конец! Рядом с ним упала длинная веревка. Но ведь речь могла идти и о той штуке, за которую он держался. В отчаянии Джордж начал хвататься то за одно, то за другое. Конец... Что же они имели в виду?

- Принять швартовы!

Услышав это, Джордж уловил движение судна. Через миг он понял, что ему необходимо попасть на корабль. Джордж еще раз подумал о конце. Он бросил на него последний взгляд, фиксируя в памяти и без того знакомые детали, а потом позволил воспоминанию о гейзере присоединиться к тому, что уже, в метафорическом смысле, истекло на седые гребни волн прекрасного моря.

- Принять...

- Да, да, - раздраженно сказал Джордж и накинул петлю крепезного конца на причальную тумбу. В тот же миг движение корабля замедлилось.

- Прекрасно сделано, сэр! - сказал представительный мужчина.

Этот доселе незнакомый тип вышел из небольшой кабины, которая располагалась на верхней палубе чуть ниже белых парусов, надутых, извините за выражение, ветром. Лицо мужчины напоминало перезревшую грушу с густыми бакенбардами и множеством игривых смешинок, которые прятались за его высокомерным видом. Он был одет в голубой китель с золотой тесьмой и серебряными пуговицами и, представьте себе, носил на голове накладку или парик, а возможно, и то и другое сразу. Наряд довершали треуголка и замшевые панталоны, которые показались Джорджу подозрительно чистыми и белыми.

- Кто вы? - спросил он.

- Я Ролло - веселый капитан со «Слюнявчика». Неужели не помните? «Привез груз из Йокогам, ничего тебе не дам». Недавно отмечен в морских депешах за успешный перехват арбузов и двух французов. Конечно, теперь я покончил с этими глупостями и стал серьезным морским волком - особенно после того, как Джулия начала травить меня своими претензиями, краснорожим попугаем и парочкой борзых. Но тише! Я слышу ее шаги!

На самом деле этот капитан со «Слюнявчика» не мог слышать никаких шагов, потому что их звук возник только после того, как он закончил свою речь. Сначала скрипнула дверь, и, судя по тому, как она скрипнула, кто-то открыл ее настежь. Затем в проеме появилась женщина, белокурая и полногрудая, не первой молодости, но еще и не тронутая плесенью. Ее притягательную фигуру облегал

платье с оттенками персика и апельсина. В шелковистые волосы были вплетены темно-синие ленты.

- Эй, парни, кто-нибудь хочет полюбезничать с дамой? - спросила она, и Джордж мгновенно понял, что по какой-то необъяснимой причине судьба столкнула его лицом к лицу со знаменитой и незабвенной Мэй Уэст.

- Мисс Уэст! Как вы здесь оказались?

- Так же, как и ты, глупенький мой. Меня призвали на службу. Но к чему все эти сентиментальные вопросы? Нормальные люди действуют, а не болтают языком. Вопросы с «как» и «почему» - это дурная привычка, от которой тебе пора избавляться, малыш.

Капитан Ролло засмеялся:

- Она восхитительна, правда? Нам просто повезло, что мы взяли ее на борт в Японии.

- А что вы делали в Японии, мисс Уэст? - спросил Джордж.

- Ты когда-нибудь слышал о Шанхайской Лилии? - ответила она вопросом на вопрос.

- Не думаю, что нам надо касаться этой темы прямо сейчас, - сказал капитан.

- Ах, ты так не думаешь? - сердито вскричала мисс Уэст. - А кто ты такой, черт тебя подери?

- Я капитан «Слюнявчика», - ответил Ролло.

- И это с именем Ролло? Не смей меня, дорогуша!

- Дорогие друзья, - вмешался Джордж, - я смотрю, тут недалеко и до потасовки. Может быть, мы лучше попьем чайку?

Его уловка была исполнена самых лучших побуждений, и все присутствовавшие восприняли ее с должным пониманием, в том числе и экипаж авианосца «Слюнявчик», образовавший вдоль бортов две длинные шеренги. Суровые лица лучились загаром южных широт: длинные косы по такому случаю были смазаны дегтем (а надо сказать, что парики в этом женском коллективе не носили из принципа).

Джордж не поленился рассмотреть океан. Как он и подозревал, тот показался картонным. Кто-то раскрасил его в цвета моря небрежными и неровными мазками. Так вот, значит, что они пытались всучить ему под шумок! Он потянулся рукой к тревожному звонку, но маленькая кнопка видоизменилась в клапан давления, а затем в какую-то трубку из мягкого металла. Джордж так и не узнал, во что же наконец превратилась эта штука, потому что капитан Ролло прихлопнул ее рукой, прежде чем она окончательно сформировалась.

- Зачем поднимать лишний шум? - сказал капитан. - Мы прекрасно можем разобраться между собой. Мисс Уэст, могу я узнать, в конце концов, что вы сделали с Джулией?

- Забудь о ней, - ответила Мэй. - Ее сбросили в прикуп на одной из предыдущих встреч. Неужели ты забыл, мой храбрый моряк?

- Вот так всегда! Не посоветуются со мной, натворят глупостей, а потом кричат, что у них не пошел сюжет. Как будто у меня нет других проблем! Я вам еще не говорил о своей подагре? И о своих язвах тоже? И о шпагах? Неужели я не рассказывал вам о ручных обезьянах и о том, как странно они выражают свою благодарность? Тогда, может быть, мне лучше объяснить вам главную линию нашей политики и тот неверный поворот, который мы сделали в Пиренеях?

Внезапно раздался приглушенный выстрел, и моментом позже в нос «Слюнявчика» вонзилось пушечное ядро.

- Круто! - похвалил капитан. - Стоило нам взяться за дело, как кто-то уже пошел в атаку. Вы только посмотрите на моих парней у нок-реи! До них уже дошло!

Четверка парней, известных как доходяги Ролло, ловко забрались на снасти и побежали вверх по веревкам, канатам и фалам, по шкотам, шнуркам и лентам печатной машинки, по голубиным перьям, тополиному пуху и прочей ерунде, которая порой почти не касалась рангоутов корабля. Шкоты еще не высохли после дождя, и поэтому парни какое-то время бездельничали у смотровой корзины. Для забавы они принялись окликать друг друга фальцетом, а затем их голоса перешли на пронзительный писк и достигли верхней точки. Но четверка дозорных не пожелала останавливаться на этом. Они продолжали карабкаться вверх, поднимаясь в воздух по невидимым вантам, пока наконец не исчезли в ближайшей куче кучевых облаков.

- Не слишком ли высоко для простых дозорных? - язвительно поинтересовался Джордж. - Может быть, они спустятся теперь к народу и расскажут нам, что к чему?

- Полагаю, вы хотите узнать, есть ли у нас какой-нибудь шанс на спасение? - спросил капитан.

Джордж пока об этом не Думал, но всему наступает свой черед; и он не желал упускать такую возможность - возможность узнать что-нибудь похожее на то, о чем говорил капитан. Вот почему он вытащил из портсигара сигарету, отхлебнул крепкий, но мягкий напиток из квадратной темной бутылки, которой довелось стать простодушным автором многих из его бед, а также бед его верного друга, словесного мешка, и, прочистив горло, хрипло сказал:

- Вам лучше найти для всего этого какое-то разумное объяснение.

- Мне нравится ваша глупость, Джордж, - с веселым смехом призналась мисс Уэст.

- Упрям, как всегда, - фыркнул ей в ответ капитан.

- Думаю, мы могли бы перекинуться в картишки, - предложила их дама.

- У нас не хватает людей для партии, - ответил Джордж, еще не решив, нравится ли ему такое предложение.

Но, как обычно, он сказал не те слова, и в мгновение ока, в краткий миг между одним процентом вдоха и следующим, на юте появилась шумная компания людей из разных стран и далеких времен: между ними даже затесался мужичок, подозрительно похожий на Сократа, хотя и остальные выглядели такими историческими знаменитостями, как, например, Иван Грозный, Бела Лугоси <Американский актер, прославившийся ролями злодеев в фильмах ужасов.>, Зазу Питц - и вплоть до того момента, когда у вас уже опускались руки, поскольку они понятия не имели о чувстве меры.

- Ты хочешь сказать, что они удрали? - гневно спросил генерал Цефалио Вегас у своего помощника, симпатичного, но безответственного дона Хорхе де лас Агвиларс де Оро де Сан Висенте и Сан Хуан, известного среди друзей как Джордж, и это американское упрощение применялось лишь потому, что Хорхе два года обучался в Принстоне, в институте Продвинутых исследований, где он специализировался по темам, связанным с жестокостью интеллекта великого древнего ацтекского мыслителя Хулио Сифуэнтеса - древнего вождя, свергнутого в

свои последние дни волной революционного мятежа и тем самым низринутого на ту свалку исторических отбросов, которая находится чуть дальше Метаморов.

- Я хочу сказать, Твое Превосходительство, что им удалось убежать.

Такое обращение Хорхе или Джорджа объяснялось тем, что Цефалио был ему давним другом - с тех самых дней, когда они мальчишками бегали по Санта-Флоре де лас Зверес; в те годы, когда посвящение в общество коробок казалось им высшей целью жизни. Ах, молодость, молодость! Тем не менее он знал, что его длительное знакомство с Цефалио не имело теперь былой цены и особенно в данный момент, когда на карту было поставлено почти все - ранчо, белокурая женщина с севера, маленькое английское судно, стоявшее на якоре в гавани, и, наконец, массивное строение Бастилии, перенесенное за большие деньги из самого Парижа, - вот что сейчас решало ход событий.

- Здесь нет ничьей вины, - добавил Джордж. - Думаю, ты понимаешь, что стечение обстоятельств, которые послужили причиной их бегства, возможно и вероятно, никогда не стекалось прежде и, по-видимому, никогда не стечется вновь.

- Как же мне это узнать наверняка? - спросил Цефалио, царственно опускаясь в тростниковое кресло - красивый и гордый южанин в большой шляпе и с неизменной черной сигарой в зубах под летним солнцем в пыльном глинобитном городишке Мексики, которой еще лишь предстояло появиться на свет и помочь нам вырваться из оков реальности, если только у нас хватит для этого сил. - Как ты думаешь, они далеко успели уйти?

- Я полагаю, они теперь уже на полпути к Гакаллиону.

- А ты учел бандитские нападения на железной дороге в провинциальном городе Сан Хуан де лас Фруктофрескас?

- Да, я принял это в расчет, когда делал свои вычисления, - ответил Джордж. - Но если они на полпути к Гакаллиону, то их отряд сейчас находится где-то в середине ущелья Сломанной спины в провинции Слерамио.

- Если только они не выбрали более нормальный путь через джунгли, - резко ответил Цефалио.

- Они там не пойдут, Твое Превосходительство. Ты хочешь спросить, откуда я это знаю? Да потому что Стобридж, их предводитель, считает себя умнее меня. Эту иллюзию он питает с тех дней, когда мы оба учились в Итоне. Но, поскольку я знаю об этом, мне нетрудно понять, что он не воспринимает меня как соперника и не находит нужным придумывать планы, которые бы я действительно не мог разгадать. Вот почему теперь, после того как мы просчитали каждый его шаг, нам требуется лишь предпринять соответствующие действия.

- Соответствующие действия! - задумчиво повторил Цефалио. - Если бы мы только знали, что это такое!

Долгое время генерал смотрел на верного друга немигающим взором. На мгновение он снова стал старым Цефалио, которого Джордж знал столько лет - до того, как солнечный свет и ночная мгла раскололи между ними небесное царство, и когда в мире еще был мир. Но потом глаза Цефалио снова заморгали; маленькие шторки из угриной кожи задвигались вверх и вниз, сверкая чужеземным лаком; и генерал, смахнув скупую слезу, взмахнул недрогнувшей рукой. В тот же миг солдат, невидимо стоявший на страже, выпрыгнул перед ним, с усами и всем прочим.

- Да, мой генерал? - сказал он, отдавая честь. Однако Джордж был сыт по горло этими извращениями. Он отмел Цефалио прочь, опознав в нем еще одно из тех ложных воспоминаний, которое ему имплантировали в голову, чтобы свести с ума. Но доктор Азов и его зловещие помощники с бледными лицами выполнили свою работу недостаточно умело. Тот, кто всматривался в глубь явлений, без труда замечал края внедрений в зоне психомоторных воспоминаний, а Джордж, как лучший из операторов Серого Корпуса, считался экспертом по психам и моторам. Только так можно было противостоять врагу, который, овладев нашими землями, женщинами и рабочими местами, пытался теперь аннулировать наши души и превратить цвет нации в недееспособных идиотов. Но, несмотря ни на что, человек все же мог обнаружить края искусственной памяти; он мог отодрать эту неровную заплатку, прижать свой глаз к маленькой щелочке и заглянуть в колдовской котел творения, в тот темный центр, из которого происходило все. Хотя многие от этого сходили с ума.

Капитан, поймав его за таким недостойным занятием, тактично прочистил горло. Джордж быстро отпрянул от щелки и сделал вид, что ничего не случилось.

- Вы что-то хотели?..

- Напомнить вам о правилах приличия.

- Продолжайте, - сказал Джордж.

- Только не в присутствии дам, - ответил капитан.

- Вы не можете сказать мне ничего такого, о чем бы я уже не знала, - заявила мисс Уэст, и ее безмятежность превратила эти слова в легкую и светлую шутку.

- Продолжайте, если вы мужчина, - настаивал Джордж. - Почему вы вдруг остановились?

- Между прочим, мы вам не обещали, что поплывем дальше, - огрызнулся капитан. - Захотели, вот и остановились! Ясно?

- Конечно, нет. Но я не собираюсь вводить вас в затруднительное положение - особенно мисс Уэст.

- Вот видите, - сказал капитан, обращаясь к Мэй, - он не собирается вводить вас в положение. Однако он и пальцем не шевельнет для того, чтобы поддержать наш сюжет в такую Богом данную минуту, когда мы наконец собрались все вместе - вы, я, Джордж и наша команда с косичками и ленточками. Опомнитесь, мой друг! Это здесь настоящая стрельба и тяжелая упорная работа! Это здесь вас ожидают подвиги и великие свершения! Мы могли бы поручить вам что-нибудь действительно серьезное - например, сосчитать каждую заклепку в этом картонном море. Так нет же! Вы задумали сойти на сушу! Вы решили уйти от борьбы и опустить свои два цента в то место, которое вам не принадлежит!

- Капитан, я попросил бы вас держать себя в руках... Однако уговоры уже не помогали. Кожа на лице капитана покраснела. В его черных как смоль волосах появились перья, нос вырос и загнулся крючком. На бронзовой груди возник ритуальный рисунок Большой Коробки. Осмотрев себя с головы до пят, Ролло горько воскликнул:

- Что же вы с нами делаете, Джордж? Нет! Только не это!

Глубоко вздохнув, он собрал всю силу своей воли и внезапно исчез. Он исчез, как луч света. Как крик «эй, бампабомпо», который замолкает, едва вы его услышите. И именно так пронеслась эта неделя для Джорджа. Хотя ему было в принципе все равно.

- Вы следующая, мисс, - сказал Джордж.

- Да брось ты эти глупости, - хихикнула Мэй. - Давай лучше как следует повеселимся.

- Нет, - ответил Джордж. - Не время для веселья. Страх - вот горький плод отчаяния. Волны не знают о том, что скрыто в глубинах. И в такое время, как это, нам следует забыть...

Мэй сделала брезгливый жест - вернее, брезгливенький жестик. Этого было достаточно. Она испарилась. Она исчезла, чтобы воссоединиться с капитаном, или, что более вероятно, уйти в ту огромную страну возможностей, куда удаляются герои пьес, когда мы расходимся от сцены.

- Наконец-то я от них отделался, - сказал себе Джордж.

- Мог бы и нам кое-что объяснить, - проворчал словесный мешок.

- Черт, ты по-прежнему здесь? - спросил Джордж.

- Тебе лучше в это поверить, приятель, - ответил словесный мешок.

- И я тоже по-прежнему здесь, - добавил черепахан.

- Но где мы находимся? - поинтересовался мешочек.

- Мне кажется, это авианосец «Слюнявчик», - сказал Джордж.

- Неплохая попытка, Джордж, - похвалил черепахан. - Однако ты стартовал немного поздно. Лавина уже пронеслась. Я, конечно, извиняюсь, но прошлого не вернешь. И «Слюнявчик», во всей своей неисполненной славе, ушел в небытие.

- Тогда где же мы сейчас? - спросил Джордж.

- Мне очень не хочется говорить ему это, но похоже, что мы нигде, - шепнул черепахан словесному мешку, и тот повторил фразу вслух - буквально слово в слово.

- Нигде? - изумленно переспросил Джордж.

- Нигде, - подтвердил черепахан с тем самым невозмутимым видом, который так типичен для взрослых особей его вида; а ведь он, между прочим, уже подбирался к семи годам.

В лесу наступал вечер - один из тех чудесных тихих вечеров, когда хвойные деревья примеряют шляпки облаков, а маленькие кусты роняют алые слезинки ягод, сожалея о том, что такой прекрасный день уже не повторится. Шагая по едва заметной тропе, Джордж наслаждался красотами природы, однако его восторг все больше пригибался к земле под тяжестью черепахи, которая висела у него на спине. Словесный мешочек вел себя скромнее. Он уместился в одном из больших карманов куртки и спокойно дремал. Но черепахан, будучи криминальным авторитетом, обладал солидным весом. И, когда он начал петь, Джорджу стало вообще невозможно.

Мне надоело зависать в знакомой роще

И с болью в сердце вспоминать о доброй теще

А кореша метают харч, и душу рвет надсадный плач,

Но за деревьями ждет суд и злой палач

Припев:

А песня летит прямо в небо,

Как ласточка под небеса,

Туда, где ни разу я не был,
Где ангел творит чудеса

- Я бы просил, - сказал Джордж.

- Что-что? Не понял? - спросил черепахан.

- Вы не могли бы воздержаться от пения?

- Хочешь сказать, что тебе не нравится моя песня?

- Она меня тревожит, - ответил Джордж.

- Хм-м, а я ведь выбрал самую задушевную, - обиженно произнес черепахан. - Эй, мешок! А ты что скажешь? Тебя тут тоже что-то тревожит?

Словесный мешок осторожно выполз из кармана Джорджа и свесил вниз свои крохотные лексикографические ножки.

- Я не знаю, где мы сейчас находимся, - сказал он. - Поэтому какая-то доля тревоги, конечно же, есть. Но меня успокаивает окружающее нас великолепие, которое не скоро забудется усталому путнику. Как вам такой ответ?

- Неужели вас даже не интересует, где вы находитесь? - возмутился Джордж.

- А что тут такого интересного? - недоуменно спросил черепахан. - Я сижу на твоей спине, а мешочек торчит в твоём кармане.

Мешочек действительно торчал. От него немного пахло таблетками и эфиром.

- Куда же нам в таком случае идти?

- Давай не будем тревожиться об этом, - успокоил его черепахан. - Просто шагай себе по этой дорожке и шагай.

- По какой дорожке?

- А ты сделай ее, тогда увидишь.

Джордж не хотел подчиняться приказам какой-то черепахи - тем более что она могла оказаться панцирной и сухопутной. От такой мысли у него даже мурашки побежали по коже. На всякий случай он сошел с дороги, на которую его вывел черепахан, и, надо сказать, сошел вовремя. В тот же самый миг мимо него с ревом пронесся большой грузовик с огромными колесами, который выскочил из каких-то внутренних потаенных уголков леса и помчался к каким-то внешним потаенным уголкам.

- Это еще что такое? - воскликнул Джордж. Грузовик с водителем в ковбойской шляпе лихо развернулся вокруг молоденькой сосны и вновь направился к Джорджу. Мотор взревел, к его грозному рыку прибавилось сиплое сопение, которое могло исходить только из камеры карбюратора, и Джордж понял, что все это не к добру. Особенно ему не понравился сам грузовик. Огромную квадратную кабину украшала психоделическая живопись, выполненная в манере дневного глюка - а между тем мода на такие вещи прошла уже давным-давно. Он встал на дыбы или, лучше сказать, припарковался на поляне, порывивая мотором, сморкаясь серым дымом из широких выхлопных труб и посвистывая клапаном радиатора.

- Я думаю, тебе стоило бы поговорить с ним, - предложил словесный мешок. - Во всяком случае, ты не развалишься, если скажешь ему пару ласковых слов. Сделай первый шаг, а мы посмотрим, что у тебя выйдет.

- Лично я больше не буду смотреть на то, что из него выйдет, - сказал черепахан, брезгливо поморщившись. - Мне уже надоели ваши детские забавы и всякие там неожиданности.

Грузовик подъехал ближе, и Джордж заметил женщину, которая сидела рядом с водителем. Ее густые рыжие волосы ниспадали на плечи как заросли плюща; непослушные локоны завивались в маленькие кольца и спирали, сквозь которые тускло поблескивали пронизательные глаза. Грузовик начал останавливаться, потом полностью остановился и наконец замер на месте. Джордж сжал зубы, сдерживая подступившую дрожь. Ситуация выглядела опасной - особенно когда мужчина вытащил из кобуры револьвер, сделанный из крепкого орешника и вороненой стали, а затем жестом велел женщине выйти из кабины.

Джордж хотел выбежать из кустов и представиться этой милой паре, но что-то заставило его изменить свое решение. Очевидно, не последнюю роль здесь сыграли бархатные тени леса, спокойствие дня, нежный ветерок и белки, участливо кивавшие с макушек деревьев. Вспомнив, что за показ денег не берут, Джордж решил немного понаблюдать.

- Я тоже хочу посмотреть, - сказал словесный мешок и начал карабкаться на панцирь черепахи.

А что ему еще оставалось делать, если остальные не додумались поддержать его маленькую подушечку, которая, в сущности, тоже была мешочком - пусть для бобов, но зато расшитым цветными нитками?

- А сейчас я вот что тебе покажу, - сказал похожий на ковбой тип своей рыжеволосой подружке. - Я покажу тебе, как надо защищаться. Ты же знаешь, как я тревожусь за тебя. Ты знаешь, как мне тяжело оставлять свою крошку в маленьком домике посреди дикой прерии, где на сотни миль лишь трава да унылый ветер, где за целый век не увидишь ни одной живой души, где ты остаешься одна, без оружия, с одним лишь зубчатым гребнем прекрасной старинной работы, и никто тебя не защитит, если что-нибудь произойдет, стрясется или смахнется.

- Ах, Люк, - ответила женщина. - Я даже понятия не имела, что ты обо мне так заботаешься. Все это время я думала, что ты ценишь меня только за мои языковые навыки - за то, что я стала моноглотом и заслужила среди обитателей наших мест почетную славу непревзойденного таланта.

- Ладно, смотри внимательно, - сказал ковбой и расстегнул фуфайку, накинутую поверх патронташа, к которому крепились его джинсы, заправленные с другого конца в ботинки из сыромятной кожи, поскольку он ставил их на порядок выше той сухомятной обуви, которую носило большинство горожан. - Сначала берешь эту штуку за кончик и нажимаешь ее вот сюда. А это называется предохраняющим средством. Ну-ка, попробуй.

Девушка с кудряшками спустила предохранитель, револьвер бабахнул, и гулкое эхо выстрела понеслось по лесу. Шальная пуля, чиркнув по дюжине деревьев, от ricoшетила от мостовой и влетела в узкий переулок, который вел к лагерю поселенцев. В тот же миг ребенок или, возможно, карлик - о чем было трудно судить на таком большом расстоянии - издал встревоженный крик и рухнул замертво, словно макрель, взлетевшая на луну.

- Для начала неплохо, - похвалил свою подружку ковбой. - А теперь нам надо выбрать какую-нибудь новую цель. - Он обернулся, увидел Джорджа и начал наводить на него оружие.

- Эй! Подождите минуту! - закричал Джордж. Он торопливо прыгнул за ствол дерева и ненароком вспугнул королевского аиста, который сидел там на корточках, разминая клочок газеты.

- Извините, - сказал Джордж. - Но этот безумец пытается меня пристрелить.

- В таком случае мы должны предпринять какие-то действия, - ответил аист.

Он взлетел на толстую ветвь, отыскал в стволе потайное дупло и вытащил оттуда прекрасный тисовый лук и каленую стрелу.

- Вот, смотрите!

Встав в позу, которая невероятно трудна для аистов, он натянул тетиву и выпустил стрелу. Та, наслаждаясь чувством полета, воспарила к небесам, затем накренилась и начала свой долгий спуск обратно на землю.

- Осторожно! - воскликнул Джордж.

Но было слишком поздно. Стрела с бронебойной боевой головкой вонзилась в кабину и нанесла грузовику серьезное ранение.

- Святой броненосец! - вскричал мужчина. Его привычка к присказкам свидетельствовала о том, что он происходил из племени апачей или трепачей, хотя никто из них больше не следовал обрядам и священным тропам своего народа. Разложив подбитый грузовик на газоне, мужчина осмотрел ужасную рану.

- Выглядит не так уж и плохо, - сказал он сам себе и влил в мотор бутылку вальволиновой смазки.

Двигатель издал протестующий вздох, дважды тренькнул и вырубился мертвым сном.

- Скажи, он поправится? - спросила девушка с кудряшками и слезами на глазах.

Ее рыжие волосы затрепетали в порыве ветерка, светлая юбка взмахнула широким подолом, и под тонкой блузой из дорогой первосортной материи проявились набухшие соски дерзкой и прекрасной девичьей груди. Еще не будучи понятой, она скромно дарила надежду на начало любовной сцены или даже, если повезет, на настоящий сексуальный роман.

- А что это вы тут подсматриваете? - закричал словесный мешок.

- Тебе-то какое дело? - ответил Джордж, инстинктивно съежившись и прикрыв руками покрасневшие уши.

- Ладно, забудь, - сказал словесный мешок. - Я ведь это только так - для смеха.

- Твои шутки начинают плохо пахнуть, - сердито проворчал Джордж.

В тот же миг ковбой и рыжая леди, странно засопев, повернулись в его сторону. Узнав Джорджа, мужчина сдвинул на затылок большую шляпу и разочарованно сказал:

- Ну вот! Это напоминает мне историю о том мужике, который увидел жабу и привязанную на веревке гваделупу.

- Если хочешь, я могу перевести тебе эту фразу, - сказал Джорджу словесный мешок.

- Лучше заткнись, - ответил Джордж. - Я и сам понимаю, о чем он говорит.

Повернувшись к ковбою и сделав широкий взмах рукой, Джордж дипломатично сказал:

- Вы куда-то направлялись? Не так ли? Может быть, вы возьмете с собой меня, все мое движимое имущество и относящиеся ко мне вещи?

- И-у-я-се-е! - произнес ковбой, а затем вытер с губы слюну, поскольку фраза оказалась слишком смачной. - А вы разве едете туда же, куда и мы?

- Наверное, - ответил Джордж.

Что-то внутри его протестовало против такой манеры диалога, но менять ее было уже поздно. Словесный мешочек с перепугу прятался за костной оболочкой органа понимания, и Джорджу не оставалось ничего другого, как только подстраиваться под его костноязычие.

Они забрались в грузовик и какое-то время ехали в полном молчании - или, вернее, в неполном молчании, поскольку оно нарушалось ревом мотора и надоедливым чавканьем черепахана, который объедал молодые побеги синтаксиса.

Моноглоты не ожидали, что их будут описывать так скоро. Чтобы навести марафет, они разбежались по костюмерным. Многие остановили свой выбор на трех ногах и одной руке - последнему писку парижской моды. Когда они вышли из вигвамов со своими стилистами и кутюрье, среди них возникла небольшая давка. В принципе Джордж видел индустриальные районы и похуже этого, тогда было другое время. Теперь, после долгих лет, жизнь моноглотов казалась вынужденной поправкой. Если только из них не сделали исключение.

Увидев рыжеволосую женщину, моноглоты закричали:

- О, спасительница и воспроизводительница нашего племени!

Они говорили что-то еще, но качество света не удовлетворяло стандартам, и края кадров наползали на центр.

- Ну, что я скажу? Серость! Склеп! - возмущался словесный мешок. - Выглядит более чем отвратительно. Куда вы поставили этого идиота? А куда он направился сейчас?

Ковбой щелкнул поводьями и развернул грузовик на объездную магистраль, которая замыкала в кольцо большое скопление городов. На пути к ближайшему из них стояло пять шлагбаумов, но водитель, оживший от быстрой езды, игнорировал предупредительные вспышки своей зажигалки. Он переключил передачу и помчался вперед на взятом в кредит транспортном средстве. Но камуфляж подвел: кабина, несмотря на раскраску, оказалась слишком заметной, и за ними увязалась погоня. В большой коробке, привязанной ремнями к багажному контейнеру, Джордж и черепахан обнаружили винтовки. Они сбыли их погоне без лишних слов, потому что на разговоры не осталось времени. Да и не было нужды о чем-то говорить. Вернее, нужда была, и даже очень большая, но Джорджа опять никто не слушал.

- Что это за место? - спросил он.

- По-моему, выглядит как Покомоко, - сказала их спутница, и, когда ей не удалось вытянуть из себя ни одного другого сравнения, она вытянула длинную шею.

В ту же минуту к центральным воротам подскакал породистый жеребец. Наездник гарцевал и кичился раздвоенной плешью, которая в те дни входила в моду среди сумасшедших, бродяг и других сумасбродов.

Потом через ворота проехали они. Костяшки ковбоя побелели на рулевом колесе, но створки ворот оказались не такими уж и крепкими. Грузовик промчался мимо длинного ряда абрикосовых деревьев и выехал с клумбы на городскую улицу.

Кругом мелькали толпы статистов. Они явно преобладали в этом городе, и многие из них носили яркие костюмы. Очевидно, здесь намечался какой-то

праздник. Музыканты настраивали инструменты, погода была что надо, и машина причин и следствий уже заходила на посадочную полосу.

Направление, выбранное ковбоем, оказалось не совсем случайным, но лишь наивные люди могли бы полагать, что Джордж не заметил этой детали. Наблюдатели стояли за каждым углом; они знали, что таким героям, как Джордж, иногда удавалось прорываться сквозь периметр. Они боялись этих гордых и отчаянных воинов, которые проходили через боль и наслаждение, через густые сети анализов и проб к тому заветному и светлому, чем были одержимы. Джордж без труда узнавал наблюдателей по голым черепам - от частых выводов у них выводились волосы. В целях конспирации им разрешали делать лишь по одному выводу на голову, и тех, кто нарушал это правило, подвергали дисциплинарным взысканиям. Во всяком случае, так происходило в недобрые старые деньки - перед тем как возобладало благоразумие.

Никто не хотел признавать себя побежденным. Но многие к этому быстро привыкли. Лишь некоторые скользили бесшумно во тьме, когда прожектора ощупывали землю, и запрещающие знаки, как огромные стрелы, указывали на стоянку в небесах. Но смельчаки отправлялись дальше, мимо пулеметных гнезд и автоматов с газированной водой, мимо старой пушки, снятой со «Слюнявчика» и установленной здесь - в этом гиблом месте, где никто не придет спасти тебя, меня и Матильду.

Но давайте не будем подрывать себе здоровье надуманными и затянутыми измышлениями. Короче говоря, уже через каких-то полчаса Джордж сидел на кушетке и читал газету, в то время как женщина в низком декольте пыталась стянуть с него брюки и ботинки.

К счастью, ей это не удалось. Джордж заметил воровку и отбросил газету в сторону. Ее низкое декольте выходило за все допустимые границы, и он больше не мог притворяться безучастным.

Поболтавшись немного вокруг, Джордж ушел на дальний конец города. К тому времени уже стемнело, и темнота была составлена не просто из кусочков тьмы, а из чего-то такого, в сравнении с чем концепция мрака могла показаться ярким светом. Или это ему действительно так казалось.

- Джордж! Вот ты где!

Это был грубый голос, привыкший отдавать команды. В тот же миг Джордж испытал внезапный и скоротечный приступ психической глухоты, который усложнялся истерическими конвергенциями.

Как вы понимаете, за ним началась погоня. Кто-то решил выяснить, сколько Джордж может пройти, ни о чем не думая. Но ведь и бизон не думает, спасая свою жизнь; он просто пытается вырваться на свободу, чтобы там, в укромном месте, посреди раздольной равнины, поднять свою темную голову, стряхнуть пену с пересохших губ и вернуться к более приятным размышлениям.

Сюжет захлебывался в хаосе несвязанных частей и требовал аварийной остановки. Все начинало разваливаться на части. Джордж это предвидел давно, и он сожалел, что так получилось. Конечно, потеря мисс Уэст далась ему нелегко, но он должен был отбросить этот сырой и некачественный материал. Он должен был встать и сделать что-нибудь - снять с печи горшок, как говорили в народе. Образы потекли быстрее, они замелькали перед глазами, как розовые летучие мыши, но Джордж не стал тратить время на их классификацию. Он жал на все тормоза; в счет

шла каждая секунда. Какая-то сила мешала ему добраться до желанной тины. А зачем вам жабры, как не для того, чтобы вовремя лечь на дно? Джордж энергично дернулся и смело прополз еще немного, однако движение вдруг оборвалось, и он который раз осознал всю тщетность и суетность бытия. Ему захотелось сдаться, сложить с себя взятые обязательства и в смирении удалиться прочь.

- За что мне чаша сия? Почему я должен делать все это?

- Не волнуйся, - ответил черепахан. - Мы сделаем это за тебя. Верно, ветряной мешок?

- Во-первых, я словесный, а не ветряной, - поправил его мешок. - А во-вторых, ты просто абсолютный болван, если думаешь, что между нами могут существовать какие-то партнерские отношения.

- Я только пытался помочь этому парню, - сказал черепахан, указывая короткопалой лапой на курчавую голову, которая торчала в трясине.

И тут на белом коне появилась белокурая леди. На ней была умопомрачительная упряжь лихой наездницы - вся из белой оленьей кожи вплоть до шляпы, которой она махала толпе. В руке она держала звездно-полосатый флаг, трепетавший от страха на кончике длинного древка.

Жеребец всхрапывал и рыл копытами землю, потому что следом за ним шагала группа мужчин, одетых в кричащие клетчатые костюмы и необычно молчаливые соломенные шляпы. Мужчины раздавали людям образцы новейших медикаментов фирмы «Пофиг», которые помогали адаптироваться ко всему, что происходило или могло произойти.

Потребность в таком лекарстве ощущалась давно. Люди становились все более угрюмыми и злыми, доходя порой до открытой враждебности, когда рядом с их домами из армированного картона проступала голая и лишенная растительности земля. В некоторых частях Нью-Джерси вспыхивали бунты. В Акрон, штат Огайо, несколько раз вызывались войска. Но подавители населения в смятении отступали прочь, когда им вновь и вновь указывали на то, что они не говорили по-испански. Подобные инциденты случались едва ли не каждый день. И никто не знал, когда этому придет конец - главное, откуда он придет и какой именно. Неразбериха усилилась до такой степени, что репортеры уже не находили слов, которые могли бы нам рассказать, в каком дерьме мы оказались. Хотя никто тогда себе подобных задач не ставил. Реальность исчезла за ширмой нового видения Истории. Все совпадения, случайности и странности происходили с другими людьми, но не в нашей стране и, увы, не с нами.

Конечно, простой просмотр ежедневных газет не показал бы вам, насколько гротескной была та ситуация. Но разве можно судить о реальной жизни по газетам? Разве это нормально? Люди, которые задавали такие вопросы, находили себя в куче проблем. Маленький вопрос о природе реальности приводил к большой беде, не говоря уже о том, что вы тем самым привлекали к себе пристальное внимание ФБР.

«У танцора танго маленькая язва. Как поняли? Прием». Кто не слышал этих милых и понятных фраз, которыми так любят перебрасываться друг с другом агенты ФБР? Трое из них следовали за мужчинами, которые раздавали таблетки фирмы «Нафиг». Их пальцы нервно покоились на тетиве десятиразрядных барабанных луков. Между тем переносчики медицинских образцов не обращали на агентов никакого внимания. Они знали, что их пропустят через сито проверки. Эти

парни могли воображать о себе все, что угодно, но даже в самых диких грезах они не ожидали закончить жизнь, раздавая дармовые таблетки на углу двух улиц в безымянном городе, который был слишком печален, чтобы в нем жить.

Женщина поклонилась толпе. Но толпа смотрела на нее неопределенно. А как еще простому народу смотреть на весь этот цирк? Данный вопрос был выставлен на народный референдум, и по рядам прокатилась волна предложений.

- Где они откопали ее, эту кобылу на белом коне, со звездным флагом нашей страны, которая среди прочих достоинств провозглашает право на непрокисуемость сгущенного молока?

- Где-то я ее уже видел, - сказал небольшой мужчина в аляпистом галстуке и котелке, стоявший у обочины, на которой ковбой припарковал свои четыре колеса.

Внезапно мужчина исчез с той живостью, которая характерна только для очень плохих сюжетов. Ни один уважающий себя персонаж не станет появляться на сцене лишь для того, чтобы сказать пару слов; пусть даже это будет его эпитафия или что-то еще, чего мы здесь касаться не будем.

Но вернемся к Джорджу с его черепахой и словесным мешком, который своими криками и визгом начинал напоминать небольшой катаклизм, отмеченный в таких великих мифах мира, как Жизель и Венгрия, Маленький Бу-Ползунчик, Хензель унд ди Готердаммерунг, Самбо и Близнецы Тамбурти и многие другие.

- А что она там делает на этой лошади? - внезапно выпалил мешок.

Джордж и мужчина в галстуке посмотрели друг на друга.

- Какой любопытный вопрос! - произнес мужчина.

- А что вы так смотрите на меня? - возмутился Джордж. - Это, между прочим, не я... Ну, вы сами понимаете, что я имею в виду.

- Но это же ваш словесный мешок, - настаивал мужчина.

Внезапно на его лице промелькнуло странное выражение. В тот же миг в воздухе пахло чем-то новым и тревожным. Это дуновение времени ошеломляло своей простотой и реализмом. словно громкий пук в легкой дреме, как сказал великий поэт.

- Послушайте, дядя, - завелся словесный мешок. - Мне не нравятся ваши игры с предложениями. Я не его словесный мешок и ни чей-то там еще. Я свой собственный и без права передачи по наследству.

- А вот здесь позвольте с вами не согласиться, - воодушевился мужчина. - Вполне очевидно, что вы являетесь аллегорией на некоего грамотея, из которого слова сыплются как, извините, из мешка.

Между тем белый конь был действительно прекрасен. Черепаха смотрела на него чуть дыша. Какие глаза! Какая грива! Черепахан застонал, усилием воли воспроизвел процесс, о котором знают только черепахи, и превратил себя в женскую особь с целью будущих грез о дружбе и любви. Неплохая компенсация за панцирь, правда?

- Господи, как он мил, - шептала черепаха. - Но что ему взять с меня? Я простое земноводное существо с равнобедренным треугольником на спине, да к тому же еще и страдающее от сексуальной неудовлетворенности.

Она жаловалась на нынешние времена и на вредное влияние различных химикатов, которые не только выбрасывались в атмосферу из всевозможных труб, но и соединялись в стратосфере друг с другом - и это там, среди молний и дождя, в

тончайших слоях воздуха, где молекулы могли дышать полной грудью и в минуты безветрия улетать далеко-далеко.

И именно там вредоносные газы соединялись и порождали новое зло - сверхмодные облака с кислотной начинкой. Эту гадость называли летучей взвесью, и она воздействовала не только на людей, но и на животных. Под натиском взвеси наш мир дрожал и размывался. Говоря языком науки, она вызывала самопроизвольное молекулярное отклонение границ реальности, и поэтому ее иногда называли смогом. Но данный термин не отражал действительного положения вещей, и мы, как всегда, лишь приближались к сути явления.

Белый конь об этом ничего не знал, потому что он воспринимал реальность со своей лошадиной точки зрения. Однако его взгляд на мир ничего не уступал нашему - я имею в виду нас, черепах.

Леди подбросила свою шляпу в воздух, а затем показала ее публике с обеих сторон. Шляпа была пуста, но наездница вытащила из нее голубя, который тут же взлетел к облакам. Вслед за ним появилась летучая мышь, вымазанная для эффекта белой краской. Она тоже упорхнула вверх по забавной спирали, однако ее номер не произвел особого впечатления.

А дама разошлась не на шутку. Она опустилась на одно колено, вновь помахала шляпой и трижды похлопала ее рукой. Оттуда заструились реки вина, к которым бросились жаждущие толпы. Не прошло и секунды, как реки превратились в змей. Народ отпрянул назад. По рядам прокатился недовольный ропот.

Джордж смотрел на фокусы, разинув рот. Это были не какие-то дешевые трюки, а настоящее мастерство. И тут до него дошло, что он перенесся в какое-то странное место, потому что вещи подобного рода случались только с другими и где-то там еще.

Словесный мешок наблюдал за представлением почти без интереса. Он привык составлять свое мнение быстро и основательно, затрачивая на обдумывание вещей лишь несколько наносекунд.

И он уже сделал окончательный вывод. Вернее, мешочек чувствовал размеры и форму вывода, но ни одна из фраз не подходила для точного описания. Ни одна, представляете? Это звучало как парадокс, но он, словесный мешок, не МОГ найти нужного слова. Застонав от отчаяния, мешочек распорол свой свежий шов в левом нижнем углу, и слова полились из него обильной струей:

- Есть вещи, которые продолжают существовать даже после того, как исчезает их суть. И я не напрашивался на эту работу. Всею виной плохая привычка автора, которому нравится размышлять о написании фраз перед тем, как строки ложатся на бумагу. Но разве можно рассказать о запахе зимнего дыма с неуловимой горечью смолы в один из тех темных вечеров, когда мир выглядит так, будто он готовится к смерти? Я не хочу показаться мрачным, но это невозможно. А потом вы видите девушку в белой шляпе, на белом скакуне, цветущую тем великолепием, которому место лишь в прошлом, и ее смех струится как водопад, застывший на кончике потока, где звенят колокола нашей юности. И в этой наступившей тишине, в этом квадрате света, который еще не пожрали сумерки, вам вдруг становится ясно, что вы уже бывали здесь - пусть даже и неопишным, ускользающим от воображения образом.

Да, подобные мысли воспринимаются нелегко, и поэтому мы обычно отмечаем их прочь со смехом и сарказмом. Так случается всегда, успокаиваете вы себя и

идете дальше, расшвыривая листья на своем пути, эту былую славу лета, потому что вам заранее известно, что впереди уже ничего не будет, кроме суровой реальности зимы.

И тогда вы понимаете, что возможна другая жизнь, что вам надо сделать крутой поворот и поменять какие-то вещи - если только вы не словесный мешок, втиснутый в странную сцену с персонажем по имени Джордж и с безымянной леди в белых кожаных брюках на белом скакуне.

Внезапно из толпы вышел высокий мужчина с татуировкой на лице - на его щеке виднелась бабочка с красно-зелеными крыльями. Он шел напролом, обламывая наречия, которые возникали по сторонам, и его окружало облако смуты и недовольства. Подойдя ближе, мужчина с бабочкой протянул руку и схватил словесный мешок.

Джордж от испуга замер на месте. А потом уже было поздно предпринимать какие-то действия.

- На помощь! - закричал словесный мешочек.

- Тише, мой маленький друг, - сказал мужчина. - Это мне нужна твоя помощь.

- Что за странные слова я слышу? - воскликнул словесный мешок.

- Пусть странные, но правдивые. Знай же, мой славный мешочек, что я прилетел сюда с планеты Экселмии, где во время внезапной антимифозной инфекции были утеряны все разговорные языки. В тот ужасный год по галактике пронесся демиллилогизирующий вирус, и наша планета оказалась на его пути. С тех пор осталось лишь несколько хранилищ слов, и они как колодцы в огромной пустыне смятения и непонимания. Каждый хочет испытать из них, но жажда так велика, что в результате возникают войны. И нет надежды на третейский суд, так как нам приходится сражаться даже за те слова, которые могли бы дать людям мир и согласие.

- Да, круто там у вас, - заметил словесный мешок. - Но мне не совсем понятно...

- Я уже подхожу к концу, - сказал мужчина. - Ты будешь нашим спасителем.

Разве тебе не это хотелось услышать?

- Возможно, - ответил словесный мешок.

- Мы хотим, чтобы ты полетел с нами и научил нас своим неограниченным возможностям выражения. Нам хочется, чтобы ты странствовал по нашей планете и одевал мир в слова. Мы же будем следовать за тобой и вести записи твоих речей. И все, что ты скажешь, будет нашей логикой, нашим синтаксисом и нашей реальностью. Как тебе это нравится?

- Твоя речь напоминает хорошую острогу, - с усмешкой ответил словесный мешок. - Но сначала я должен поговорить с Джорджем.

Однако прежде чем он успел обсудить свою дилемму с Джорджем, женщина в белом вытащила из седельной сумки маленький предмет, и тот тут же превратился в зеленого слепня. Конечно, неплохо появляться на сцену подобным образом, но с этим слепнем было что-то не так. Когда он пару раз пронесся над толпой, всем стало ясно, что ему не хватает опыта в жужжании. А что может быть хуже чуждого нам насекомого, которое, жужжа, пытается выдать себя за что-то земное? Джордж вспотел при мысли о том, что жужжащий слепень появился лишь для того, чтобы создать в сюжете полную неопределенность. Фактически он даже перегрузил эту сцену.

Тем временем женщина хлопнула в ладоши и повернула прекрасное личико к слепню.

- На место! - сказала она, и насекомое вернулось в сферу неосязаемого.

А диорама казалась будто живой. Когда Джордж впервые взглянул на нее, он увидел какой-то коричневый предмет, пересекавший каменистую осыпь. Присмотревшись, он узнал в нем зайца - маленького и облезлого, но все-таки зайца.

- Как же это возможно? - с удивлением воскликнул Джордж. - Неужели вы поместили туда и что-то живое?

- Там все живое, - ответил техник.

И тогда Джордж увидел, как из-за горы появились доисторические люди, одетые в медвежьи шкуры. Два охотника из палеолита остановились и устало оперлись на копья. Их женщины начали разжигать небольшой костер. Почти у задника диорамы располагались скалы, край утеса и несколько деревьев. За ними начинался нарисованный ландшафт - огромное пространство уходящей вдаль равнины (а может быть, вельда, прерии или степи). И все это выглядело очень живо - особенно женщины, которые так мило склонились к костру, и их мужчины, карманьонцы, судя по большим карманам и сходству с греческими богами, высокие, красивые и светлокожие люди, с вполне развившимися черепами и орлиными чертами лица, не говоря уже о длинных волнистых волосах их дам, которым позавидовала бы любая современная женщина. А вокруг простирался новый мир, где все еще предстояло сделать и придумать - мир на рассвете времени, столь чудесно изображенный на картинах Лескокса. И вряд ли эти карманы представляли, как им повезло.

- Великолепно, - сказал Джордж. - Значит, вы отслеживаете в прошлом какую-то группу пещерных людей, а затем проецируете сюда сцены их жизни?

- Нет никакой разницы между тем, что происходило с этими пещерными людьми в прошлом, и тем, что вы видите сейчас, - ответил техник.

- А как вам это удалось?

- Магическая симпатическая инженерия, - ответил техник.

- Кажется, я об этом что-то слышал, - сказал Джордж. Он снова повернулся к диораме и присмотрелся к тому, чем занимались пещерные люди. Те разводили костер и, видимо, собирались готовить обед.

- У них там овца, которую они хотят сварить, - вскричал Джордж, напряженно склоняясь вперед.

Он с огромным интересом наблюдал за происходящим, поскольку в Мясном университете его профилирующим предметом было жаркое из барашка, а непрофилирующим - свиные маринованные ножки.

- Осторожно! - закричал техник. - Не подходите так близко!

- Можете обо мне не беспокоиться, - ответил Джордж, и в тот же миг его нога сорвалась с помоста.

Не успел он опомниться, как пол лаборатории ускользнул из-под него куда-то вверх и под ногами зашуршала каменистая осыпь. Ему еще повезло, что он свалился сюда, а не в пропасть, хотя, с другой стороны, Джордж тогда бы просто упал, а не попал в диораму.

Магда нашла его на восточном хребте, где он осматривал гору. Восстановив равновесие, Джордж понял, что в прежний сюжет ему уже не вернуться. Он стоял

на каменистой тропе, зажатой между отвесной скалой и бездонной пропастью. Заглянув в черневшую глубину, Джордж поспешно отступил от края бездны. Все это, конечно, могло оказаться игрой его воображения, но он решил не рисковать, поскольку даже воображаемое падение с такой высоты неизбежно привело бы к смертельному исходу.

Осмотревшись, Джордж увидел диораму, которой он уже любовался прежде. Только на этот раз он находился внутри ее. «Вот ведь невезение, - подумал Джордж, - Что же мне теперь делать?» И тогда Джордж решил как-нибудь выбраться из этой картины и вернуться туда, где он был раньше.

В эту минуту из-за поворота тропы появилась женщина, которая испуганно остановилась, заметив незнакомого мужчину. У нее были темные волосы и стройная фигура, слегка прикрытая шкурой антилопы. На ногах виднелись элегантные сандалии из люцитанз - естественного древесного продукта, который напоминал крокодиловую кожу.

- Кто ты? - спросила она.

- Меня зовут Джордж, - ответил он. - Я пришел из другого мира.

- А я вышла на утреннюю прогулку, - сказала женщина, - и вот, совершенно случайно, встретила тебя. Но где же находится этот твой мир?

- Он в будущем, - ответил Джордж. - В далеком будущем. Я собираюсь вернуться туда в самое ближайшее время. А вас, извините, как-нибудь зовут?

- Я - Магда, - представилась она. - Женщина Ульдрайка Небольшого Но Очень Сильного.

- Не имел удовольствия знать такого, - сказал Джордж.

- Скоро узнаешь. И у тебя не будет никакого удовольствия, можешь мне поверить на слово.

- Где вы научились говорить по-английски? - спросил Джордж.

- Я говорю на раннем карманьонском, - ответила женщина.

- Это я перевожу для тебя ее слова, - шепнул Джорджу на ухо словесный мешок.

Джордж уже успел о нем позабыть, но мешочек и сам о себе позаботился. Он оседлал шею Джорджа чуть ниже воротничка, а черепаха, которая стала теперь очень маленькой и сонной, свернулась на нем посапывающим калачиком.

- Да, видок у тебя еще тот, - сказала женщина. - Жди меня здесь. Я кое-кого приведу.

Прежде чем Джордж успел возразить (а он в принципе это и собирался сделать), женщина развернулась и убежала за поворот тропы. Джордж неуверенно потоптался на месте, пошел в другую сторону, но примерно через двадцать ярдов уткнулся носом в каменную стену. Тропа закончилась; дальше дороги не было - ни в обход скалы, ни над ней, ни даже под ней.

- Что-то нам вообще не везет, - проворчал Джордж и, сев на камень, начал ждать возвращения женщины.

Она появилась достаточно быстро, в сопровождении рослого широкоплечего мужчины. Тот носил через плечо синий кушак, на котором поблескивал значок помощника шерифа.

- Так-так, - сказал он. - Я помощник шерифа Юрич. К нам поступило донесение, что вы являетесь необъяснимым явлением. Поэтому, гражданин, попрошу объясниться и показать какие-нибудь документы.

Джордж не имел при себе никаких документов. Помощник шерифа велел ему пройти в участок, пообещав разобраться с ним по прибытии на стоянку.

Стоянка карманьонцев больше походила на лежанку, потому что все они лежали вокруг костра и обсуждали вопрос, который вновь и вновь усложнял их примитивные жизни. Они спорили о том, как им приготовить жаркое из барашка.

- Прежде всего нам надо решить, где мы его будем жарить, - разумно заметил Лефтий.

- Прошлый раз мы оставили его на солнце, - сказала Магда.

- И солнце усыпало мясо личинками, - добавил Лефке.

- Хотя баранина осталась такой же твердой, как и была, - произнес кто-то еще. - Но теперь мы должны зажарить эту штуку по-настоящему!

Зажаривание барашка всегда считалось нелегким делом. Обычно племя Лефке привлекало к этому рабов, в чьи обязанности входило поддержание огня и освежеванной туши. Чаще всего дело кончалось серьезными ожогами пальцев и кистей рук, поэтому время от времени люди придумывали разные уловки. В дни великих побед для жарки использовали по несколько пар рабов, и там, где один поджарник сжигал себе что-нибудь до костей, дюжина их обходилась мелкими волдырями. Однако все понимали, что это еще не предел, и поиски лучшего способа продолжались.

- Где раб?

- Мертв. Или, говоря языком наших потомков, отбросил копыта и сыграл в ящик. У нас не осталось больше ни одного раба. Все они ушли за великой наградой к далекому небу.

- Кто же нам тогда будет жарить жаркое?

- Вы забыли о нашей пылающей горе! Давайте бросим барашка в лаву!

- Подождите! - закричал Джордж. - Думаю, мы можем найти более рациональное решение, чем жарить мясо голыми руками.

- Вот этого я и боялся, - сказал Хенке. - Он мне сразу показался рационализатором. А вы ведь помните, как эти парни уничтожили всех динозавров. Давайте убьем его и вернемся к укладу прежних дней.

И тут из-за скалы вышли двое мужчин, одетых в темные деловые костюмы. Один из них нес в руке длинный металлический прут. Воровато осмотревшись, они торопливо положили прут на землю и вернулись к скале. Но выход к тому времени исчез. Они оказались запертыми в плейстоцене до утра, и им предстояло провести здесь долгую ночь, наполненную криками мамонтов и пещерных львов. К счастью, они захватили с собой коробочки с ленчем.

Как выяснилось, мужчины работали музейными зрителями, и их не устраивал вяло текущий прогресс карманьонцев.

- Эти люди даже не пытаются что-то делать. Может быть, вы нам подскажете какой-то выход?

Они изо всех сил старались завязать беседу с Джорджем.

- Вы часто посещаете эти места?

Зрители развели костер. Своим появлением они освободили Джорджа от множества проблем. Но был ли он благодарен им за это? Вряд ли. Джордж стоял в стороне и смотрел на пир дикарей. Даже на таком расстоянии он мог видеть, как они ели тушеного барашка, поливая его тем анахронизмом, от которого потом произошли соусы и приправы. Подобная дальнорукость Джорджа объяснялась

исключительной чистотой воздуха, присущей только предысторическим временам, когда люди использовали глаза, а не очки.

Между тем металлический прут значительно ускорил приготовление жаркого. Хромой Нарвал, один из старейшин племени, заявил, что с такой штукой жарить барашка «так же легко, как дуть». Это выражение было использовано впервые, но оно тут же получило одобрение всего племени. Идея дуть на барашка, а впоследствии и вообще на еду, или, в дальнейшем развитии, надувать все, во что можно ткнуть прутом или предметом, похожим на палку, быстро распространилась по всем племенам плейстоцена и нашла свое отражение в культуре. Впрочем, подобные вещи случались тогда повсеместно. Плевать кусками мяса стало символом гнева, хотя против этого яро возражали племена плеваков, обитавшие в центральных тропических джунглях. В противовес остальным они настаивали на тщательном вылизывании мяса, утверждая, что тем самым предохраняется «истинный исток всех слов».

Конечно, все это произошло гораздо позже. А в тот момент Джордж жадно поедал куски жаркого и, высасывая из костей мозг, поглядывал в сторону зрителей, с которыми он хотел вернуться в свой век. Они по-прежнему держались в стороне от стоянки. Джордж решил присоединиться к ним и, взяв на всякий случай прут, пошел по узкой тропинке. Он понимал, что в его руках находился уникальный предмет - единственный в то время артефакт грядущей культуры. От осознания такого события по пальцам Джорджа потекли струйки пота - и не только по пальцам, но и ногам. Ему все чаще приходилось обходить кучки камней, живописно наваленных у основания скал. Отыскав свободное место, он осмотрел большой валун, у которого можно было оставить артефакт культуры. Почти гладкая поверхность камня натолкнула его на мысль о наскальных рисунках. Джорджу захотелось написать что-нибудь грядущим потомкам, но, как на беду, упав в диораму, он не захватил с собой пищащих инструментов. Оставив артефакт у валуна, Джордж отступил на шаг и вдруг почувствовал, как заскользили его колеса. Это странное ощущение могло ошеломить любого. Исход не был фатальным, но и не подлежал сомнению. Его ботинок (насчет «колес» Джордж, конечно, загнул) поскользнулся на кучке детской неожиданности, которую он не заметил на фоне других куч из более твердого материала. Взлетая вверх, вторая нога слабо царапнула по грунту, а затем все тело, подчиняясь закону Ома, последовало за пятками и по пологой дуге начало опускаться в уже упомянутое нами безобразие. Буквально через миг, хотя субъективный опыт говорил о значительно большем сроке, Джордж упал на кучу, которая показалась ему теперь неожиданностью перепуганной студентки - а вы, наверное, можете себе представить эту раннюю и не слишком удачную форму пльвуна.

Упав в пльвун, он почувствовал стремительное вращение - вернее, центростремительное, поскольку оно возникло не по его вине. Джорджа начало затягивать в огромную воронку, и от испуга он даже не сразу догадался расставить руки и остановить это движение. Первая попытка оказалась неудачной, поскольку крохотные микроорганизмы, обитавшие между фрагментами пльвуна, успели подать апелляцию в кассационный суд. Их движение быстро охватывало новые слои, и Джордж продолжал падать куда-то вниз, фыркая и гневно отплеываясь, но уже не жарким из барашка, а тем, что попадало ему в рот.

К счастью, щитки на носу не дали ему задохнуться. Тем не менее он знал, что если в ближайшие минуты с ним не случится какого-то светлого явления природы, то надвигающаяся угроза смерти разразится настоящей грозой. И все это время в его уме звучал мотив - тум-ти-ти-та - веселая песня, которая могла быть только «Амаполой». А падение все продолжалось и продолжалось, и пули выбивали пыльные пятна на зеленом сукне, но даже в своем воображении Джордж не понимал, на кой черт он приплел сюда эти пули.

Хотя на самом деле падение оказалось не таким уж и ужасным. Во всяком случае, не каждая его часть. Это, между прочим, древняя мудрость, о которой догадывались еще самые первые люди. Та часть падения, в которой он попал под подземный дождь, а потом та, где на своде пещеры мигали яркие слюдяные точки, доставили ему истинное эстетическое наслаждение. Впрочем, Джорджу понравились и морские львы, и даже моржи с шарами. Их было немного, этих светлых полос, но они поддерживали его до тех пор, пока он наконец не плюхнулся в большую кучу на полу пещеры, которая находилась ниже всего, что ему довелось пролететь во время падения.

Быстро оценив ситуацию, Джордж успокоился и оценил ее еще раз, но уже медленно. Он сидел на земле неподалеку от группы шимпанзе. Обезьяны собрались вокруг высокой насыпи, в которой Джордж узнал термитник. Они ковыряли эту кучу палочками, вытаскивали из нее личинок, а затем поедали их, запивая шимпанзским из лучших запасов обезьянника.

- Наверное, вы удивляетесь, что встретили нас здесь? - спросил крупный пожилой шимпанзе, с седыми волосами и в мексиканской шляпе, которая вызвала у Джорджа кое-какие подозрения.

- Что это за чучело? - спросила одна из самочек, которую все называли Лейлой.

- Наверное, примат родственного вида, - ответил Сакс, вожак стаи. - Хотя его две ноги кажутся мне жалкой пародией на двуногость. А вы только посмотрите на его узкий рот, крохотные ноздри и отсутствие крепкой лобовой кости! Взгляните на его ботинки - это явный признак того, что он читает книги.

- Дай ему одну личинку, - сказала Лейла. - Эй ты, обезьяна, хочешь личинку?

Джордж немного смутился, поскольку в его мире люди не ели личинок на первое - да и на второе тоже. Но потом он вспомнил, что в былые дни такие личинки делались из марципана и особенно ценились под мокрое портвейнское, которое соперничало с сухим румынским, приготовленным из лучших перечных стручков.

- Хорошо, но только одну, - ответил он и положил бледную штучку в рот.

Личинка оказалась довольно вкусной, поэтому Джордж решил подумать о возможности добавки. Он уже освоился с этой тактикой выжидания, к которой ему теперь приходилось прибегать все чаще и чаще.

- Хочешь еще одну? - спросила Лейла.

- Ладно, давайте, - ответил Джордж.

- А он неплохо умеет говорить, - сказала Лейла Саксу.

Откуда-то издали доносилась мелодия. Она усилилась, и Джордж узнал звуки флейты и тамбурина. Они исходили оттуда, где, по его мнению, должен был находиться задний проход пещеры, поскольку там пространство сужалось до початка кукурузы и тонуло в непроглядной тьме.

Повернувшись к заднему проходу, Джордж начал смотреть во все глаза. Вскоре оттуда появился небольшой ансамбль, составленный из тамбуринов и флейт, и, что характерно, это были не просто инструменты, а игроки, которые без труда исполняли самые замысловатые мелодии. Джорджу они показались похожими на пуделей или даже на гепердов.

- Привет всем, - сказал вожак гепердов. - Мы пришли сюда, чтобы немного вас повеселить.

Джордж знал, что гепердам не полагалось играть на музыкальных инструментах, как, впрочем, и на немзыкальных тоже. Тем не менее он промолчал, понимая, что здесь, на заре времени, многие роли еще ожидали своего распределения, и никто толком не был уверен, кому и за что хвататься.

Геперды пришли известить об открытии нового салона мод, где слоны собирались продемонстрировать причуды своего туалета. К слову сказать, эта идея настолько опередила свое время, что так и не нашла окончательного завершения.

Джордж торопливо осмотрелся, пытаясь найти выход из пещеры. Здесь и без слонов уже не хватало места. Он содрогнулся, представив, какой затор они устроили бы в таком закупоренном пространстве. Но слоны не пришли. Под давлением невразумительных обстоятельств они решили отложить визит до лучших времен и ограничились письменными извинениями. К сожалению, последние оказались сильно измятыми, поскольку геперды использовали их вместо партитур и музыкальных нот.

Послышался мягкий шлепок, и что-то, свалившись с невидимого потолка, упало Джорджу прямо на колени. Как он и подозревал, это был словесный мешок.

- И в какую же беду ты впутался на этот раз? - спросил мешочек.

- Только не надо валить на меня вину, - возмутился Джордж. - Я просто упал в дыру, вот и все.

- Этого вполне достаточно, - произнес словесный мешок. - Ты довел сюжет до полного безрассудства. И теперь, чтобы создать атмосферу взаимопонимания, нам надо выпустить какой-нибудь свежий флюид.

- Нет, только не это! - закричали шимпанзе.

- Поздно, - ответил словесный мешок. - Дело уже сделано.

По ходу тех ужасных событий, которые в последнее время сотрясали эти места, люди часто становились свидетелями странных и необъяснимых явлений. Они видели говорящих животных, салоны слоновьих мод и термитники с органическими телетайпными лентами. На ликвидацию аномальных зон были брошены значительные силы. В критических местах располагались словесные мешки. Правительство отчаянно пыталось поставить ситуацию под контроль и подвергнуть ее дальнейшему анализу. Но молодежь оставалась безучастной; она уже не видела жизни без пещер и марципана, поэтому следовало найти какую-то новую уловку.

- Только прошу тебя, никаких новых уловок, - - взмолился Джордж. - Мне нужно время, чтобы привыкнуть к этому.

- У нас нет больше времени! - резко оборвал его словесный мешок. - Даже теперь, в начале всех вещей! Разве ты не заметил тенденции предметов собираться вокруг друг друга и таким образом принимать вид порядка и здравого смысла? Нежели тебя не тревожит то, что происходит вокруг? Джордж, я не зря заговорил о

твоим пристрастиям к марципану! Оно становится просто маниакальным! Нам надо убираться отсюда ко всем чертям!

Но Джордж не нуждался в уговорах. Он вскарабкался на ноги, расправил свои затекшие члены и пошел туда, куда ему захотелось пойти.

- Не сюда! - шептал словесный мешок. Джордж повернулся и пошел в противоположном направлении.

- Ты что - с ума сошел? - закричал черепахан, который, как оказалось, спал внутри словесного мешка.

Джордж развернулся вокруг и попытался что-нибудь придумать.

- Типичная человеческая дилемма, - сказал старый, умудренный опытом Сакс. Шимпанзе презрительно сплюнул и снова отвернулся к термитнику. Лейла, молодая самочка, захихикала и почесала свой носик перышком.

Джордж с удивлением взглянул на перо. Откуда оно тут появилось?

- Посмотри сюда, - раздался голос.

Джордж взглянул вверх. Над его головой кружило пернатое существо, немного похожее на синюю птицу счастья. Позже выяснилось, что это была синяя птица сомнений.

- Следуй за мной! - прокричала синяя птица.

- Да будет день! - воскликнул Джордж.

И тут он почувствовал, что его неудержимо поднимало в воздух. Через миг недержание исчезло, но ему удалось сохранить тенденцию подъема. Он схватил словесный мешок и воспарил над изумленными гепердами.

Итак, как вы, наверное, уже догадались, Джордж оказался в воздухе - в той самой лучистой окружающей среде, которая, несмотря на свою безвредность, служит всему прочему то фоном, то основанием. Джордж медленно и напряженно поднимался вверх, пока к нему наконец не пришло чувство облегчения. И как же приятно было вернуться на свежий воздух, где потоки ветра овеивали разгоряченное тело и рассказывали свои маленькие истории! Северный ветер говорил о славе, о лавинах и льдах в глубоком безмолвии; южный ветер, пропахший пряностями, нашептывал о дальних странах в сердце пустынь. Восточный ветер смущал коварством и злобой, а западный - пел о царствах, куда рвалась утомленная душа.

Воспаря все выше и выше, Джордж облетал различные предметы, которые тоже почему-то находились в воздухе. Тут были стулья и школьные парты, карандаши и авторучки, корзины с фруктами и целое дерево, которое, судя по табличке, прикрепленной к нему, называлось можжевельником. Это дерево гордо проплыло мимо него, нацелив корни прямо в поднебесье.

Вскоре Джордж обнаружил, что, двигая руками, он мог не только менять направление, но и увеличивать скорость полета. Заколотив ладонями по воздуху, он свернул на запад - в ту часть света, которая казалась ему более таинственной и привлекательной. Джордж поднимался над крышами парившей деревни, и люди махали ему, а он им. В этом было что-то неправильное и восхитительное; он взглянул вниз, и там на огромной золотой втулке вращалась земля. Мимо пролетела птица, белая, с черными кончиками крыльев. Она посмотрела на Джорджа бусинками глаз, опустила одно крыло и в быстром вираже умчалась прочь.

Вещи обступали его со всех сторон. У Джорджа складывалось впечатление, что воздух сам является отдельным миром - той сферой, которая характеризовалась

полнотой, а не пустотой. Он видел здесь города и башни, небесные реки, созданные из воздуха, и они отличались от того, что их окружало, чем-то неуловимо тонким и почти неосязаемым. Джордж поднялся еще немного и заметил впереди себя какую-то маленькую сияющую точку. Он полетел к ней, корректируя курс изящными и плавными движениями пальцев. Объект приблизился, вырос в размерах, и тогда Джордж понял, что перед ним в океане неба маячил белый парус.

Да, он подлетал к небольшой белой яхте с ослепительно белым парусом, в центре которого виднелся странный и загадочный символ - круг, пересеченный двумя линиями.

Он подлетал все ближе и ближе, и судно становилось все больше и больше. Но как бы пристально Джордж ни осматривал палубу, он так и не увидел на ней ни одного человека.

- Пусть это тебя не волнует, - сказал черепахан. - Морской закон гласит, что если ты встречаешь лодку и она оказывается незанятой, то эта лодка может стать твоей.

- В твоих словах нет никакой логики, - сказал словесный мешок. - Яхты на волнах не валяются, и эта лодка тоже должна кому-нибудь принадлежать. Но давайте не будем гадать. Пролетим парус и посмотрим, что случится дальше.

Джордж и сам так подумал. Но яхта выглядела слишком уж заманчиво - с высоким резным корпусом и широким парусом, с блестящими тросами и незакрепленным румпелем. Подлетев сбоку, Джордж вскарабкался на борт.

- Теперь она уже не выглядит такой необитаемой, - сказал словесный мешок. - Джордж, ты не мог бы положить меня на эту скамеечку? Я хочу немного передохнуть.

Джордж выполнил его просьбу. Черепахан, перестав наконец-то ворчать, устроился на носу яхты и подставил свой панцирь под жаркие лучи полуденного солнца. К тому времени яхта развернулась и, слегка кренясь под напором свежего ветра, помчалась в каком-то определенном направлении.

- Интересно, куда мы плывем? - спросил Джордж.

- Не задавай глупых вопросов, - ответил черепахан. - Только ты об этом и знаешь.

Лодка приближалась к гряде облаков - огромным белым штукам с черными и пурпурными днищами. Джордж хотел проплыть прямо через них, но какое-то смутное предчувствие заставило его направить яхту вдоль гряды. Вытянув руку, он коснулся одного из облаков, и его худшие подозрения подтвердились; пальцы наткнулись на твердый остов, который скрывался под пушистой внешней частью. Переступив через борт, Джордж шагнул в облако. Но перед этим он нашел прочный канат, привязал его к носу яхты и взял второй конец с собой. Его не прельщала идея оказаться черт знает где, на необитаемом острове, хотя в своих грезах он не раз проводил в таких местах недельку, а то и две.

Джордж пошел по краю облака, выискивая проход среди холмов, которые вздымались причудливыми и неприступными кручами. Заметив подходящую тропу, он начал подниматься вверх.

- Эй, Джордж, не бросай нас здесь! - закричал ему вслед черепахан.

- Мне хочется немного осмотреться, - ответил Джордж. - Я скоро вернусь назад.

- Все они так говорят, - проворчал словесный мешок.

Джордж прекрасно понимал их чувства, начиная от осязания и обоняния и кончая слухом. Но ему действительно хотелось осмотреться и увидеть все, что находилось на твердом облаке. У самой вершины он обнаружил вход на лестничную клетку и, спустившись по ступеням, попал в великолепный зал, стены которого были покрыты шелковыми портьерами. Около низкого стола, ломившегося от изысканных яств, стояли резные кушетки, обитые тончайшим дамастом. От горячих блюд шел пар, от холодных закусок веяло холодом, и все выглядело так, будто здесь кого-то ждали. Он осмотрелся, заглянул под стол и кушетки, но не обнаружил ни хозяев, ни гостей.

Джордж сел, потом снова встал. Это место смущало его чем-то странным и неправильным. В нем чувствовался какой-то изъян, какая-то незавершенность сюжета. Кому предназначался пиршественный стол? Джордж должен был в этом разобраться.

Пройдя по залу, он заметил еще одну дверь, которая, по всей видимости, вела в следующее помещение внутри облака. Табличка на ней гласила следующее: «Лучше не открывай, если не хочешь сюрприза».

Джордж не чувствовал особой предрасположенности к сюрпризам. Вернувшись к столу, он сел на кушетку и осмотрел продукты питания. Рядом с ним стояли подносы с креветками, сбоку виднелась жареная говядина двух сортов, а чуть дальше находились горшочки с супом, салат с кусочками бекона и множество прочих яств. Джордж не знал, что ему делать, но он не находил ничего зазорного в небольшой дегустации некоторых блюд. Судя по всему, хозяева куда-то ушли и в принципе могли не вернуться. Кроме того, этот шикарный стол могли приготовить специально для него. Успокоив себя таким предположением, он поднял толстозадую креветку, макнул ее в соус из куриных потрошков и засунул в рот.

В тот же миг зал наполнился звоном гонга.

- Это еще что такое? - проворчал он, торопливо прожевывая и глотая креветку.

В боковой стене открылась доселе невидимая дверь. В зал медленно вошла процессия дев - шесть юных созданий, одетых в платья из кружев и тонкой прозрачной ткани. И каждая из них была краше другой.

- Приветствуем тебя, о наш гость! - закричали они.

- Большое вам спасибо, - ответил Джордж.

- Мы долго ждали твоего прихода.

- Все это, конечно, мило, но только как вы могли ждать, если пару минут назад я и сам не знал, что приду сюда?

- Наш повелитель велел нам приготовить прием для барышника, и вот ты явился к нам!

- Так кого же вы ждали? Меня или этого типа? - спросил Джордж.

- Мы ждали барышника. То есть тебя. А разве что-то не так?

Джордж даже не знал, что ответить. В общем-то он не прочь был заменить какого-то барышника, но ему не хотелось вляпаться в новую беду. Он повернулся к словесному мешку:

- Ты что-нибудь слышал о барышнике?

- Подожди минуту.

Внутри мешка послышался шуршащий звук, будто множество пальцев зашелестели бесчисленными томами справочной литературы. Через некоторое время шум затих, и словесный мешок сказал:

- Нет, о таком здесь ничего не говорится.

- Я тоже о нем не слышал, - вклинился в разговор черепахан. - Но думаю, ты должен немного рискнуть. Джордж повернулся к девам:

- А как выглядит этот ваш барышник?

- Если бы мы знали, как он выглядит, то не сомневались бы сейчас - ты это или не ты, - сказала девушка постарше. - Но может быть, нам вообще не стоило его ждать?

- Может быть, и не стоило, - ответил Джордж. - А позвольте спросить, так, шутки ради, что произошло бы, если бы я оказался не барышником?

- Это очень непростой вопрос, - ответила старшая из девиц. - Тебя ожидали бы тогда большие неприятности. А возможно, даже смерть в недалеком будущем. Но разве ты не барышник?

- Я этого не говорил, - произнес Джордж, выкрутившись с такой быстротой, что протер дыру в материале мироздания. - Во всяком случае, вы не докажете, что я вам в этом признался, поскольку никому из вас не известно, как выглядит барышник. Скажите, а что вы вообще обо мне думаете?

- Твое появление в этот день, твоя нелепая челка и тот факт, что ты носишь словесный мешок и черепаху, - все это точно совпадает с написанным в древние времена манускриптом, который пришел к нам из давно забытых веков.

- А! Теперь я понимаю, - сказал Джордж. - И что же ждет меня как барышника?

- Много приятных вещей, - с чарующей улыбкой ответила молодая барышня.

У нее были каштановые волосы и очень многообещающий вид.

- Ах вот как! - воскликнул Джордж. - Тогда позвольте представиться: я - отпетый барышник.

Внезапно наступила гробовая тишина. Джордж содрогнулся, осознав свою опрометчивость. Он вновь пошел против собственных правил, нарушив принципы окольности и подвешенности. Впрочем, даже ему иногда доводилось совершать поступки. Все в этом мире когда-нибудь кончается, и время от времени приходится наводить мосты к тому далекому и неясному, что возникает в воздухе, как белый парус, украшенный непонятным символом.

- Он - отпетый барышник! - закричала барышня постарше.

И остальные - а их к тому времени стало гораздо больше - дружно запели:

Барышник, барышник, улетай через поля,
Где белеют кости тех, кто погиб до тебя.
Нам не вынести слез в эти долгие ночи,
Если выключает ворон твои черные очи.

Не успели они пропеть последнюю строчку песни, как Джордж услышал громкий звук, напоминавший тяжелую поступь великана - гиганта, обутого в порванные башмаки с торчавшими наружу сапожными гвоздями. Звук исходил издалека, где бы оно там ни было.

- Это еще что такое? - спросил Джордж.

- Это великан, - ответила старая дева. - Каждый раз, как к нам приходит какой-нибудь барышник, он пробуждается от спячки и тоже спешит сюда.

- А что он делает, этот гигант?

- Он пыхтит, иногда плюется, но вреда от него не бывает - вернее, не так много.

Только теперь Джордж заметил несколько щелей, которые виднелись из-под ковров на полу. Оттуда потянуло сквозняком, и ветерок зашелестел страницами

газет, лежавших на журнальном столике. Сквозняк крепчал, постепенно превращаясь в ветер. Джордж почувствовал, как в его рукав вцепилась черепаха.

- Пора сматываться, Джордж. Скорее, или будет поздно.

Джордж был того же мнения. У него сложилось впечатление, что он может не справиться с миссией барышника. Это наверняка привело бы к каким-то непоправимым и, возможно, фатальным последствиям, а Джорджу не хотелось ни первых, ни вторых. Выскользнув ужом через иллюминатор, он вернулся на палубу яхты. Черепахан и словесный мешок упорно цеплялись за его шею. Впрочем, от существ из грез не так-то просто избавиться.

Под натиском свежего ветра яхта накренилась и понеслась вперед. Между тем здесь имелось несколько других ветров, и терпеть садизм какого-то шквала не было никакой необходимости. Джордж повернул румпель в сторону, но в тот же миг на их маленькое судно обрушилась волна небытия, и, когда ее воды схлынули с палубы, вокруг них раскинулось чистое пространство, ожидавшее новых образов и картин.

- Эй, взгляните туда! - закричал черепахан. - Неужели не видите? Это же антилопы и остолопы! А значит, где-то рядом земля!

Взглянув в указанном направлении, Джордж увидел вельд или какое-то другое природно-климатическое образование. Среди длинной травы и колючих деревьев бродили неизменные антилопы и неизбежные остолопы. Что-то здесь было не так, но Джордж не обнаружил ничего подозрительного. Он еще раз повернул румпель, и его магическое судно, ковыряя косточкой в зубах, медленно направилось к берегу.

Откуда-то издалека доносились крики: «Бабник! Бабник!» Джорджу они не понравились. Он посмотрел на небо и увидел крылатого медведя, который пикировал прямо на него. Медведь не понравился ему еще больше, но вид хищника заставил Джорджа предпринять ряд решительных действий. Пригибаясь и совершая короткие перебежки, он начал искать какой-нибудь новый поворот сюжета, однако вокруг мелькали только непонятные огни и занудно звучали цимбалы. Внезапно Джордж оказался на самом верху веревочной лестницы, на которую он нечаянно взобрался. Времени оставалось в обрез, но ничего разумного в голову не приходило. И все же путь, по которому он намеревался идти, существовал. Увернувшись от медведя и двух его медвежат - довольно милых, но неприрученных созданий, - Джордж забежал за ствол огромного баобаба и увидел город.

- Ты видишь то, что вижу я? - спросил он у словесного мешка.

- Город, что ли? - отозвался мешок. - Да, я его вижу.

- А ты имеешь какое-нибудь представление, что это за город?

- Я не уверен, но мне кажется, что это потерянная Каркосса, - ответил словесный мешок. - По виду, конечно, не скажешь, но ведь и город-то не настоящий. Все, что возникает так неожиданно, почти наверняка является фата-морганой. В истории этого и других миров есть множество сведений о городах, которые появлялись, как видения на границе видимости глазного яблока. Они внезапно входили в бытие, существовали целые века и только потом начинали возвращаться в ничто, из которого вышли.

- Значит, этот город тоже такой?

- А что ты меня все время спрашиваешь? Почему бы тебе не пойти туда и не взглянуть на него своими глазами?

- Я чувствую тошноту, когда меня вертит в виртуальной реальности, - сказал Джордж. - Мне больше нравятся места за зеркалами.

- Ты говоришь какие-то странные вещи, - заявил черепахан.

- На моем месте ты тоже чувствовал бы себя довольно странно, - ответил Джордж. - В этом городе у нас наверняка возникнут проблемы, но я думаю, мы должны рискнуть. Что вы на это скажете?

- Он начинает спрашивать нас только тогда, когда любой из ответов равно невозможен, - сказал черепахан. - Лично я голосую за обед. А мы случайно уже не обедали?

- У таких парней, как я и Джордж, всегда найдется место для другого обеда, - мудро заметил мешок.

- А что едят словесные мешки? - поинтересовался Джордж.

- Больше всего мы любим жареные факты, - ответил мешок. - Но они довольно редки в этой части света, поэтому я не отказался бы сейчас от холодной крошки.

О, крошки! Фраза, похожая на уютную постель. И они действительно бывали то горячими, то холодными. Хотя, по правде говоря, Джордж не понимал, каким концом они связаны с обедом. Решив, что пора отправляться в путь, он оседлал лошадь, неожиданно возникшую в сюжете, и медленно потрусил в направлении города.

А потом, по нелепой прихоти автора, на пути Джорджа появились светляки. Позже он узнал, что их демобилизовали из Центрального военного округа, где они проходили курс молодого бойца. Боец не подкачал, и каждый светлячок получил от него маленькую личинку. Создав плотную завесу заградительного огня, они закружились вокруг Джорджа. Ему захотелось прихлопнуть парочку этих жучков, но он удержался, испугавшись непредвиденных последствий. Трассирующий огонь светлячков затмил слабое сияние города, и Джордж не мог понять, в каком направлении ему следовало двигаться. Однако он и мысли не допускал о том, чтобы оставаться на месте. Он должен был скакать вперед, назло всем бедам, не обращая внимания на насмешки многотысячных толп. И поэтому он решил отправиться дальше. Словесный мешок поддержал его решение, но черепахан попросил их немного задержаться. Ему хотелось дослушать сонату на гитаре, которая доносилась из-под корней развесистого дуба. Их окружали неяркие цвета пурпура и зелени. Путь в город затерялся, и Джордж не мог отыскать его вновь. Просто странно иногда, куда исчезают все эти красные фонари, когда они нам так необходимы?

Тем не менее времени на подобные рассуждения не оставалось. Его хватало только для движения вперед, вопреки определенной неосвязаемости, которая окружала их своими вредными испарениями.

- Разве это выход? - спросил Джордж.

- Я думаю, вы справитесь, - ответил неопознанный голос.

Устав от подобных трюков, Джордж нашел параграф, который лежал на боку и немощно дрыгал ногами. Поставив его надлежащим образом, он сел сверху, но параграф тут же свелся до французской революции, а затем и вовсе сплющился. Джордж понял, что это не тот конек, на котором можно сидеть. Он еще раз осмотрелся вокруг.

Возвращение на яхту оказалось приятным сюрпризом. Пожилые дамы на нижней палубе вязали на спицах или сновали по углам со своими видеокамерами. Дети играли в боковых проходах, а головы пассажиров покачивались, вскрикивали и смеялись. Берег все больше терялся вдаль, но здесь, на корабле, преобладали забавы на роликах и беседы о кроликах, сигары, напитки, меха и накидки. И на воде мелькали оранжевые пятна, которые появлялись по законам невидимого мира, а затем исчезали в густом тумане, скрывавшем все, что только можно скрыть. Время от времени за кормой раздавались чавкающие звуки. Это великан вытягивал из илистого дна свои ноги в гигантских крагах. Он все ближе подбирался к судну, которое уносило от него барышника-самозванца.

- Да вы сами подумайте, какой из меня барышник, - возмущался Джордж.

- Нет, думать я буду позже, - отвечал ему великан. У него были пронизательные голубые глаза, непристойные черные усики, синяк на левом запястье и тамильский пояс мстителя, на котором виднелось множество таинственных символов. Однако больше всего ситуацию ухудшала группа балерин, сопровождавших великана по топи. Их тапочки чавкали по грязи, но они смеялись и хихикали в той манере сновиденных образов, которую Джордж находил просто отвратительной.

- Отвратительно! - воскликнул мешок. - Это слово звучит как звон набата.

- Избавь меня от своих поэтических сравнений, - огрызнулся Джордж. - Как бы нам узнать, что они задумали?

- Так вот ты где, барышник! - закричал гигант.

Он приблизился настолько, что Джордж при желании мог бы сказать ему пару слов прямо лицо в лицо. Длинные нечесанные волосы великана нависали на маленькие глаза, а те, в свою очередь, напоминали помятые широкие юбки. Джорджу не понравился жалкий вид гиганта. Прежде всего он оказался не таким уж и большим. Фактически это был какой-то пигмейский великан - на несколько дюймов короче самого Джорджа. Но малый рост не умалял его основных качеств, которыми, в общем-то, и характеризовались великаны: я имею в виду некоторую грубоватость и врожденное мастерство в обращении с вязальными спицами.

- Фе, фи, фо, фам, - произнес великан. - Я не помню остального, но, кажется, там были еще горькая жалоба и песня о людях, которые могут спать, не обращая внимания на грозящую им опасность. А теперь, сэр, ответьте мне на один вопрос. Вы - барышник?

- Ну а что, если да? - дипломатично спросил Джордж.

- Да, в общем-то, ничего, - ответил гигант, и в его голосе послышались извиняющиеся нотки. - В принципе меня не волнует, кто вы такой. И могу заверить вас, что я не сторонник поспешных действий. Как говорят, поспешишь - людей насмешишь.

- И вот столпились они вокруг, забытые байки давно прошедших времен, - заголосил вдруг словесный мешок. - И не знали они, что означали и для чего были придуманы. И стояли они в ряд, и дьявол брал их одну за другой.

Джордж ничего не понимал. Все это казалось ему таким же далеким, как и то место, куда бы он хотел уйти. А потом ему вдруг кое-что захотелось, и чувство настоятельности оказалось столь глубоким и сильным, что его можно было сравнить лишь с тоской о давно прошедших временах и о тех, кто еще не пришел. И именно в такую минуту эти черствые существа из злой вселенной подсовывали ему под нос какие-то невозможные сюжеты и бессмысленные фразы. Немудрено,

что он так никуда и не попадал. Они водили его по кругу, то туда, то сюда, превращая любую сцену в фарс и сумбур. А этот чертов черепахан вообще ему не помогал. Всунув голову под панцирь, он без остановки твердил себе под нос:

«Я здесь только временно, поэтому не обращайтесь на меня никакого внимания».

- Давайте больше не будем упоминать об этом, - предложил Джордж. - Мы все здесь только временно, но Владыки Творения ожидают от каждого из нас выполнения предначертанной роли. Между прочим, именно ты, словесный мешок, должен осмысливать линию сюжета.

- Я? - возмутился мешок. - Слушай, парень, у меня нет ни одной мысли по этому поводу. Лично по мне, так мы толчем воду в ступе. Лучше давай смотаемся отсюда, и все дела. Неужели тебе плевать на мою вменяемость? Я, между прочим, не собираюсь сливать здесь все свои слова, словно в одно хорошее место.

- Эй, куда ты пошел? - забеспокоился черепахан. - Не оставляй нас в беде, мешочек.

- Я на минуту. Природа зовет, - объяснил словесный мешок и отошел на обочину.

Присев за лиственницей, он выделил пару дерьмовых фраз из отверстия, которое недавно обнаружил в брюшной области. Это придало ему новые силы. Он почувствовал огромное облегчение и был близок к тому, чтобы полететь. Решив немного отдохнуть и сделать перерыв в словесном потоке, мешочек прилег на землю, постанывая от сладкого молчания. Джордж стоял рядом, застыв на середине жеста. Его рот приоткрылся, слова запутались в огромном лабиринте рта. И словесный мешок наслаждался вволю. Пришла пора начинать свое собственное дело. Он собрался с духом, но тут же понял, что любая попытка обречена на провал. Мрачная неопределенность, державшая в рабстве всех остальных, набросилась теперь и на него. И тогда, предав себя в руки судьбы, он отправился спать.

Посреди этой сцены Джордж увидел в небе сияющий объект. Поначалу он принял его за аэроплан - алюминиевый аэроплан, отражавший солнечные лучи от своей серебристой шкуры. Но потом он понял, что в конструкции объекта не было никакого плана. И, следовательно, этот предмет не мог оказаться планером, аэропланом и планетолетом. У Джорджа мелькнула мысль о НЛО. Однако объект не походил на тарелку. Осмотрев на всякий случай небеса, Джордж не нашел ничего нового. Все те же зеленые и пурпурные цвета, бескрайние воздушные просторы, которые, как всегда, не вызывали никакого интереса. Хотя там что-то все-таки происходило. Он мог поклясться в этом своим единственным волосом на подбородке. Что-то новое входило в его жизнь, и Джордж еще не знал, понравится ли ему это. Новые вещи случались слишком уж часто, но каждый раз вместе с ними появлялись какие-то проблемы и волнения. Вот почему ему не хотелось смотреть на ослепительную точку в небе, которая становилась все больше и больше, постепенно приобретая контуры человека.

Да, человека. Но кем был этот мужчина, летавший как птица? И был ли он вообще мужчиной? Присмотревшись к человеку, который пикировал на него из поднебесья, Джордж разглядел молодого парня, одетого в красное трико. Под тонкой тканью проступал белый купальный костюм, украшенный безвкусными золотыми звездами. На голове торчал блестящий шутовской колпак. Поначалу Джорджу показалось, что мужчина летал без всякой страховки, но потом он

догадался, что летун на чем-то сидел. Его руки были вытянуты над головой, сжимая невидимые канаты. Немного странно для полета, верно? Держаться ни за что и сидеть посреди воздуха! Пока мужчина приближался с маниакальной настойчивостью кирпича, упавшего с крыши, Джордж заметил под ним планку, к которой с двух концов крепились тросы. Эти тросы уходили вверх в безобидный на первый взгляд воздух, и получалось так, что парень сидел на огромных качелях или, вернее, на какой-то небесной трапеции. Он спускался на ней по нисходящей дуге, разгоняясь все быстрее и быстрее. Дуга почему-то проходила именно через Джорджа, и тот даже начинал подумывать о том, чтобы отойти подальше в сторону. Столкновение казалось неминуемым.

В самый последний момент артист на трапеции вновь помчался вверх, но, пролетая перед носом Джорджа, он ловко изогнулся и выхватил у него из рук словесный мешок.

Через секунду акробат исчез в искрящейся небесной выси, оседлав свою послушную трапецию и засовывая словесный мешочек в небольшую плетеную корзину, которая крепилась к его поясу золотым шнуром. В уверенных действиях вороватого гимнаста чувствовался тщательно продуманный план, который не имел никакого отношения к планерам, аэропланам и планктону.

- Осторожно! - кричал черепахан.

- Что ты хочешь сказать этим «осторожно»? - раздраженно спросил Джордж. - Все уже произошло.

- Значит, я немного опоздал, - сказал черепахан. - Ты же знаешь, как непросто оповещать людей о воздушном налете.

- Если тебе предстояло выполнить роль системы предупредительного оповещения, то ты потерпел абсолютное фиаско, - горячился Джордж. - И раз уж ты догадывался о чем-то подобном, то почему не предупредил меня загодя?

- Загодя? За год вперед?

- Перед событием, а не после него.

- А-а! Ты хотел что-нибудь типа учебной тревоги, верно? - спросил черепахан. - Ладно, отойди на пару шагов назад, и мы попробуем все сначала.

Джордж снова увидел маленький блестящий объект, который, быстро увеличиваясь в размерах, понесся к нему по гигантской дуге.

- Осторожно! - кричал черепахан.

- А что такое? - поинтересовался Джордж.

- К тебе летит блестящий объект, - объяснил черепахан. - И он не питает к тебе особой любви.

Джордж зачарованно уставился в небо, наблюдая за странным объектом. Тот приблизился и превратился в молодого человека, одетого в цирковой костюм. Его красное трико пробуждало какие-то смутные и тревожные воспоминания. Он молнией пронесся по дуге небесных качелей, а затем, миновав нижнюю точку маха, пригнулся вперед и выхватил из рук Джорджа словесный мешочек. Не прошло и секунды, как подлый артист уже умчался вверх под ехидный смешок черепахана.

- Мой словесный мешочек! - кричал Джордж. - Он его забрал!

- А ведь я тебя предупреждал, - ответил черепахан.

- Ты просто сказал, что мне надо вести себя осторожно. Но ты не объяснил причин.

- Откуда же я мог знать, что произойдет?

- Это уж не мои проблемы! Но если твоя система оповещения не может разобраться в таких простых вопросах, мне она и даром не нужна.

- Ладно, попробуем еще раз, - сказал черепахан. Джордж увидел, как в небе появился небольшой блестящий объект. Он быстро превратился в человека на трапеции, и тот направился прямо на Джорджа.

- Осторожно! - закричал черепахан. - Я думаю, что этот клоун из тех ребят, которые мечтают стащить у тебя словесный мешочек!

- Откуда такое нелепое предположение? - возмутился Джордж. - Взгляни, это просто артист на летающей трапеции. Он выглядит приличным молодым человеком. А какие у него прекрасные трусики и этот блестящий колпак! Какое веселенькое красное трико! Только параноик мог подумать, что такой милый юноша, с тонкими и грациозными манерами, может причинить мне какой-то вред.

- Какой-то вред, говоришь? - произнес черепахан, посматривая на циркача, который спускался все ниже и ниже.

- Эй, приве-е... - закричал Джордж, но Последний слог этой фразы застрял у него в горле, когда гимнаст, пролетая нижнюю точку маха, вдруг выхватил из его рук словесный мешок.

Следуя правилу цепочной подвески, небесные качели понесли грабителя в голубую высь. Джордж повернулся и обиженно взглянул на черепаху:

- И что ты теперь скажешь?

- Насчет чего? - спросил черепахан.

- Я говорю о твоём легкомысленном способе предупреждений, который закончился потерей моего словесного мешка. Неужели ты, бестолковая черепаха, не мог убедить меня в реальности этой угрозы? Ты же знал, какая опасность мне угрожает!

- Ах так! - закричал черепахан. - Я тут делаю все временные склонения, а он еще и недоволен! Знаешь, Джордж, ты сопляк и идиот, и я искренне тебя ненавижу!

С этими словами черепахан спрыгнул с плеча Джорджа и решительно зашагал к кустам.

- А что я такого сказал? - воскликнул Джордж. - Однако ответа не последовало. И черепаха действительно ушла.

- Откуда мне было знать, что это его проблема? - оправдывался Джордж, не обращая ни к кому в частности. - К тому же я немного нервничал. А кто бы не нервничал, потеряв такой ценный мешочек? Он не имел никакого права оскорблять меня и бросать на произвол судьбы. Это грубо с его стороны и абсолютно неуместно.

Да, беда никогда не приходит одна. Словесный мешок похитили или даже украли - смотря что тут иметь в виду. Черепахан ушел в таком гневе, который мог завести его очень далеко.

И как это все было несправедливо! Они оставили его. Впрочем, в каком-то смысле словесный мешок не оставлял Джорджа, поскольку его похитили, предположительно, против его воли. Но только предположительно. Что-то он не проявлял большого ужаса и не сопротивлялся, когда алчная рука гимнаста сжималась вокруг него. И даже если словесный мешок не желал такого исхода, не сделал ли он незаметного движения вперед или подскока в направлении захватчика, тем самым поспособствовав похищению? Более того, он уже давно мог

вынашивать подобные планы. Чем больше Джордж думал об этом инциденте, тем более верной казалась ему его догадка. А этот бессердечный черепахан? Вместо того чтобы выразить ему сочувствие, успокоить добрыми словами и нежными черепашьими яйцами, вместо того чтобы раскрасить все в приятные тона, он затопал на него ногами и в состоянии глубокого помрачения нанес Джорджу страшное оскорбление. Неужели мы действительно находимся во власти того, что, прожевав, не можем проглотить?

- Повторите, пожалуйста. Я не поняла последней фразы, - произнес рядом тихий голос.

Этот голос показался Джорджу необычным - в том смысле, что он был женским. Даже не поднимая головы, Джордж мог поклясться, что к нему обратилась блондинка, не меньше пяти футов и семи дюймов ростом, но и не больше того, в синевато-сером рабочем халате с пуговицами и брошью из слоновой кости. Взглянув на нее, он убедился, что, как всегда, оказался прав.

- Мы все во власти того, что приходит к нам без предупреждения, - сказал он. - Вернее, без соответствующего предупреждения со стороны тех, кому мы доверили защищать свои интересы. Это все чаще и чаще ввергает нас в опасные и неприятные ситуации, которых мы боимся и не можем принять. Но на нас нет вины за несообразности мира, за несостоятельность друзей, предательство любимых людей и вероломное упрямство обстоятельств. Во всяком случае, мне так кажется.

- Я Сатья, - представилась женщина. - И я называю свое имя не для того, чтобы нарушать ваше созерцательное уединение, но для того, чтобы вы могли сослаться на меня как-нибудь иначе, чем «она» и «женщина», когда посреди напряженной работы ума вам захочется придумать для меня какое-нибудь дело - если только, конечно, захочется. Я с радостью сыграю любую роль в вашей нелегкой жизни, особенно в такие трудные времена, потому что все, о чем вы сейчас говорили, является голой и неприкрытой правдой. С вами плохо обошлись ваши друзья, и это более чем возмутительно, поскольку никто из них не взял ответственность на себя - вину за то, что они совершили вопиющую несправедливость и опечалили вас своей несостоятельностью и вероломством корыстных деяний.

- Так вы меня действительно понимаете! - воскликнул Джордж и, взглянув в лицо Сатьи, впервые увидел, что она исключительно прекрасна.

- О, Джордж, - сказала Сатья, - конечно, я вас понимаю, как мог бы понять и каждый, кто хоть на миг поставил бы себя на ваше место и забыл о своем бездушном эгоизме.

- Как же вы меня понимаете! - растроганно произнес Джордж. - Какие точные слова вы находите!

- Но вы достойны этих слов, - продолжала Сатья. - К вам так плохо все относились. А мне с давних пор уготовлено судьбой приходить и исправлять ситуацию. Но если вам не угодно мое общество, Джордж, если вы думаете, что для него еще не пришло время, я вернусь назад, в свое небытие, и вновь займусь созданием гобеленов.

- Нет! Оставайтесь! Побудьте со мной какое-то время, - взмолился Джордж. - Ибо это величайший подарок судьбы, что вы отыскали меня здесь, одинокого и униженного. Ибо только вам удалось понять, что проблема состоит не во мне и

моих поступках. И ныне рад я и чувствую себя лучше, и все вокруг уже кажется мне не таким плохим и безотрадным. Не потому ли это, что вы рядом, мой друг?

- Вы изложили этот пункт с максимальной точностью, - ответила Сатья. - И только вы, Джордж, можете так ясно видеть природу вещей, несмотря на то что вас разрушает боль незаслуженной обиды. А мы ведь знаем, что словесный мешок был похищен не случайно. Как вы правильно сумели заметить, его ничем не объяснимая пассивность во время омерзительных действий гимнаста сама собой должна предполагать тот факт, что он находился в сговоре в этом мнимом похищении. Наверное, теперь, живя вдали от вас и насмехаясь над вашим горем, он тратит бесценные слова на коварного и затрапезного фигляра с трапеции.

- А ведь я это подозревал! - прошептал Джордж. - И потом еще эта черепаха...

- Да-да, обычный представитель своего вида с твердым панцирем и каменным сердцем. Он бросил вас в беде, когда вы так нуждались в его сострадании. Но разве вы не замечали в нем этой черствости и прежде?

- Конечно, замечал! - ответил Джордж. - Но теперь он показал свое истинное лицо!

- Я здесь только для того, чтобы успокоить и смягчить вашу боль, - сказала Сатья. - Я никогда не покину вас, Джордж, и пойду за вами следом, куда бы вы ни направлялись. Я буду поддерживать вас в любых неприятностях и вглядываться сквозь плотные испарения ваших внешних поступков в глубинную чистоту сердца, от которого они исходят.

- Как здорово! - с умилением произнес Джордж. - Я так рад!

Хотя, по правде сказать, он уже немного заскучал, потому что в словах Сатьи, несмотря на их очарование и любезность, было что-то пустое и глупое. Нет, она, конечно, выглядела довольно нормально, если вам по душе подобный тип хорошеньких и женственных блондинок. Но мужчина со вкусом, такой, как Джордж, мог бы подыскать для себя и кое-что получше. Тем не менее он решил не торопиться с выводами и выяснить до конца, насколько хорошо она понимала его в действительности.

- Что дальше? - спросил он.

- Я думаю, нам лучше уйти отсюда, потому что эти джунгли...

- Какие еще джунгли? - с раздражением спросил Джордж.

- Мы с вами находимся в джунглях, - объяснила Сатья. - Обратите внимание на эти лианы, цветы и влажный воздух, на это шипение змей и пронзительный щебет попугаев. Но я не говорю вам ничего такого, чего бы вы уже не знали, поэтому не огорчайтесь, мой друг. Вы и сами давно бы заметили все это, если бы не глубокая рана, которую вам нанесли те, кто пользовался вашей любовью, а затем так подло оставил вас...

- А ведь вы действительно понимаете меня, - произнес Джордж, не в силах больше скрывать своего удивления. - Так куда же мы теперь пойдём?

- Я живу неподалеку отсюда, - ответила она. - Посетив мой маленький дом, вы могли бы отдохнуть, восстановить утраченные силы и насладиться комфортом. Ваша боль пройдет, и все станет на свои места.

Устало кивнув, Джордж последовал за Сатией. Они пошли через джунгли, которые к тому времени уже окончательно оформились и превратились в настоящие тропические заросли с полным комплектом лиан, попугаев и рептилий. Время от времени тишину прерывало пение птицы, чей пронзительный голос

предвещал блеск невиданного оперения. Судя по настойчивости и однообразию мелодий, она подзывала своего самца или, если дело дошло до крайней нужды, самца какой-то другой птицы. Природа всегда поражает нас прямою своего глубинного смысла! Сквозь приглушенное похрюкивание и звонкий щебет Джордж слышал, как под его ногами хлопала и чавкала влажная почва джунглей.

Чуть позже они вышли на небольшую поляну. Джордж увидел несколько грядок, посаженных кукурузой и ростками жареной говядины. Среди йоркширских фруктовых пудингов колосились растения этих и других мест. Взглянув вверх в ответ на жест Сатьи, он рассмотрел в ветвях высокого дерева небольшой шалаш, сделанный из лозы и лиан. На окнах виднелись голубые ставни, из конической крыши щеголевато торчала фигурная дымовая труба. Веревочная лестница привела их наверх - причем за чисто символическую плату. Войдя в дом, Джордж погрузился в царство зеленых теней с низкой двуспальной кроватью, конторкой, сделанной из ротанга, и сундуком, который походил на собственность пирата. Благодаря украшениям из морских раковин и рогов тритона этот сундучок казался весьма живописным.

Кивнув в сторону двух кресел, Сатья предложила ему занять одно из них.

- Сначала мы слегка перекусим, - сказала она. - Потом вы расскажете мне о своих проблемах, и я выслушаю вас, с симпатией покачивая головой.

Идея показалась Джорджу просто превосходной. Он сел за небольшой обеденный стол и подоткнул под подбородок салфетку, сделанную из листьев. Сатья суежилась вокруг, развлекая его смешными и проказливыми выходками. Она засовывала нос в горшки и, принявшись, высыпала их содержимое в тарелки и кастрюли, после чего добавляла туда что-то из других бутылочек и горшков. Солнце забрызгало пол желтыми полосками и пятнами. Окрестные джунгли погружались в приятную тишину. И было удивительно прекрасно сидеть вот так и ничего не делать. А потом Сатья предложила ему ароматную сигару, и Джордж испытал истинное удовольствие. Во всяком случае, так о нем еще никто не заботился. Она даже пропитала один кончик ромом, а другой заботливо раскурила докрасна.

- Где вы ее достали? - спросил Джордж.

- Эту сигару? - отозвалась Сатья, не спуская глаз с покрасневшегося конца. - Вчера я вышла погулять и случайно набрела на табачную лавку. Просто изумительно, как порою могут складываться вещи. Я словно купила ее для того, чтобы доставить вам теперь удовольствие, мой сладенький.

- Вот только найдется ли сластена, которая захочет меня полизать, - ответил Джордж.

Она весело засмеялась от столь остроумной и двусмысленной игры слов.

А потом заалел закат, покрыв золотыми пятнами света зеленую шкуру джунглей. Наступавшая ночь потекла туманом сквозь кроны деревьев, и Джордж, вволю наигравшись в домике Сатьи, ощутил потребность сходить по ягоды за ближайшиe кусты. Он вернулся в шалаш с кадкой решетчатых груш и корнями никогдашки, которые ему удалось нащупать в темноте. Сатья сварила их на ужин.

Иногда в облаках рокотало, и начинался дождь - влажный и сырой тропический ливень, который впивался в нервные узлы костного мозга своими крошечными иглами и кремниевыми скребками. Порой от всех этих чудес Джордж умолкал на минуту или две, но в остальное время он говорил, хотя уже и без прежней охоты. А

вокруг царила темнота папоротникового леса и колдовство противоречивых мнений. И время бежало вперед с каким-то чрезмерным рвением. Чуть позже появился путь через лес, возникший перед мысленным взором Джорджа, а затем еще один путь - на маленькой карте, которую Сатья вырвала из журнала и повесила на стену.

Звуки и запахи джунглей поражали своим достоинством и величием, как, впрочем, и положено тем джунглям, которые располагаются в наиболее влажных областях человеческого сердца. Здесь тоже проходил путь, но о нем не знал никто, кроме Джорджа. Как жаль, что поток этих мыслей постоянно истощался и рядом не было океана, который мог бы баюкать его своими мелодиями.

Джордж полагал, что жизнь на дереве в неисследованных джунглях вместе с женщиной по имени Сатья будет омрачена отсутствием цивилизованных развлечений. Но, как оказалось, он ошибался. С наступлением второго вечера Сатья повела Джорджа на маленькую лесную поляну. Он не поверил своим глазам, увидев там симфонический оркестр в черных костюмах и белых бабочках. Музыканты располагались на пирамидальном подиуме перед многочисленной публикой, которая, вероятно, состояла из тысячи с лишним человек. Когда оркестр под управлением талантливого кондуктора, сэра Филиппа Почтенного, завелся и выехал на веселую кадрили, Джордж склонился к Сатье и спросил:

- Откуда здесь столько людей?

- Они живут в ближайших городах, - ответила она.

- Но я не видел никаких городов.

- Конечно, не видел. Джунгли слишком густые. Вот я и подумала, что пора познакомить тебя с нашими соседями.

- Так они действительно живут рядом с нами?

- Конечно. Некоторые из них обитают в сотне ярдов от нас.

Эта весть произвела на Джорджа неизгладимое впечатление. До сей поры он считал себя затерявшимся в странном утropicalном мире, но теперь до него начинало доходить, что рядом жили люди, которым этот лес вообще не казался странным.

После сольного концерта публику пригласили на прием, который проходил в большом каменном зале. Это место находилось за пределами видимости Джорджа, и доступ к нему ограничивали не только джунгли, но и река, которая по причинам абсолютной необходимости была затемнена полосой тумана.

Заскучав на приеме, Джордж решил пройтись по берегу реки. Вода казалась настоящей, и это наведало на мысль о чем-то тихом и уютном. Он наслаждался, рассматривая небольшую рябь, которая тянулась к берегу серебристой гибкой лианой. Луна в третьей четверти сияла над головой, и огни селения кружились хороводом на водной глади. Композиция получилась неплохой - особенно ветхие хижины у самого берега. Их почтенная древность смягчала дикий ландшафт, внося какие-то доверительные и сентиментальные нотки.

Еще большую реальность этому месту придавал полицейский отряд, который приближался к реке под надзором сердитого офицера. В такой темноте Джордж не мог рассмотреть его знаков отличия, но полицейских было не меньше двадцати. Они старались двигаться бесшумно, и их выдавал лишь скрип кожаных поясов и топот ног, обутой в ботинки.

Внезапно Джорджу подумалось, что его могут по ошибке принять за дезертира. В последнее время его дурные предчувствия сбывались одно за другим, и поэтому он решил на всякий случай побеспокоиться о собственной безопасности. К тому же Джорджу не раз казалось, что он с давних пор виновен в каком-то тяжком преступлении, за которое полагалось суровое наказание. Возможно, полиция выследила его и теперь пыталась поймать, чтобы предать суду или даже трибуналу? И он будет полным идиотом, если позволит им это сделать.

Мысли о преступлении казались немного странными, но Джордж не стал отмахиваться от них - особенно в такой ситуации, когда он без труда мог подстраховаться, отступить в тень и подождать, пока полицейские, с их неясными намерениями, не пройдут мимо него.

Затаив дыхание, Джордж ждал в кустах. Его контроль над собой достиг столь небывалой степени, что он даже не дернулся и не вскрикнул, когда почувствовал прикосновение к своей руке.

- Кто здесь? - прошептал Джордж.

Ответа не последовало, но все окрики и приказы прошлого стремительно пронеслись в его воображении, и он вздрогнул, вспомнив о них. Хотя какая могла быть связь между тем и этим? И к кому он отсылал свой вопрос? Тем более что его никто не заставлял думать на такие темы. И более того, его не заботил результат. Пока Джордж тревожился лишь о следующем шаге.

- Вот это верно, - сказал ребенок. - Продолжай в том же духе.

Джордж глубоко вздохнул и сделал выдох. Внезапно он с горечью подумал о том, что большая часть его жизни была наполнена только этими вдохами и выдохами, новыми вдохами и новыми выдохами. А сделал ли он что-нибудь еще? Ребенок дернул его за рукав, и на Джорджа нахлынула волна беспомощности. Это чувство он помнил еще по старым временам, когда все считали его маленьким пришельцем со странно вытянутым черепом и глазами, которые сияли в темноте, если ему позволяли оставаться одному. Черета воспоминаний влекла его к проходу среди теней, но Джорджу не хотелось идти туда.

- Конечно, ты не хочешь.

- Ладно, и без тебя разберусь, что к чему. Неужели я должен говорить даже о том, что мне не хочется делать?

- Ты большой, но тупой. Конечно, тебе придется это говорить. А как же еще ты выразишь то, что находится в глубинах твоего ума? Хорошо, я объясню это другими словами. Допустим, ты начинаешь откуда-то издалека и говоришь, говоришь до тех пор, пока не натыкаешься на тему, которая тебе нравится. И раз уж тебе это действительно нравится, ты берешься за дело всерьез.

Джордж покорно следовал за ребенком. Темнота вокруг наполнилась тем бесконечным мраком, который можно встретить лишь за гранью привычной нам тьмы. И Джорджу не хотелось ошибиться. Куда они шли? Он не ведал цели и не знал пути. Его все дальше уносило в прошлое, и за этим прошлым уже проглядывали времена, которые стояли за пределами любого мыслимого времени.

- Посиди тут немного, - сказал ребенок. - Я скоро вернусь.

Джордж находился на углу двух улиц. Осознав огромную усталость, он опустился на бордюрный камень. Мимо него проносились машины, и они действительно были машинами - он почти не сомневался в этом. Джордж знал, что, пока он сидел здесь, ему не угрожала никакая опасность, потому что рядом

проходили люди. Он больше не был одинок. Он только с виду казался одиноким. И поэтому Джордж сидел на бордюрном камне, ожидая перемен. Хотя на самом деле ничего не менялось. «Сколько мне здесь еще сидеть?» - спрашивал он себя. И тут же отвечал: «Сколько потребуется!»

И тогда, сидя на бордюрном камне, он вдруг увидел, как что-то блеснуло в воздухе. Предмет упал, и Джордж понял, что кто-то бросил ему на колени монету.

- Спасибо вам, сэр.

Неужели он докатился до милостыни? Ему бросали деньги, но разве он об этом просил? Джорджу не нравились вопросы такого типа. И он решил не нарушать ими покой небольшого, но заслуженного отдыха. Пусть события проносятся мимо одно за другим. Пусть они подмигивают ему и кивают, приглашая в путь. Он все равно будет сидеть на своем бордюрном камне. И никакая сила не сдвинет его с места.

- Вставай.

Это был голос ребенка.

- Спасибо, но мне и тут хорошо.

- Конечно, тебе хорошо. В том-то все и дело. Но ты должен перебороть это чувство. Вставай, Джордж! Нам надо кое-куда сходить.

Джордж неохотно поднялся на ноги. Он даже не знал, стоило ли ему вставать. Наверное, стоило. Иначе он навсегда остался бы здесь - одиноким, несчастным и униженным нищим. Джордж отряхнул штаны и пошел за ребенком.

Странно, но улица куда-то исчезла. Где же они тогда находились? В каком-то транспортном средстве, которое быстро мчалось по рельсам почти у самых крыш городских небоскребов. Таких домов он прежде не видел. Неужели ему придется проехать по всем остановкам, выполняя какие-то необходимые требования? Подобная перспектива его не прельщала, но, по крайней мере, он снова твердо стоял на своих ногах и мог двигаться куда-то вперед.

Но что его ожидало впереди, помимо усталости в ногах и истрепанной психики? Что это там маячило смутной полутенью? Неужели его словесный мешок?

- Нет, ч не ваш, - ответил словесный мешок и с небольшой улыбкой в уголках своих складок повернулся к кому-то еще.

Эта наглая авоська даже не позаботилась описать того, к кому она повернулась, и поэтому Джордж остался в еще большем неведении, чем до встречи с мешком. И тут он ничего не мог поделать. Нет, поправил себя Джордж, кое-что он все-таки мог - например, пойти дальше.

А ландшафт менялся прямо на глазах. Джордж слышал голоса.

- Демографическая фраза.

- Беспридаточное склонение.

- Потерялся в других широтах.

- Слова за пределами знания.

Джордж с грустью думал о том, что такие же слова иногда произносил его словесный мешок, когда он бывал в хорошем настроении. Ему вспоминались те далекие годы, когда словесные мешки считались еще большой редкостью, и каждый, кто имел хотя бы небольшой запас слов, относился к ним с враждебностью и презрением. Хотя слова остались в принципе теми же. Однако в те времена Джордж их понимал, и они не казались ему такими странными. В них чувствовался вкус и какая-то специфичность. А теперь она, к сожалению, исчезла.

И что тут такого, сказал он себе. Исчезла - так исчезла. Неужели в этом есть что-то новое? Но налет искусственной бравады слетал с него, как пыль со словесного мешка, который переживал не лучшие дни. На какой-то миг ему показалось, что он сейчас зачихнет, рассыплется на куски и развеется по ветру. Но был ли тут ветер? Что-то продолжало с ним происходить - иногда медленно, а порой и с возраставшей энергией в ответ на неясно осознанные законы естества. Хотя это никуда не вело. И все же он шел. Он двигался вперед - вернее, продолжал идти. А что ему еще оставалось, как не продолжать?

Задом назад, кругами на окнах - туда, где собаки могут скакать верхом. Теперь он даже не понимал того, о чем говорил.

- А о чем он говорил?

Да, все начиналось опять - вечные вопросы, поиски без ответа, слова без конца и без смысла. Он попытался взять над ними контроль. Это превращалось в довольно хитрое блуждание вокруг.

Бессознательная словесная мельница продолжала вертеться даже после того, как они собрали урожай всех хороших слов и, наполнив словесные мешки, отправили их в мир. Дело принимало плохой оборот, и требовалось незамедлительное хирургическое вмешательство.

- Просто лежи, Джордж, лежи, - сказал хирург. - У нас нет времени на соблюдение всех правил.

Джордж попытался вскочить на ноги, но его удержали на месте ремни.

- Послушайте, док. Я передумал. На самом деле мне не нужна эта операция.

- Теперь слишком поздно, - ответил хирург. Его маска на лице собиралась в складки, когда он загребал слова в совочек языка и выбрасывал их наружу.

- Тебе надо было подумать об этом заранее. У нас больше нет дороги назад. Мы должны ослабить давление в твоём мозговом мешке, потому что он переполнен до предела. По всей вероятности, после потери словесного мешочка ты так и не нашел способа эвакуации. Вот почему некоторые слова затвердели, спрессовались и начали давить на стенки кишечника. Их надо немедленно вывести наружу. Но не беспокойся, Джордж. Мы объясним тебе всю процедуру задолго до заблаговременного времени.

Он знал, что спорить было бессмысленно. Такие вещи, как эта, обычно делались во что бы то ни стало. Джордж молча наблюдал за анестезиологом, на голове которого белела светлая коробочка из-под пилюль. Тот, злорадно ухмыляясь, приближался к нему с тампоном, пропитанным снотворной эссенцией - почти магическим веществом, которое извлекали из одурманенных наркотиком коз.

- Расслабься, приятель. Положись на нас, а мы посмотрим, куда тебя отнести.

- У меня нет времени для объяснений, - зашептал ему в ухо голос маленькой девочки. - Но я послана, чтобы вывести вас отсюда. Вставайте! Вставай быстрее!

- Эй, минуточку, - возмутился он, и шепот Джорджа стал более настойчивым, когда эта невоспитанная девчонка вцепилась ему в рукав и потащила его туда, откуда пришла. - Я давно здесь не был, и мне не хочется никуда уходить.

- Не надо валять дурака, - ответила девочка. - Это слишком опасно. Вас и так тут избаловали сверх меры. Теперь же попрошу подчиняться приказам того, кто лучше вас знает о происходящих событиях. На все вопросы я отвечу вам позже.

В каком-то фигуральном смысле Джордж действительно валял дурака. Но что ему еще оставалось делать? Даже зная, что он сейчас занимается не очень

правильным делом, Джордж не мог остановить этот процесс. Потому что нет ничего более дурацкого, чем дурак, который по дурачости пытается не валять дурака.

Вступив в глухой и дремучий лес, Джордж увидел далеко впереди себя что-то блестящее среди тысячи оттенков зеленого цвета. Он начал приближаться к этому предмету - сначала медленно и осторожно, шагая как тот, кому не дали никаких инструкций, а потом быстро и решительно, как подобало тому, кто заново обрел свою потерянную отвагу. Блестевшая вещь оставалась на своем первоначальном месте, тем самым убеждая Джорджа в том, что ему не придется исследовать блуждающие огоньки. По поводу последних он знал, что, пользуясь манящим и привлекательным видом, они бессовестно завлекали в лесную глушь всех тех, кто начинал ухаживать за ними. Но встреченная им блестящая штучка вела себя совершенно иначе. И хоть она помигивала в стиле блуждающих огоньков, ее положение в окружающей среде от этого не менялось.

- Тады лады, - сказал Джордж. - Щас мы поэдырим, чо тута таке.

Он и сам не понял такого резкого перехода на псевдоитальянскую диалектику - что, впрочем, было самой старой и жалкой отговоркой из всех, поскольку она возникла у него первой. К тому времени он находился неподалеку от объекта. Его шаги, сообразуясь с визуальным откликом, замедлились настолько, что он без труда замечал каждую новую деталь, которая раскрывалась по мере приближения. Джордж не любил спешить при первом знакомстве, и на этот раз он тоже не стал нарушать своих правил. Он подступался не спеша, бочком и как бы нехотя. Джордж решил не только обезопасить себя, но и чутко воспринять всю полноту мастерства нашего творца и спасителя, дабы, составив верное мнение, не вызвать в дальнейшем упреков и оскорблений.

И он действительно их не вызвал - то есть ни один творец не выбежал из кустов и не обругал его последними словами. Сделав еще парочку шагов, Джордж оказался на расстоянии вытянутой руки от того, что блестело.

Он мягко и нежно раздвинул лианы, за которыми, дразня несбыточными надеждами, скрывался загадочный предмет. А потом Джордж около минуты смотрел на бронзовую пластину, пяти дюймов длиной и двух с половиной дюймов шириной, на поверхности которой среди множества причудливых завитушек и росчерков виднелось слово «ВХОД».

- Ага! - сказал Джордж, ни к кому не обращаясь, поскольку в тот момент он был один. - Все, как я и думал!

И хотя Джордж вовсе так не думал, эти слова немного успокоили его. Они давали ему ощущение контроля над тем неизвестным, с которым сплелась его жизнь после того... Впрочем, он уже и не помнил, после чего именно. Но раз уж так происходило все последнее время, то можно было ожидать подобного и в будущем, которое, кстати, выглядело не менее странным и необъяснимым.

- Куда же ведет этот вход? - спросил у себя Джордж (он все еще имел полный карман цитат и поэтому находился в несколько безрассудном настроении - хотя и с оттенками осторожности).

Джордж еще раз взглянул на табличку или, вернее, перенастроил фокус, так как его взгляд, сорвавшись с выгравированных букв, произвольно кружил по их периферии. Под бронзовой пластиной дюймах в четырех-пяти, а то и всех шести он увидел другой металлический объект, который из-за недостаточности блеска не привлек к себе его внимания при первоначальном осмотре.

Присмотревшись и вновь подстроив фокус, а затем отодвинув одной (вероятно, правой) рукой очередную лиану и сопутствующую ей лозу, он увидел бронзовую дверную ручку.

И это, как он сразу понял, было неспроста. Дверная ручка под бронзовой пластиной! Дверная ручка... Но что же она открывала?

- Это вовлекает дальнейшее изучение вопроса, - пробормотал он и раздвинул в сторону еще несколько лиан и ветвей, используя теперь уже обе руки.

И тут он увидел, что ручка и пластина были закреплены на прямоугольном деревянном предмете, который до известной степени напоминал дубовую дверь.

- Это вовлекает дальнейшее изучение вопроса! - воскликнул Джордж.

А затем, не желая, чтобы его приняли за непросвещенного человека, он добавил:

- Мы вытащим эту тайну на свет летнего дня.

Его голосовые связки приятно резонировали. Предчувствуя что-то хорошее (хотя прежде он предчувствовал что-то плохое), Джордж осмотрел дверь - сначала напрямую, потому с других точек зрения, то есть с боков.

Стороны двери ни к чему не примыкали, и там не было ни стен, ни каких-то иных технологических конструкций, которые обычно назывались косяками. Джордж видел перед собой только дверь, и ее окружали деревья, заросли лозы и длинные лианы, по которым ползали различные насекомые, рептилии и мелкие животные. Между ветвей порхали две маленькие птички. Хотя, возможно, там порхало их не две и даже не три.

Двигаясь слева направо, он обошел вокруг двери, потом развернулся и еще раз обошел вокруг нее, но уже справа налево. Каждый раз, завершая круг, Джордж возвращался на то место, с которого начинал обход. По крайней мере, он считал, что это - то самое место. Впрочем, здесь трудно было говорить о чем-то наверняка, потому что заросли с обеих сторон двери выглядели абсолютно так же, как и остальная часть джунглей - беспорядочным сплетением биологических организмов без точных и прямых углов.

Задняя сторона двери почти ничем не отличалась от передней. На ней не было бронзовых пластин и дверных ручек, но зато имелся листок бумаги, приколотый к древесине большой кнопкой из какого-то пурпурно-бронзового металла. На бумаге виднелась надпись, но Джорджу не хотелось читать ее сразу.

Слишком уж все казалось нарочитым и тенденциозным. Джордж подозревал, что эта надпись на задней стороне двери являлась приманкой в какую-то хитрую западню. Он не знал, что за люди установили здесь дверь, но, судя по отсутствию вещей, оставшихся после них, они принадлежали к очень древней и мудрой расе. Несмотря на долгие поиски, Джордж так и не нашел никаких пустых канистр, клочков бумаги и окурков сигарет. Его окружал лишь лес, безлюдный и безмятежный, и только Джордж попирал собою окружающий ландшафт.

Не желая признавать отсутствие выбора, он до последнего оттягивал решающий момент. Джордж понимал, что ему придется прочитать надпись на задней стороне двери и, возможно, нажать на дверную ручку. Если эта дверь откроется, он будет вынужден войти внутрь, потому что все уже было определено заранее, как в любой хорошей западне. Но что-то в нем бунтовало против подобных правил игры. Джордж знал, что, переступив через порог, он мог стать игрушкой в чужих руках. Иначе зачем эту дверь принесли сюда черт знает откуда? Конечно же, только для того, чтобы ловить неосторожных прохожих или даже нормальных осторожных

прохожих, которые забредали в джунгли по своим неотложным делам, а потом нажимали на дверную ручку и становились жертвами того, что происходило с ними.

Вне всяких сомнений, эта же участь поджидала и его. Но, прожив жизнь по собственным правилам, он не желал подчиняться судьбе. И хотя Джордж не мог привести каких-то конкретных примеров своей независимости и свободомыслия, он ни разу не усомнился в том, что прожил жизнь как вольный человек. Неужели открытая дверь предвещала начало его рабства? Джордж не знал ответа на этот вопрос, но его переполняли неприятные предчувствия. В глубине души ему хотелось разрушить планы врагов, выйти за пределы своих немодных на вид возможностей и сделать что-то редкое, новое и неожиданное - то самое, что показало бы им всем, каким он был на самом деле.

Однако в голову ничего не приходило. Очевидно, Джорджу мешала эта дверь - эта чертова дверь с бронзовой пластиной и ручкой. Немного посвистев и пошаркав ногами, он решительно прочистил горло, резко шагнул вперед и как бы случайно положил ладонь на дверную ручку.

Сжав бронзовую ручку изо всех сил, Джордж повернул ее и толкнул от себя. Дверь открылась. Он, не торопясь, постоял несколько секунд у порога, потом украдкой взглянул на дверной проем и увидел перед собой ярко освещенное серо-коричневое пространство. Пока Джордж рассматривал открывшуюся перспективу, ему в голову пришла интересная мысль: а не пора ли возвращаться в джунгли? Конечно, в зарослях тоже имелись свои опасности, но там не было никаких сюрпризов. Ведь каждый знает, какие дела творятся в глухом лесу и что потом из этого выходит. Но открытая дверь, которая вела в серо-коричневое пространство.. И все же она куда-то вела.

В джунгли он так и не вернулся. Ему не позволили уйти правила приличия. Джордж не помнил, что это были за правила, но у него мелькнуло несколько идей о том, чем они точно быть не могли. Одним словом, он не отступил перед лицом опасности. Да и никакое отступление ему бы тут не помогло. Рано или поздно Джорджу все равно пришлось бы переступить через порог, и он решил сделать это прямо сейчас, чтобы не мучить себя пустыми ожиданиями.

Джордж сделал два шага, потом три и переступил через порог.

Он повернулся, чтобы закрыть за собою дверь, но ее больше не было. Лес тоже исчез. Вместо зелени и древесных стволов Джордж увидел серо-коричневое место, значительно уступавшее в размерах даже самым маленьким джунглям.

Ему показалось - и позже эта догадка нашла экспериментальное подтверждение, - что он попал в комнату с серыми стенами и желто-коричневым полом. Несмотря на свои крупные габариты, комната не шла ни в какое сравнение с тропическим лесом. Ее низкий подвесной потолок коварно и ловко скрывал осветительные лампы.

Едва Джордж сделал шаг, чтобы осмотреть комнату, как на его плечо опустилась чья-то рука.

- Капитан! Я благодарю Бога, что вы вернулись! В комнате больше никого не было, и, следовательно, владелец руки обращался именно к нему.

- Да и я чертовски рад вернуться сюда, - на всякий случай ответил Джордж.

А что он мог еще сказать при таких обстоятельствах?

- Входите, сэр, и присаживайтесь в это кресло. Я всегда считал, что они совершили большую ошибку, отправив вас в Грохочущий мир. Могу ли я предложить вам выпить?

- А где мы сейчас находимся? - спросил Джордж. - И я вас немного не понял. Вы сказали Грохочущий мир или Хохочущий мир?

Мужской голос засмеялся:

- Зачем же вы так, сэр, шутите со мной.

- Минуточку, - оборвал его Джордж. - Как ваше имя?

- Я - Эдрич, сэр. Неужели вы меня не помните? Мы бок о бок сражались с вами в кусках невежественного жаргона, а потом с боями прорывались в бредовую несвязность.

Джордж даже представить себе не мог такую сложную трассу, и поэтому он наскоро состряпал вежливый ответ.

- Конечно, я помню вас, но не на самом деле - если вы только понимаете смысл этих слов. А смысл этих слов заключается в том, что, не имея ни малейшего желания показаться вам грубым человеком, я могу поклясться, что никогда вас прежде не видел.

- Я все понимаю, - ответил Эдрич. - Но не волнуйтесь, сэр. Вы не первый, у кого наблюдается частичная амнезия после прохождения через Глянцевый интерфейс. Небольшой отдых, и вы будете в полном порядке.

- Глянцевый интерфейс? Что это такое?

- Вполне обычный интерфейс, но в особой ситуации, - ответил Эдрич. - Назван так по имени Антона Глянца, изобретателя глянцевого эффекта. Надеюсь, вы не забыли об эффекте Глянца, сэр?

- Ну что вы! Как можно! - ответил Джордж, поскольку ему показалось, что он потеряет лицо, если признается в своем незнании эффекта Глянца.

Эдрич повел его в комнату. Усадив Джорджа в удобное кресло, он подошел к бару и смешал для них два коктейля. Желтая жидкость клубилась красными завитками в высоких зеленых бокалах. Джордж отхлебнул и нашел во вкусе приятную свежесть липы, смягченную какими-то другими компонентами, которых он не мог определить.

- Так уже лучше? - спросил Эдрич. - Расслабьтесь и насладитесь этой передышкой. Мне не хочется подгонять вас, Джордж, но я надеюсь, что вы вскоре сделаете свое нормальное перемещение.

- Да, думаю, мне это удастся, - ответил Джордж.

- Как скоро вы будете готовы? - спросил Эдрич. - Мне тоже не хочется никакой спешки, но, если у вас есть какая-нибудь идея, я мог бы внести изменения в инструктаж наших групп. Впрочем, вы и сами знаете, насколько это важно.

- Да, конечно, я знаю, - ответил Джордж. - Послушайте, а почему бы вам не поместить меня в следующий эпизод? Например, с постелью и подушкой.

- Что вы сказали?

- В следующий эпизод.

- А мне показалось, с постелью и подружкой.

- О нет! Нет!

- Да, наверное, это не то, что вас интересует. Я должен был догадаться.

Элдрич задумчиво потер ладонью лоб, сделал дюжину шагов по комнате и вдруг резко развернулся на каблуках, поворачиваясь к Джорджу. Прямо как танцор.

- Джордж! Неужели произошло что-то непредвиденное?

Джорджа встревожила эта беспричинная паника в голосе Элдрича. Вскинув руки, тот замер в нелепой позе. Его лицо выражало явные признаки дикого страха.

- Нет, Элдрич, - ответил Джордж. - Все в полном порядке.

Его уже начинала раздражать неправильная постановка сцены. Это он, а не Элдрич нуждался в ответах и утешении. Это он, черт возьми, вернулся из Грохочущего мира и, несмотря на усталость, готовился выполнить еще одно перемещение. Но Элдрич совсем расклеился, и Джорджу было неловко оставлять этого симпатичного парня в таком нелюбимом состоянии.

- Спокойно, Элдрич. Тревожиться не о чем.

- И вы не заметили ни одного проникновения? - спросил Элдрич.

- Ни кусочка, - ответил Джордж, хотя и не знал, о чем говорил его собеседник.

- И даже легкого перекрытия слоев?

- Вообще ничего.

- Вы в этом уверены?

- Послушай, приятель, - произнес Джордж. - Минуту назад я вернулся из Грохочущего мира. Но это еще не значит, что я, как какой-то отупевший идиот, не смыслю в делах, которые тут происходят. Не было никаких перекрытий, понимаешь? И уж тем более - проникновений!

- Надеюсь, вы правы. Но Хайнберген предсказывал...

- Забудь о Хайнбергене, - оборвал его Джордж. - Садись. Я сделаю тебе что-нибудь выпить. А потом ты расскажешь о моем новом задании.

Элдрич сел.

- Но что именно вы хотите узнать о вашем задании? - спросил он, и в его голосе появились нотки подозрительности.

- Ладно, забудь об этом, - сказал Джордж. - Я и так о нем все знаю. Просто мне хотелось поддержать беседу, пока ты не успокоишься и не поймешь, что у нас все в полном порядке.

- Так, значит, вот в чем дело? - спросил Элдрич.

- Ну конечно, - ответил Джордж.

- Как это мило с вашей стороны. Знаете, Джордж, вы всегда казались мне очень сильным и мужественным человеком. Вот почему, наверное, Цедулла так расстроился, когда понял, что вы ушли в Грохочущий мир. Я хотел сказать, что он полагался на вас, Джордж, хотя и скрывал от нас свои чувства. Да что там! Мы все полагались на вас.

- Ладно, хватит об этом, - произнес Джордж, немного смущаясь от признания своих заслуг и, как всегда, ничего не понимая. - Значит, Цедулла расстроился?

- Да, но ведь он расстраивается по любому поводу. Идемте, я покажу вам ваши апартаменты.

Он вывел Джорджа из комнаты с серыми стенами, и они вышли в длинный коридор, который занимал довольно долгий промежуток времени. Идеальную тишину нарушали только их шаги, приглушенные мягким ковровым покрытием.

- Мы решили разместить вас на прежнем месте, - сказал Элдрич. - Подготовка к полету еще не завершена, и вы можете немного вздремнуть и освежиться.

Элдрич остановился перед дверью, обозначенной буквами М и Ж. Он открыл ее, и Джордж увидел небольшую гостиную, за которой через открытую дверь просматривалась спальня. На стене имелось окно. Оно открывало вид на широкую зеленую лужайку с каймой деревьев по бокам. Чуть дальше начинались горы с синими полосками расщелин.

- Довольно мило, - сказал Джордж и, подойдя к окну, окинул взглядом панораму. - Что это за горы?

- Те, которые нарисовал для нас художник, - ответил Элдрич.

- Но какие именно? Он же, наверное, имел в виду вполне конкретную горную гряду?

Элдрич, немного подумав, пожал плечами.

- Для вас выделили небольшое космическое судно, - сказал он, прочистив горло. - Мы отправляем вашу ракетку через час. И, я думаю, воланчики тоже. Пока у нас тут действительно все спокойно, хотя на самом деле это только так кажется.

- Вы хотите сказать, что все это нереально?

- О какой реальности здесь вообще можно говорить? - ответил Элдрич. - Мы находимся в пространстве РБ2, и со всех сторон нас окружает мрак небытия.

А девочки были просто замечательные, подумал Джордж. Он знал, что в этой конфигурации, заново сплетенной пауком, ему не полагалось иметь такие мысли, но старая привычка брала свое. Впрочем, возводя бункер для негативных мыслей, мы тем самым лишь увековечиваем то, что нам хотелось бы спрятать и зарыть подальше в рассыпчатой почве благих намерений. Вот почему этот самонадеянный Паук, считающий себя единственным рассказчиком всех историй, осмелился присвоить теперь его голос и оплел липкой пряжей те коридоры, которые почти наверняка вели к фатальной аритмии. А как же женщины на берегу? Нет-нет, подумал Паук, мы покончим со всем этим! Мы просто прервем сейчас историю - гордую и отважную историю о прежней расе и людях, которые жили задолго до того, как пауки захватили власть над планетой. Джордж, соберись же, черт возьми! Своими мыслями об их кругленьких попках ты искажаешь всю величественность моих мыслей.

- Прошу прощения, - ответил Джордж, - но из-за энергетических проблем я не могу выйти на напридуманный вами берег. И раз уж так получилось, то почему бы вам не взяться за это дело самому и не оставить меня в покое?

- Это невозможно, - сказал паук. - Они разрушаются от моих прикосновений - даже от намека на прикосновение. Они разрушаются еще до того, как мне удастся приблизиться к ним и объяснить, что им нечего бояться. Вот почему старый банк мыслей не может позволять перенастройке унести тебя прочь, и вот почему у нас ничего не меняется.

Перевалив через вершину холма, Джордж увидел большой каркасный дом, окруженный цветочными клумбами. Среди ярких незнакомых цветов он узнал лишь черствые голубые незабудки и маленькие бутоны красноносой гернани. Этот дом, с белыми ситцевыми занавесками и могучими вязами, казался удивительно знакомым и близким. Джордж не помнил его, но продолжал идти по длинной тенистой аллее. Небо тонуло в глубокой и невероятной синеве, которая встречалась только в снах. В воздухе звенели птичьи песни. Солнечный свет отливал золотом в завитках колючей проволоки, прораставшей на зеленых кустах живой ограды.

Рядом высились стройные решетчатые деревья, которые во многих областях Вселенной назывались вышками.

Передняя дверь запиралась на простой крючок. Джордж приподнял его и вошел в дом. Он оказался в скромной гостиной, которая своей клейдсдельской софой <Подразумевается сравнение с очень известной клейдсдельской породой лошадей-тяжеловозов.> и камином в стиле Эймса напоминала добрые времена предыдущей эры.

Джордж нерешительно остановился у окна. Он не знал, что ему делать дальше, а вокруг не было никого, с кем бы он мог поговорить. Пройдя по разлапистому ковру с яркими узорами змей и подков, Джордж подошел к лестнице, которая вела на второй этаж. Где-то вверху светился квадратик света. Он начал медленно подниматься по неосвещенным ступеням, стараясь наступать на каждую из них, а не перескакивать торопливо через две и не нестись как угорелый через три-четыре. Когда ступени закончились на лестничной площадке, он зашагал по узкому коридору, который тоже показался ему чем-то знакомым. Но разве такое возможно? Он не мог знать коридор, в котором ни разу не был - это же понятно каждому, верно? Однако Джордж сомневался во всем. Вот почему он продолжал идти до тех пор, пока не дошел до конца коридора. Дверь слева от него оказалась открытой, и он заглянул в нее. В комнате стояла железная кровать, застеленная большим стеганым одеялом, на котором колосилась вышитая пшеница. Рядом виднелись два стула с прямыми спинками и старомодный комод на изогнутых ножках.

Пока он размышлял о том, что ему делать со всем этим, снизу послышался голос. И голос звал его:

- Джордж! Ты внутри?

- Ах ты, моя радость! Спускайся вниз и обними покрепче свою тетюшку Тез.

Джордж торопливо вышел из комнаты и спустился по лестнице. Вернувшись в гостиную, он увидел там маленькую пожилую леди с седыми волосами, уложенными в пучок. По всей вероятности, это и была его тетюшка Тез. Хотя еще минуту назад Джордж даже не подозревал, что у него имелась какая-то тетя. - Что же ты так долго не возвращался? - с упреком сказала она. - Мы тут тебя ждали - я, дядя Терри и твои кузены Энди и Слим. Представляю, как они обрадуются, увидев тебя!

- А где они сейчас? - спросил Джордж.

- Пошли в сарай, повалять в грязи свиной, - ответила тетя Тез и весело засмеялась. - Ступай на кухню, Джордж. Тебе повезло, потому что я решила испечь персиковый пирог. Твой любимый, если ты не забыл.

Он сел за кухонный стол. В открытое окно влетал веселый легкий ветерок. Выглянув наружу, Джордж осмотрел ландшафт, который уже покрыли длинные вечерние тени. Не заметив сарая, он решил, что хозяйственные постройки, очевидно, находились с другой стороны дома.

Тетя Тез суетилась вокруг плиты, выпекая фруктовый пирог из иррациональных чисел и глухих фонем. И те и другие по виду напоминали куриц, причем первые все время озабоченно кудахтали, а вторые притворно прислушивались к ним. Они откладывали маленькие коричневые яйца с тонкими зелеными полосками, которые можно было рассмотреть только с очень близкого расстояния. Где-то за домом раздавалось тихое мычание свежескошенного сена. Подернутая дымкой летняя

тишина нависала над миром, как плотная вуаль, лишь иногда приоткрывая уголок и пропуская жалобный крик козлодея.

На Джорджа нахлынуло непередаваемое чувство целостности, и он ощутил себя куском огромного мироздания. Но вслед за этим пришло ощущение раздробленности, а затем и рассыпчатости, когда он тщательно прожевал тот ломтик пирога, который ему вручила тетушка Тез. Крошки фонем пищали и хихикали у него во рту, что казалось не совсем верным, но и не таким уж неправильным. Цветочный чай с фруктовым пирогом сменился одним из тех чудесных вечеров, которые время от времени опускались на эту и другие древние страны во время магнитных бурь. Тут и там за окном мелькали большие пернатые птицы.

- Это грязнокрылые лебеди, - ответила тетушка Тез в ответ на его вопрошающий взгляд, полуприподнятые брови и руку, повисшую в воздухе в вопросительном жесте. - Люди считают их предвестниками бед и правильно делают, можешь мне поверить. Но тебе незачем тревожиться, мой мальчик. Они тебя здесь не найдут.

Джордж почувствовал себя очень маленьким. Однако его тревога, источавшая запах чизбургера, вполне соответствовала размерам взрослого человека. Между тем он давно уже планировал выпустить одного из своих голубков, и вот теперь это время настало.

Внезапно на проем открытой двери упала тень, а следом за ней и небольшой угловатый мужчина, одетый во все ржаво-коричневое и серое. К его голове прижималась помятая шляпа; через плечо свисал истрепанный дорожный мешок.

- О-о! - воскликнул он. - Могу ли я спросить, мне тоже это надо слушать?

- Мне-то ведь надо, - ответила тетя Тез. Повернувшись к Джорджу, она представила ввалившегося мужчину:

- Это Пьер Дунчик, наш французский наемник. Он выполняет у нас всю грязную работу. Разве ты не помнишь его, Джордж?

Джордж его не помнил, но он не хотел, чтобы об этом кто-то узнал.

- Привет, Пьер, - сказал он.

Французский наемник снял шляпу. Его засаленные серые волосы беспорядочно рассыпались по плечам, но затем, оценив расстояние до пола, быстро прилипли к воротничку костюма.

- А-а, кого я вижу! - произнес Пьер. - Молодой хозяин вернулся из Грохочущего мира, верно?

- Да, я был в отъезде, - ответил Джордж. - Мне пришлось поскитаться в далеких местах. И я многое повидал - не помню точно, раз или два. Но нет ничего лучше возвращения домой.

- Да, это, наверное, здорово, - сказал Пьер. - Я ведь помню, как часто ваш дядя говорил мне одно и то же:

«Эй, Пук!» Это он так называет меня в кругу семьи. «Ну что, Пук, ты не знаешь, сколько майских жуков уже улетело с той поры, как с нашей шеи свалился Джордж?» А я ему: «Пару полных горстей, продувная бестия». Очень уж нравится вашему дядюшке, когда я называю его таким образом.

- Да, он действительно это любит, - подтвердила тетушка Тез. - Даже странно, что ты, полукровка, находишь для нас такие точные и полные определения.

- Так ведь это все не с куста падает, хозяйюшка, - ответил Пьер. - А вы, Джордж, надолго к нам или как?

Джордж об этом еще не думал, поскольку всего лишь несколько минут назад у него и в мыслях не было заходить...

Его размышления часто велись автоматически, то есть независимо от воли Джорджа. Но он не желал становиться объектом каких-то опытов над простыми людьми. Неужели им не хватало для этого других беспомощных созданий? «Мы не гордимся нынешним положением дел, но так надо». Да, наверное, так надо, но будет ли этому конец?

И еще Джорджа интересовала цель, ради которой его подвергали таким мучениям. Он всегда размышлял об этом в те странные мгновения, когда пламя внутри угасало, когда звуки вызывали лишь раздражение и когда никто не появлялся, даже если включался свет.

В такие минуты тело изгибалось в поисках опоры и прочих удобств. Тоска, сжатая до критической массы, требовала выхода. Наступал кризис, и фразы теряли свой очевидный смысл. Они выплескивались наружу в свободном контексте, словно порванные клочья незавершенных сюжетов. Вот какую ясную и очевидную картину он видел теперь перед собой.

Потом появились экс-монарх Франции, комичный официант Эдди, Мартина с разбитым от горя сердцем и все остальные. Они с трудом выбирались из черного наброска, пытаясь создать какую-нибудь сцену. Это было ужасное зрелище для чуткого и отзывчивого сердца мужчины. Вдали уже виднелись хорошие и плохие дни, но сама картина все больше превращалась во что-то ужасное и смятое...

Джордж резко выпрямился и осмотрелся по сторонам.

Его едва не уговорили взять то, что они раздавали как месть и награду в горных святилищах - в местах, куда метафоры удалялись для весеннего очищения; в местах за радугой, которые не желали раскрывать себя людям. И эти места не могли быть известными, потому что о них знал каждый. Вот какие там были места.

Джордж понимал, что это только начало, и здесь намечалось нечто большее, чем встреча идей. Что-то уже пробивалось вовне. «Эй, ты, не заслоняй меня, мать твою!» И оно порождало ужасное беспокойство.

Формы вещей скользили на коньках, перескакивая от одного образа к другому. «Джордж, ты нас слышишь?»

- Да, я вас слышу, - ответил Джордж. - И мне очень жаль, что все закончилось так плохо. Я же им говорил, чтобы они никогда не будили меня таким образом.

А вас, наверное, интересует, что будет впереди. Это то, что мы все сейчас увидим.

Сцена по-прежнему пыталась пробиться из наброска. Но потом она выдохлась окончательно и откинула копыта. Мертворожденный сюжет, незрелый плод воображения. Утрите слезы, господа. «Джордж, ты все еще там?»

Джордж захихикал. Он так здорово спрятался в куче простыней под кроватью, что они никак не могли его найти. Это было то самое место. И он знал, что здесь ему ничего не грозит.

- Я, конечно, извиняюсь, но, может быть, поиграем вдвоем?

Джордж поднял голову. Он не ожидал услышать здесь другой голос. Они ему об этом ничего не говорили.

- Кто вы? - спросил Джордж.

- Зовите меня Коломбиной, - ответила она. - Я из балетной массовки и в настоящее время ожидаю роль. А вы, случайно, не актер?

- Я главный герой, - не без гордости ответил Джордж. Ему не хотелось использовать этот аргумент так рано - ну да и черт с ним. Если имеешь какой-то запас, лучше всего его когда-нибудь истратить.

Место, в котором они находились, обладало признаками чего-то необычного. Однако, несмотря на определенное своеобразие, оно еще не стало очевидным. Никто из них не знал, какие последуют указания и что произойдет дальше. Последнее вообще держалось в полном секрете.

Джордж решил немного рискнуть на этой стадии дел и внести со своей стороны небольшое предложение. Как следует взвесив целесообразность такого поступка, он сказал себе: «Да, черт возьми! А почему бы и нет?»

Однако мысль уже путалась в лабиринтах гамбургера высокой степени защиты. Они искали способ вломиться в его схему. Они даже использовали длинноносые щипцы, которыми тыкали его, сопя и фыркая от презрения. Конструкция выгибалась и изворачивалась. Прозрачный желтый сок вытекал из множества порезов, нанесенных газонокосилкой. Но они не давали нам пути для дальнейшего самоунижения, и поэтому мы из последних сил боролись за свою свободу.

Тем вечером тетя Тез приготовила на ужин песочное печенье, булочки из гальки и отбивные из отбитых кусков скалы. Пьер устроился в конце стола - специально для того, чтобы подбрасывать Пятну то один кусочек, то другой. Пятно, появившееся под его стулом, все дальше вытягивало изогнутый желтый язычок.

- Знаешь, Джордж, - сказала тетушка Тез, - я хочу, чтобы ты завтра встретился с другом нашей семьи.

- А кто он? - спросил Джордж.

- Он доктор исторических наук, и мы называем его Инопланетным Историком.

- Хорошо, - сказал Джордж с едва заметным оттенком живости, хотя он еще не понял, как ему отнестись к намеченной встрече. - Так кто же он, этот Инопланетный Историк?

- Ладно, Джордж, я не буду скрывать от тебя правды, - произнесла тетя Тез. - Мне не хотелось лишать тебя удовольствия, которое ты можешь получить от встречи с ним.

- А вы уверены, что я получу удовольствие? - спросил Джордж. - Пусть вас не удивляет мой вопрос. Мне просто хочется знать, что вы подразумеваете под этим термином.

Вот теперь все, как надо. Это, между прочим, моя реплика, а то, что вы прочитаете дальше, будет относиться уже к мыслям Джорджа и его настроению, которое менялось с каждым днем. Ему почему-то не хотелось думать о встрече с Инопланетным Историком, но он не мог не думать об этом. Мысли о предстоящей встрече терзали его целый день и сбивали концентрацию внимания, которая требовалась для выполнения домашней работы - например, для выкапывания Анютиных глазок. Анюту обычно откапывал Пьер, и это была кропотливая работа, во время которой приходилось долбить землю ломом, копать ее лопатой и разрыхлять мотыгой. Длинная рукоятка мотыги из ценной породы полированного дуба имела два нароста, за которые ее обычно и держали. Иногда использовались мотыги с тремя наростами, но за отсутствием трехруких людей...

А потом день прошел. Кур загнали во двор; петух важно взлетел на крыльцо и поставил там свою именную печать, после чего их пастух устало поплелся домой.

На землю легла тишина, облака закрыли солнце, и слабый ветерок, поднявшись, вновь опустился вниз. В тот день Джордж часто отмечал подобные нестыковки.

Однако в последующих сценах и эпизодах мы увидим Джорджа за работой в поле; в заботах о странно раскрашенной и рогатой скотине; в беседах с большой албанской свиньей. Он трудился до седьмого пота, который ему удалось смыть, нырнув в небольшой ручей, протекавший перед белым домом, построенным прямо посреди сельскохозяйственных угодий.

На закате все отправились к куче камней, которые благодаря своей любопытной форме считались религиозной святыней этих мест. Тени скручивались и сплетались среди древних развалин. Могучие дубы звали черными дуплами, и между ними блуждали жуткие зеленые и розовые огоньки.

И тогда наступила ночь, и пришло время последний раз напиться, перед тем как принять неизбежный укол. А потом в постель, и живо!

Прилетели сны, помахивая крыльями противоречий. Но мы пока не будем исследовать их, поскольку они займут свое достойное место в следующем цикле лекций. Поэтому, переходя непосредственно к рассвету, мы пропустим остаток ночи - тем более что в ней не было ничего интересного. Хотя знаете что? Давайте пропустим и рассвет. Все равно Джордж думал только об одном: о встрече с пришельцем.

На следующее утро, яркое и раннее, но не такое уж и раннее, чтобы там не хватило места для нескольких чашек кофе, в дом пришел Инопланетный Историк.

До нас дошло несколько описаний Инопланетных Историков. К сожалению, ни одно из них не является точным, потому что пришельцы имели текучую форму. Например, Историки меняли свои взгляды и остальные части тел почти с той же регулярностью, с какой мы трансформируем наше настроение. А надо сказать, что Инопланетный Историк тоже имел гамму чувств, и его форма часто отражала их состояние.

Тем утром он находился в слегка неуверенном настроении, и это отразилось на его формах соматотипа. Он долго не мог решить, в каком образе явить себя миру. Выбрать что-нибудь античное, аскетическое, с вытянутым носом и поджатыми губами? Или, наоборот, что-то яркощекое, улыбочивое и общительное? А что, если попробовать какую-нибудь новинку? Допустим, взять две головы с разными на вид физиономиями. Или лучше вообще без физиономий. Пустые лица! Это всегда воспринималось как хорошая шутка и хороший тон.

Пока Инопланетный Историк примерялся к различным формам, тетя Тез представила гостя.

- Любезный друг, я хочу представить вам Джорджа, моего племянника и очень хорошего мальчика, хотя мне и самой в это часто не верится.

- Очень рад познакомиться, - ответил Джордж.

- Деге Ерат, - произнес Инопланетный Историк.

- Не понял?

- Это традиционное торжественное восклицание, которое используется склеротиками планеты Аделдис.

- А-а, - ответил Джордж. - Я этого не знал.

- У вас не было причин знать об этом.

- Да, думаю, не было.

- Вы тут поговорите друг с другом, а я займусь делами, - сказала тетя Тез.

Она вернулась в дом. Подходило время ставить ловушки на ячменные оладьи, которые грызли мебель и превращали все в муку.

- Вот такие дела, - произнес Джордж, когда они остались одни на заднем дворе за маленьким переносным столом для пикников - почти у самых кустов черной смородины, но относительно далеко от сливового дерева.

- Да, можно сказать и так, - ответил Инопланетный Историк.

В конце концов он решил превратить себя в очень высокого двучленного мужчину, с розовыми глазами и зеленоватым цветом кожи.

- Вы, как я понимаю, с Земли? - спросил он. - Как вы догадались?

- По выражению недоумения. У вас, землян, это получается просто превосходно.

- Да, мы в этом часто практикуемся, - сказал Джордж. - А могу ли я спросить у вас, что здесь делает Инопланетный Историк?

- Историю, - ответил пришелец. - Жестокую владычицу наших судеб. В принципе мы знаем, каким образом должны складываться события. И универсальная история всего бытия написана давным-давно. К сожалению, жизнь не желает копировать ее в скромной и соответствующей манере. Вот почему мы. Инопланетные Историки, вынуждены вмешиваться в ход эволюции и расставлять все по своим местам.

- Неужели? - спросил Джордж.

- Да, - ответил Инопланетный Историк.

- Но почему вы тогда сидите здесь?

- Из-за вас, Джордж. Только из-за вас.

- Из-за меня? Неужели со мной что-то не так?

- Хорошо, что вы сами догадываетесь об этом, - ответил Инопланетный Историк. - Джордж, вы все время находитесь в самом себе и, вероятно, не понимаете, какое впечатление производите на окружающих. Скажите, вам не кажется, что вы все время блуждаете вокруг да около? Вам не кажется, что большую часть времени вы вообще ничего не делаете?

- А разве это плохо?

- Это было бы неплохо для незначительного и второстепенного персонажа. Но вы здесь главное действующее лицо!

- Я главное лицо? - с испугом спросил Джордж. - Вы в этом уверены?

- Конечно, уверен, - ответил Инопланетный Историк. - И все это время вы палец о палец не ударили.

- Что же нам теперь делать? Я полагаю, у вас есть какие-то соображения по этому поводу?

- Кое-какие идеи у меня действительно есть, - сказал Инопланетный Историк. - Но перед тем как приступить к решительным действиям, нам не мешало бы промочить горло.